

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 1 (71) 2023

Калининград - 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

Учредитель - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России).

Главный редактор - доктор юридических наук, профессор С.В.Векленко.

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России. 2023. № 1 (71). Калининград:
Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2023. 150 с.

Подписной индекс 45691, Объединенный каталог «Пресса России».

Электронная версия журнала:

https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala

https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования - Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.

Научные публикации, включенные в Вестник, представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Адрес редакции, издателя и типографии:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: niirio_klimvd@mail.ru.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии -

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Заместитель председателя редакционной коллегии -

СТАРОСТИНА Светлана Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (по учебной и научной работе).

Члены редакционной коллегии:

АВДЕЕВ Виктор Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИНИЦКИЙ Лев Витальевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Смоленского государственного университета;

ВОЛЧЕЦКАЯ Татьяна Станиславовна,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминологии и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта;

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич,

доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДЖОРОБЕКОВА Арзыгуль Мамаюнусовна,

доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович,

доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

КАЛИННИКОВ Андрей Станиславович,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

КВАШИС Виталий Ефимович,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

ПОПОВ Владимир Леонидович,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации;

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта;

СЕРДОБИНЦЕВ Кирилл Станиславович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

СУЧКОВ Юрий Иванович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

УХОВ Владимир Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ЧАПЛЫГИН Владимир Германович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук Калининградского института экономики.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.

Deputy Chairman of the Editorial Board -

STAROSTINA Svetlana Andreyevna, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.

Members of the editorial board:

AVDEEV Viktor Nikolaevich, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of Criminal Procedure of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

VINITSKY Lev Vitalevich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Smolensk State University;

VOLCHETSKAYA Tatyana Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of Department of Criminal Procedure, Criminology and Legal Informatics at Immanuel Kant Baltic Federal University;

GRIGORYEV Anatoliy Nikolaevich, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Informational Support of the Internal Affairs Agencies of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

DZHOROBEKOVA Arzygul Mamayunusovna, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic;

ZAYTSEV Anatoly Alexandrovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Physical Education of the Kaliningrad Technical University;

KALINNIKOV Andrey Stanislavovich, PhD in Pedagogical Sciences, Head of the Department of Special-tactical, Firing and Physical Training of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

KVASHIS Vitaliy Efimovich, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

POPOV Vladimir Leonidovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federations;

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Department of Civil Law and Procedure at Immanuel Kant Baltic Federal University;

SERDOBINTSEV Kirill Stanislavovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Economic and Humanities Disciplines of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

SUCHKOV Yuriy Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

UKHOV Vladimir Yuryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

FADEYEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Informational Support of Internal Affairs Agencies of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

CHAPLYGIN Vladimir Germanovich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Humanities of the Kaliningrad Institute of Economics.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВЕКЛЕНКО С.В., СЕМЧЕНКОВ И.П., СОРОКИН И.С. Интеллектуальный момент косвенного умысла	9
ФАЛЕЕВ В.И. Отдельные вопросы квалификации преступлений, связанных с оборотом поддельных денег или ценных бумаг, совершаемых в соучастии.....	16
ВЛАСЕНКОВА Э.А. К вопросу о содержании жестокого обращения с несовершеннолетним при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по его воспитанию	20

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

АБСАТАРОВ Р.Р. Правовые проблемы изъятия электронных носителей информации и получения копий с них	25
ВОЗНЮК Е.П. К вопросу о критериях оценки достаточности доказательств в ходе досудебного уголовного судопроизводства	29
ГЕРШИШЕВА М.Р. Наложение ареста на имущество как обеспечительная мера процессуального принуждения	33
НАВАЛИЕВ Н.М. Особый правовой режим в уголовном судопроизводстве России	37

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АРТЮХОВ А.В., БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ О.И. Значимые элементы оперативно-разыскной характеристики карманных краж.....	41
НОВИКОВ А.А., ПЕТРОСЯН Д.А. Особенности проведения гласного оперативно- разыскного мероприятия «Наведение справок» при документировании незаконного предпринимательства в сфере оборота лома и отходов чёрных и цветных металлов	46
ПРОКОФЬЕВА Е.В., АГАРКОВА Т.К., СЕМИНОЖЕНКО А.И. Методологические основы применения беспилотных летательных аппаратов для обследования открытых участков местности.....	50

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

БУЛГАКОВА Л.С. Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды	56

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

ВЕКЛЕНКО С.В., СТЕПАНОВ М.М. Развитие уголовно-исполнительной системы России через призму исторического опыта	60
ЗАЙЦЕВ А.А., ЛАПИН Д.А. О мерах обеспечения безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий.....	64
ДЕРЕНДЯЕВА Т.М., МУХИНА Г.А., БУРДЕЙНЫЙ В.В. Моделирование как инструмент правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровизации социально-экономической среды.....	70
ИНЖИЕВА Б.Б. О роли экологического страхования в механизме охраны окружающей среды в период перехода России к «зелёной» экономике	75

ЛАМПАДОВА С.С.

Институт квотирования как средство
управления миграцией (на примере США)..... 81

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

БАЛАНДИН А.А.

Технология обучения сотрудников охранно-конвойных
подразделений полиции применению физической
силы в ситуациях служебной деятельности..... 86

ИВАНЮК А.М.

Об особенностях стрельбы из табельного оружия
из-за укрытия с учетом требований по обеспечению
личной безопасности сотрудника полиции..... 91

КОКУШЕВ А.Б.

Понятие информационных систем как средств обеспечения
учетно-регистрационной деятельности оперативно-
криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан..... 96

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО**

ПЛОТНИКОВ В.В., КУЧМЕЗОВ Р.Н., БИЧАН В.А.

Игра как фактор эффективности педагогики высшей школы..... 101

ВОРОНЦОВА Ю.А., ХОРОШКО Е.Ю.

Особенности формирования лексической компетенции на основе
профессионально ориентированного дидактического материала 105

**ГУМАНИТАРНЫЕ
И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ**

СЕРДОБИНЦЕВ К.С.

Россия - Европа? Анализ цивилизационных парадигм 111

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

БЕЛЯЕВА Л.И., КЛИМОВ А.Ю.

Роль объезжих голов в обеспечении общественного
порядка и борьбе с преступностью в средневековой Москве..... 115

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

ВОЙТЕНКО О.Н.

Особенности формирования российской правовой
системы в период становления советской государственности..... 121

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ**

АНИСИМОВА Т.В.

Содержание риторической компетенции
выпускника юридического вуза 127

АРАКЕЛЯН Г.Л., ПЕСТОВ Р.А., БИЧАН Н.В.

Нормативно-правовые аспекты организации физической
подготовки сотрудников органов внутренних дел 132

ГРИЧАНОВ А.С.

Особенности социального и нравственного
развития курсантов образовательных организаций
МВД России на занятиях по физической подготовке..... 136

КАЛИННИКОВ А.С., КОЗЛОВ О.В., СТАРЦЕВ А.М.

Обучение выполнению первого выстрела как основа
успешного освоения техники скоростной стрельбы из пистолета 140

СЕЗОНОВА Т.В.

Об опыте преподавания учебной дисциплины «Расследование
преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических
средств, психотропных веществ и их прекурсоров» 144

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

<i>VEKLENKO S.V., SEMCHENKOV I.P., SOROKIN I.S.</i> The intellectual moment of indirect intent	9
<i>FALEEV V.I.</i> Certain issues of qualification of crimes related to the circulation of counterfeit money or securities committed in complicity	16
<i>VLASENKOVA E.A.</i> On the issue of the content of ill-treatment of a minor in case of non-fulfillment or improper fulfillment of duties or his upbringing.....	20

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

<i>ABSATAROV R.R.</i> Legal problems of withdrawal of electronic media of information and obtaining copies from them.....	25
<i>VOZNYUK E.P.</i> On the issue of criteria for assessing the sufficiency of evidence in the course of pre-trial criminal proceedings.....	29
<i>GERSHISHEVA M.R.</i> Seizure of property as an interim measure of procedural coercion.....	33
<i>NAVALIEV N.M.</i> Special legal regime in criminal proceedings in Russia.....	37

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

<i>ARTYUKHOV A.V., BELOKOBYSKAYA O.I.</i> Significant elements of the operational- investigative characteristics of pickpocketing.....	41
<i>NOVIKOV A.A., PETROSYAN D.A.</i> Features of conducting a public operational-search activity «Inquiry» when documenting illegal business in the field of turnover of scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals	46
<i>PROKOFIEVA E.V., AGARKOVA T.K., SEMINOZHENKO A.I.</i> Methodological bases for the use of unmanned aerial vehicles for surveying open areas.....	50

ADMINISTRATIVE LEGISLATION AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

<i>BULGAKOVA L.S.</i> Administrative and legal regulation of environmental protection.....	56

STATE. SOCIETY. LAW

<i>VEKLENKO S.V., STEPANOV M.M.,</i> Development of the penitentiary system of Russia through the prism of historical experience.....	60
<i>ZAITSEV A.A., LAPIN D.A.</i> On security measures during mass sporting events	64
<i>DERENDYAEVA T.M., MUKHINA G.A., BURDEYNY V.V.</i> Modeling as a tool for legal regulation of the results of intellectual activity in the context of digitalization of the socio-economic environment.....	70
<i>INZHIEVA B.B.</i> On the role of environmental insurance in the mechanism of environmental protection during Russia's transition to a «green» economy.....	75

LAMPADOVA S.S. The institution of quoting as an instrument of managing migration (on the example of the USA)	81
IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES	
BALANDIN A.A. Technology for training employees of security and escort police units in the use of physical force in situations of official activity	86
IVANYUK A.M. On the features of firing from service weapons from behind cover, taking into account the requirements for ensuring the personal safety of a police officer.....	91
KOKUSHEV A.B. The concept of information systems as a means of ensuring accounting and registration activities of operational and forensic divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.....	96
EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS	
PLOTNIKOV V.V., KUCHMEZOV R.N., BICHAN V.A. Game as a factor of effectiveness of higher education pedagogy	101
VORONTSOVA YUA., KHOROSHKO E.YU. Peculiarities of the formation of lexical competence based on professionally oriented didactic material	105
HUMANITIES AND NATURAL SCIENCES	
SERDOBINTSEV K.S., Russia - Europe? Analysis of civilizational paradigms	111
PAGES OF THE HISTORY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES	
BELYAEVA L.I., KLIMOV A.Y. The role of visiting heads in ensuring public order and combating crime in medieval Moscow	115
HISTORICAL JURISPRUDENCE	
VOITENKO O.N. Features of the formation of the Russian legal system during the formation of Soviet statehood	121
PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING	
ANISIMOVA T.V. The content of the rhetorical competence of a graduate of a law school	127
ARAKELYAN G.L., PESTOV R.A., BICHAN N.V. Regulatory and legal aspects of the organization of physical training of employees of internal affairs bodies	132
GRICHANOV A.S. Features of social and moral development of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in physical training classes	136
KALINNIKOV A.S., KOZLOV O.V., STARTSEV A.M. Training in the first shot as the basis for the successful development of the technique of high-speed pistol shooting	140
SEZONOVA T.V. About the experience of teaching the academic discipline «Investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors».....	144

Уголовное право и особенности квалификации преступлений

ВЕКЛЕНКО С.В.,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

СЕМЧЕНКОВ И.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
semchenkov@mail@yandex.ru

СОРОКИН И.С.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
issorokin@mail.ru

УДК 343.01

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МОМЕНТ КОСВЕННОГО УМЫСЛА

Косвенный умысел, осознание, предвидение, возможность, неизбежность, убийство, общественная опасность.

В статье рассматриваются положения теории уголовного права и действующего уголовного законодательства, которые исключают возможность предвидения неизбежности последствий в косвенном умысле. Вскрываются причины такого решения вопроса. Обосновывается вывод о том, что предвидение неизбежности последствий может иметь место не только в прямом, но и косвенном умысле. Показано большое практическое значение данного вывода для правильной уголовно-правовой оценки содеянного и соблюдения принципа законности в уголовном праве. Кроме того, в статье излагаются и другие обладающие новизной, теоретической и практической значимостью результаты проведенного авторами научного исследования.

Цель настоящей статьи - ознакомить научную общественность с опытом непредвзятого научного анализа ошибок, имеющих место в понимании и законодательном описании интеллектуального момента косвенного умысла. Важной методологической особенностью исследования является использование универсального общенаучного метода «восхождения познания», который отдает приоритет фактам действительности и тем представлениям (научным абстракциям), которые им соответствуют [3, с. 9-10].

Статья 8 УК РСФСР 1960 года содержала обобщенное понятие умышленной формы вины, не выделяя отдельно умысел прямой и умысел косвенный. Соответственно этому характер предвидения последствий преступления при их наличии с точки зрения уголовного закона был всегда одинаков. И для прямого умысла, и для косвенного требовалось наличие предвидения последствий без разделения его на предвидение возможности (вероятности) и на предвидение неизбежности их наступления. В действующем УК РФ 1996 года этот вопрос решен иначе: понятия двух видов умысла сформулированы и закреплены по-отдельности. Понятие прямого умысла закреплено в ч. 2 ст. 25 УК РФ, косвенного - в ч. 3 той же статьи. К числу отличий одного вида умысла от другого относится характер предвидения последствий совершаемого деяния. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ при прямом умысле лицо может предвидеть как возможность, так и неизбежность вредных последствий, а согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ, то есть при косвенном умысле, - только возможность их наступления.

В основе законодательного разграничения прямого и косвенного умысла по характеру предвидения лежит точка зрения, согласно которой при совершении преступления с косвенным умыслом лицо может предвидеть только возможность преступных последствий, то есть вероятность их наступления, а неизбежность причиняемого вреда предвидеть не может. Однако данное законодательное решение и лежащая в его основе точка зрения представляются необоснованными. Реальные факты действительности указывают на то, что предвидение неизбежности преступных последствий может иметь место не только при прямом умысле, но и в случае косвенного умысла.

Например, ревнивый муж принимает решение убить бизнесмена (любовника жены), который всегда передвигается на автомобиле с водителем и охранником. Избранный способ убийства - взрыв жертвы вместе с транспортным средством, водителем и охраной [6, с. 19].

В отношении смерти бизнесмена умысел виновного является прямым, эта смерть необходима ему. Однако в отношении смерти водителя и охранника умысел является косвенным, их смерти не нужны виновному и являются побочным, косвенным результатом убийства бизнесмена. Не нуждается лицо и в уничтожении автомобиля, что также является побочным, косвенным результатом его преступления. На то, что характер предвидения по отношению ко всем последствиям абсолютно одинаков, указывает избранный способ совершения преступления. Приводя в действие взрывное устройство, виновный абсолютно одинаково предвидит неизбежность смерти и бизнесмена, и водителя, и охранника. Предвидение неизбежности присутствует у него и в отношении такого последствия, как уничтожение автомобиля.

По сути, в данной ситуации виновного следовало бы привлечь за три преступления: по ст. 222.1 УК РФ - за незаконные действия со взрывным устройством, по ч. 2 ст. 167 УК РФ - за умышленное уничтожение имущества путем взрыва, а также по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ - за убийство трех лиц (одного - с прямым умыслом и еще двоих - с косвенным). Однако такой - правильной - квалификации препятствует недостаток ч. 3 ст. 25 УК РФ, которая превращает косвенный умысел с предвидением неизбежности в нечто несуществующее для уголовного закона. В рассматриваемом примере указанный недостаток делает невидимым для правосудия смерть водителя, смерть охранника и уничтожение автомобиля. По этой причине, руководствуясь принципом законности (ст. 3 УК РФ) и законодательным описанием косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ), виновного следует привлекать к ответственности не так, как того требуют фактические обстоятельства, а только за незаконные действия со взрывным устройством (ст. 222.1 УК РФ) и убийство одного человека (бизнесмена) по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Различие этих вариантов квалификации является не только существенным, но и вопиющим. О стремлении к максимально возможному достижению целей уголовного наказания в данном случае вопрос можно не ставить. Ответ на него и без того очевиден. Последний вариант квалификации не просто не способствует достижению названных целей, он является неодолимым препятствием на пути к их достижению.

Аналогичная ситуация может также иметь место при совершении, например, преступлений, выражающихся в причинении вреда здоровью, уклонении от уплаты налогов, причинении вреда при превышении пределов крайней необходимости, и во многих других случаях совершения преступлений с косвенным умыслом, которые характеризуются предвидением неизбежности наступления преступных последствий. В частности, весьма по-

казательным примером является убийство в ситуации превышения пределов крайней необходимости, когда родитель спасает жизнь своего ребенка за счет гибели нескольких ни в чем не повинных людей, понимая, что неизбежно причиняет им смерть. Совершенно очевидно, что смерти этих людей родитель не желает и, может быть, даже сожалеет о ее причинении, но тем не менее все равно считает ее допустимой ценой, которую он готов уплатить за спасение своего ребенка.

Для устранения проблемы необходимо соответствующим образом изменить ч. 3 ст. 25 УК РФ, и в практическом смысле этого должно быть достаточно. Однако принципы всесторонности и полноты исследования требуют рассмотрения аргументов, представляемых теми учеными, чья точка зрения положена в основу указанной правовой нормы.

Суть позиции авторов, полагающих, что при косвенном умысле предвидеть неизбежность последствий невозможно, максимально развернуто изложена А.А. Пионтковским: «Эвентуальный¹ умысел не может иметь места в тех случаях, когда лицо предвидело неизбежность наступления преступных последствий своих действий, ибо в этих случаях нельзя говорить, что виновный их не желал, но лишь сознательно допуская» [8, с. 361].

Но почему предвидеть неизбежность последствий можно только при желании их наступления, то есть только в случае прямого умысла, и невозможно при умысле косвенном, то есть при допущении последствий? Внимательное изучение трудов представителей рассматриваемой точки зрения показывает, что никаких аргументов, подтверждающих правильность тезиса о том, что при косвенном умысле предвидеть неизбежность невозможно, они не приводят. Вообще никаких. Ни одного. И не только они. Ответ на вопрос, сформулированный нами в начале абзаца, вообще никто до настоящего времени так и не дал.

Что же сподвигло ученых к несоответствующим действительности выводам? Ниже приводятся некоторые результаты наших поисков ответа на этот вопрос.

Привычное для нас название «косвенный умысел» стало распространяться лишь ближе к 50-м годам прошлого столетия. Во второй половине XIX века умысел, характеризующийся допущением последствий, назывался непрямым, а к концу XIX века его стали именовать эвентуальным. Впоследствии название «эвентуальный», позаимствованное из иностранной литературы по уголовному праву, настолько прочно укоренилось в качестве названия данной разновидности умысла, что просуществовало вплоть до 70-х годов XX века.

Прилагательное «эвентуальный» этимологически происходит от латинского слова «eventus» (случай), а о случае, случайности следует говорить только в такой ситуации, когда последствия могут наступить или не наступить: «Случайное событие - событие, которое может при осуществлении данных условий (т. е. при данном испытании) как произойти, так и не произойти и для которого име-

¹ Эвентуальный умысел - один из первоначальных вариантов названия косвенного умысла. Употреблялся до 70-х годов XX века. С учетом следующего ниже содержания статьи ее авторами к употреблению не рекомендуется.

ется определенная вероятность его наступления»¹. Поэтому «эвентуальный» всегда означает «возможный при соответствующих обстоятельствах, допустимый»².

В решении вопроса о том, можно ли использовать это слово в качестве названия косвенного умысла, следовало предварительно проверить, насколько оно соответствует его содержанию.

Интеллектуальный момент реального косвенного умысла, о чем было сказано выше, характеризуется предвидением не только возможности, но и неизбежности последствий, наступление которых допускает лицо. С учетом этого применение слова «эвентуальный» для названия косвенного умысла представляется неприемлемым. Оно влечет искусственное ограничение круга преступлений, которые могут быть признаны совершенными с косвенным умыслом. Использование данного слова позволяет относить к их числу исключительно те деяния, при совершении которых лицо, допуская последствия, предвидит лишь возможность их наступления. Что же касается преступлений, которые совершаются *при допущении последствий, но с предвидением неизбежности их наступления*, то они при этом оказываются выведенными за рамки не только косвенного умысла, но и в целом всей умышленной формы вины.

Это последнее обстоятельство довольно длительный период времени ни у кого беспокойства не вызывало. Имевшийся опыт осмысления преступлений, совершаемых с допущением последствий, повода для этого, по-видимому, не давал. Обозначенный выше недостаток слова «эвентуальный» никак себя не проявлял, оставался незамеченным, и представители рассматриваемой точки зрения вопросу о приемлемости использования данного слова должного внимания не уделяли.

Об эвентуальном умысле, как об умысле, при котором лицо предвидит только возможность (вероятность) причинения преступных последствий и допускает их наступление, писали Н.С. Таганцев, Л.С. Белогриц-Котляревский, Э.Я. Немировский, А.А. Пионтковский, В.В. Лясс, В.Я. Лившиц, А.А. Герцензон, Ш.Н. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, М.Д. Шаргородский и другие представители науки уголовного права конца XIX - 70-х годов XX века. До середины прошлого столетия не было ни одного ученого, который бы утверждал, что при косвенном умысле лицо может предвидеть не только возможность, но и неизбежность преступных последствий.

В дальнейшем, по мере накопления материалов судебной практики, стало очевидным, что в некоторых случаях лицо, совершающее преступление при допущении последствий, предвидит не возможность, а неизбежность их наступления. На это в 1950 году обратил внимание Б.С. Утевский: «...наличие в отдельных конкретных делах сознания при эвентуальном умысле лишь возможности на-

ступления преступных последствий не исключает также случаев, когда последствия будут сознаваться как неизбежные, необходимые»; «Возможны ... случаи, когда виновный сознает неизбежность (необходимость) наступления нежелательных последствий. Поджигатель может сознавать, что в поджигаемом доме находится инвалид, неспособный передвигаться, что во время поджога никого другого в доме нет, что инвалиду этому помощи ждать неоткуда и что, следовательно, он н е и з б е ж н о погибнет во время пожара» [9, с. 255]. Позднее, начиная с 1968 года, этой точки зрения стал придерживаться П.С. Дагель³.

В связи с этим необходимо отметить, что путь прогресса в обретении новых знаний не всегда имеет своим результатом фундаментальные открытия эпохального значения. Чаще всего он имеет характер поступательного движения в виде детализации, уточнения, усовершенствования уже имеющихся знаний. И здесь представляется очень важным заметить и не пропустить назревший момент очередного качественного скачка в развитии, когда имеющиеся понятия перестают соответствовать потребностям теории и практики. Б.С. Утевский и П.С. Дагель такой момент заметили, не пропустили, а другие представители науки уголовного права, также получившие образование и сформировавшиеся как ученые на применении термина «эвентуальный умысел», сделать этого не смогли.

Об этом свидетельствует фрагмент творчества А.Н. Трайнина, при восприятии которого следует не забывать о том, что слово «эвентуальный» в его время употреблялось в качестве синонима слова «косвенный» (напоминание приводится нами в скобках курсивом): «Действительно, и закон (ст. 10 УК⁴), и теория определяют эвентуальный (*косвенный*) умысел, как такое психическое отношение лица к преступному результату своих действий, при котором лицо хотя и не желает, но сознательно этот результат допускает. Эта формула широко распространена. Ею пользуются все авторы, пишущие об эвентуальном (*косвенном*) умысле. Эта формула приводится во всех учебниках советского уголовного права. Однако эта формула не охватывает всех специфических черт эвентуального (*косвенного*) умысла. Обратимся к следующему примеру. Производится ремонт дома. В кабине, прикрепленной канатом к крыше на высоте 10-го этажа, работают двое рабочих - Иванов и Семенов. Гр-н Романов, враг Иванова, задумал убить его и с этой целью подрезает канат, поддерживающий кабину; оба рабочих падают и разбиваются насмерть. Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допускал. При этой ситуации на основании приведенного выше эвентуального (*косвенного*) умысла пришлось бы признать, что Романов убил Иванова с прямым умыслом, а Семенова - с умыслом эвентуальным (*косвенным*). Однако такое решение глубоко ошибочно.

¹ Большой энциклопедический словарь // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/274606> (дата обращения: 20.01.2023).

² Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов русского языка // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1260/эвентуальный (дата обращения: 20.01.2023).

³ См.: Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток: 1968. С. 92, 93.

⁴ Здесь имеется в виду УК РСФСР 1924 года (прим. авт.).

Эвентуальный умысел, - и в этом его особенность, - предполагает, что результат, который, не желая, сознательно допускает виновный, именно э в е н т у а л е н, то есть может наступить, но может и не наступить» [10, с. 219].

В приведенном А.Н. Трайниным примере имеет место одинаковое предвидение неизбежности смерти обоих жертв, и сначала, опираясь на понятие косвенного умысла, он абсолютно верно делает вывод о том, что убийство Семенова должно быть признано совершенным с косвенным умыслом (*Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допускал*). Однако затем называет такое решение глубоко ошибочным на том основании, что оно не соответствует значению слова «эвентуальный»: в соответствии со значением данного слова лицо может предвидеть только возможность, а в приведенном примере виновный предвидел неизбежность смерти Семенова. Для устранения противоречия между фактом и неподходящим для него понятием А.Н. Трайнин избрал отрицание факта. Об этом свидетельствует и его окончательный вывод: «Поэтому не только убийство Иванова, но и убийство Семенова совершено Романовым с прямым умыслом» [10, с. 220]. «Логика», которую являет А.Н. Трайнин, анализируя данный пример, удивительна: сначала он говорит о том, что смерти Семенова виновный не желал, но сознательно ее допускал, а потом утверждает, что в отношении этой смерти имеет место прямой умысел, то есть такой, при котором лицо желает наступления последствий. О том, что, по мнению А.Н. Трайнина, при прямом умысле лицо желает наступления последствий, свидетельствует следующее его высказывание: «Сжато и **четко** определение прямого умысла: прямой умысел имеет место там, где лицо предвидело преступный результат своих действий и этого результата желало» [10, с. 218] (в цитате выделено нами - прим. авт.).

Причина такого парадоксального решения вопроса может быть только одна - нежелание расстаться с привычным понимаем косвенного умысла, которое основано на значении слова «эвентуальный», то есть инерция мышления, под которой понимают «склонность к сохранению уже имеющихся представлений, нежелание пересмотреть их, даже если они более не поддерживаются опытом или опровергаются им»¹. Иного объяснения столь парадоксальной точке зрения найти невозможно.

По причине инерции мышления А.Н. Трайнин так и не смог осознать того, что слово «эвентуальный» и вытекающее из его значения понимание косвенного умысла отстали от жизни и перестали соответствовать потребностям теории и практики уголовного права. И не он один. Слово «эвентуальный» давно уже принадлежит истории нашей науки, а суть его по-прежнему жива: согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ при косвенном умысле может иметь место предвидение только *возможности* преступных последствий, а предвидение неизбежности их наступления так и продолжает оставаться для уголовного закона несуществующим.

В отличие от авторов, полагающих, что при косвенном умысле предвидение неизбежности по-

следствий невозможно, мы опираемся на факты действительности, а потому, столкнувшись с несоответствием фактов и понятий о них, предлагаем корректировать понятия, а не подгонять представления о действительности под значение слов, неверно употребляемых для характеристики этих фактов.

Методология нашего исследования и полученные на ее основе результаты полностью подтверждают правильность точки зрения Б.С. Утевского (1950 г.), П.С. Дагеля (1968 г.) и В.В. Питецкого, который в 1999 году вновь обратил внимание на то, что при косвенном умысле может иметь место предвидение неизбежности вредных последствий [5, с. 12]. Из ближайших нам современников о возможности предвидения неизбежности при косвенном умысле также говорит Е.В. Благов, по мнению которого такой умысел по причине несовершенства уголовного закона не может быть отнесен ни к прямому умыслу, ни к косвенному [1, с. 59].

Остается лишь сформулировать изменения уголовного законодательства, способные устранить выявленный недостаток ч. 3 ст. 25 УК РФ. На первый взгляд, для этого достаточно дополнить эту правовую норму указанием о том, что косвенный умысел может характеризоваться предвидением не только возможности, но и неизбежности наступления последствий, ведь доказательству именно этого обстоятельства посвящена вся предыдущая часть настоящей работы. Однако в связи с этим необходимо отметить, что авторы статьи не относят себя к сторонникам совместного использования для описания видов умысла таких категорий, как «вероятность» и «неизбежность». Выше мы оперировали данными категориями не по своему желанию, а вынужденно. Они используются в рамках критикуемой в работе точки зрения, в силу чего без их употребления проведение научного анализа данной точки зрения было бы попросту невозможно. Теперь же, после принципиального решения проблемы, мы полагаем необходимым обратить внимание на нецелесообразность совместного (парного) употребления данных категорий в уголовном праве.

Прежде всего необходимо помнить о том, что разделение предвидения последствий на предвидение возможности и предвидение неизбежности их наступления было обусловлено употреблением в качестве названия косвенного умысла позаимствованного из иностранных источников слова «эвентуальный», то есть «возможный, вероятный», которое на самом деле для названия косвенного умысла не подходит. Применение данного слова искусственно ограничило круг преступлений, которые могут быть признаны совершенными с косвенным умыслом, и позволяло относить к их числу только те деяния, при совершении которых лицо предвидит лишь возможность наступления последствий. Это повлекло за собой необходимость отграничения данных «эвентуальных» случаев от остальных, то есть таких, которые «эвентуальными» не являются. Но что представляют собой эти остальные, другие случаи? Для их характеристики было задействовано слово «неизбежность». Данное обстоятельство указывает на то, что разделение

¹ Чекмарев Г.Б. Психнетика // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=744329&p=1> (дата обращения: 23.01.2023).

предвидения последствий на предвидение возможности и неизбежности их наступления есть следствие ошибочного употребления слова «звентуальный», не более того. Если бы косвенный умысел сразу стал именоваться русским словом «косвенный», то никакой необходимости в этих нюансах предвидения не возникло. Для удовлетворения потребностей теории и практики уголовного права вполне достаточно обобщенной формулировки «предвидение наступления последствий», которая была использована в ст. 8 УК РСФСР 1960 года.

Помимо этого, неудачным является и сам термин «предвидение неизбежности преступных последствий», слабым местом которого является слово «неизбежность».

Некоторые представители науки уголовного права утверждают, что неизбежности существовать не может. «Неизбежности как таковой не существует, - указывает А.П. Козлов, - поскольку в реальной жизни имеется неисчислимо количество случаев, когда мнимо неизбежные результаты не наступали (преступник ударил в висок потерпевшего шилом, которое прошло через мозг и вышло с противоположной стороны, жертву спасли; в голову жертвы выстрелили из пистолета, пуля проникла внутрь черепа, прошла по кривой вдоль черепной коробки, жертву спасли... подобные примеры можно продолжать до бесконечности)» [4, с. 604, 605].

При рассмотрении данного вопроса мы не настолько категоричны в выводах, как А.П. Козлов, поэтому, не отрицая факта существования неизбежности¹, предлагаем сосредоточиться *только на возможности предвидения неизбежности и только преступных последствий*, не затрагивая иные сферы, в которых человек прибегает к предвидению.

О действительных результатах такой сложной многофакторной деятельности человека, как умышленное преступление, абсолютно точно может знать один только Бог. Человеку об этом гарантированно знать не дано, причем даже при стопроцентной его субъективной (мнимой) уверенности. На самом деле в данном смысле необходимо вести речь о предвидении более или менее высокой степени вероятности наступления преступных последствий [2, с. 61].

Во многих случаях, основываясь на своем опыте познания окружающего мира, понимании закономерностей и тенденций его движения во времени, лицу действительно удается предугадать высокую или даже очень высокую вероятность успешного совершения преступления, но все же - только предугадать и только вероятность. Для достоверного предвидения человеку необходимо учитывать абсолютно все без исключения обстоятельства, кото-

рые могут повлиять на предвидимый общий исход преступления, а человеческое сознание всех этих факторов никогда учесть не может, - возможности человека по получению информации об окружающем мире весьма ограничены. Подтверждением тому являются факты привлечения виновных к ответственности за приготовление к преступлению и покушение на его совершение, то есть за деяния, которые не были доведены до конца по независящим от лица обстоятельствам. Причина такого недоведения преступления до конца всегда заключается в том, что эти обстоятельства лицо не предвидело либо предвидело, но не во всей их полноте. Особенно отчетливо и показательно этот недостаток проявляется при фактической ошибке, когда лицо может быть абсолютно убеждено в успешном для него исходе совершаемого покушения, а оно вообще никакого вреда причинить не может. Например, это попытка убийства мертвого человека выстрелом в голову из пистолета с подпиленным бойком в ситуации, когда лицо полагает, что жертва жива, а оружие боеспособно.

Кроме того, включение в уголовный закон предвидения неизбежности последствий снова, как и при действующей редакции ч. 2 ст. 25 УК РФ, обяжет суды скрупулезно исследовать этот весьма непростой вопрос. Но для чего? Ранее, то есть до написания данной статьи, это было необходимо для того, чтобы проводить отличие по характеру предвидения между умыслом прямым и косвенным. Однако содержание нашей работы показывает фиктивность, надуманность этого отличия и тем самым делает ненужной работу по установлению того, каким именно было предвидение последствий: предвидением возможности или предвидением их неизбежности, где под предвидением неизбежности в подавляющем большинстве случаев все равно необходимо понимать лишь мнимую стопроцентную уверенность лица в успешном исходе преступления. Для установления вины достаточно, чтобы лицо предвидело сам факт возможного наступления преступного результата [2, с. 61]. Установление того, какую именно степень вероятности последствий предвидело лицо, является в этом смысле излишним.

Принимая во внимание данные аргументы, представляется целесообразным, во-первых, изменить законодательное описание характера предвидения не только для косвенного умысла, но и для прямого, ибо они, как показывают результаты нашего исследования, на самом деле в этом плане ничем между собой не отличаются. Во-вторых, при описании характера предвидения, имеющего место при наличии последствий, следует сделать акцент на

¹ 1) Разновидностью неизбежности является закономерность, под которой подразумевается устойчивое повторение явлений, событий при определенных условиях. Например, не надо быть прорицателем, чтобы сказать, что в земных условиях любая вещь, имеющая плотность выше, чем у воздуха, будучи выпущенной из рук, и при отсутствии к тому препятствий неизбежно упадет вниз. Если два возвести в квадрат, неизбежно получим четыре, и т.д. Поэтому отрицать неизбежность как таковую нельзя. Она, рассматриваемая как закономерность, является одновременно и предметом, и инструментом познания очень многих наук. С учетом этого в настоящей статье мы рассматриваем вопрос не о существовании неизбежности, а о возможности ее предвидения и только в отношении преступного результата и делаем это лишь потому, что успешный для преступника исход его преступления на самом деле в подавляющем большинстве случаев носит вероятностный характер. 2) В приведенном высказывании А.П. Козлова, судя по всему, имеет место невольная подмена тезиса, неточность мысли: автор имел в виду невозможность предвидения неизбежности, а фактически сказал о невозможности ее существования (прим. авт.).

VEKLENKO S.V.,

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SEMCHENKOV I.P.,

PhD in Juridical Sciences, Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SOROKIN I.S.,

PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

THE INTELLECTUAL MOMENT OF INDIRECT INTENT

Indirect intent, awareness, foresight, possibility, murder, inevitability, public danger.

The article discusses the provisions of the theory of criminal law and the current criminal legislation, which exclude the possibility of foreseeing the inevitability of consequences in indirect intent. The reasons for such a decision of the issue are revealed. The conclusion is substantiated that the prediction of the inevitability of consequences can take place not only in direct, but also indirect intent. The great practical significance of this conclusion for the correct criminal-legal assessment of the deed and the observance of the principle of legality in criminal law is shown. In addition, the article presents other novelty, theoretical and practical results of the research conducted by the authors.

предвидении *возможности* их наступления, а неизбежность последствий вообще не упоминать [2, с. 65]. Вместе с тем под возможностью необходимо понимать не только вероятность, а любое потенциальное состояние действительности, в том числе и неизбежное, как это делается в классическом философском контексте употребления парных категорий возможности и действительности.

Помимо этого, при описании самих последствий преступления желательно назвать эти последствия вредными, чего будет достаточно для их отграничения от возможных иных последствий, которые в качестве преступных рассматриваться не могут.

Именовывать эти последствия общественно опасными мы не рекомендуем. Признак общественной опасности, приписываемый преступлению и его последствиям, является бесперспективным, методологически необоснованным и действительности не соответствующим [7]. Но даже если это не так (или, скорее всего, пока что до некоторых пор не так), то указание в уголовном законе на общественную опасность последствий требует и будет продолжать требовать от судов доказывания того, что лицо знает это понятие общественной опасности, правильно его понимает и во время совершения преступления обязательно им оперировало. По нашему мнению, это неосуществимо [2, с. 62]. Причем не только в силу отсутствия механизма доказывания наличия этих обстоятельств, что само по себе *уже* представляет собой непреодолимое препятствие, но прежде всего потому, что большинство преступников во время совершения преступления об этом вообще не думают и даже слов таких не знают. А если лицо заявит о своем несогласии с тем, что общественная опасность признается обязательным признаком преступных последствий? Что будет делать в такой ситуации суд? Неужели признает, что деяние совершено невиновно? Конечно, нет. Судебная практика и признак «общественная опасность» всегда существовали рядом, но жили при этом отдельно друг от друга, своей жизнью. Так зачем, к чему упоминать при описании умысла общественную опасность? Когда мы уже перестанем писать законы, требования которых выполнить невозможно? Кстати, данная проблема присуща законодательному описанию процессов не только предвидения, но и осознания: по действующему УК РФ преступление признается совершенным и с прямым, и с косвенным умыслом, «если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия)» (ч.ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ).

При совершении преступления с умышленной формой вины суды на самом деле устанавливают осознание не общественной опасности, а фактического характера совершаемого деяния. Никто перед собой нереальную задачу установления того, что лицо сознавало общественную опасность деяния, даже не ставит. Иное дело - установление осознания фактического содержания преступления. Это уже решаемая задача. Лицо, совершающее убийство, должно сознавать, что причиняет смерть другому человеку, насильник, - что совершает половое сношение с применением насилия к потерпевшей, взяточник, - что совершает подкуп чиновника и т.д. Помимо этого, для привлечения к ответственности за умышленное преступление ничего иного в плане осознания не требуется. Именно об этом, а не о сознании общественной опасности идет речь в любом обвинительном заключении и приговоре. Статьи 220, 307 и 308 УПК РФ содержат весьма подробные и исчерпывающие перечни обстоятельств, которые должны быть отражены в данных документах, однако осознание общественной опасности деяния и его последствий в них вообще не упоминается.

Против требования осознания общественной опасности высказывались и другие авторы, например Е.В. Благов, который признает его сомнительным и предлагает вместо него требование осознания фактического характера совершаемого лицом действия (бездействия) [1, с. 58].

Принимая во внимание все содержание данной статьи в целом, считаем целесообразным изложить описание интеллекту-

альных моментов прямого и косвенного умысла совершенно одинаково и следующим образом: преступление признается совершенным с прямым или, соответственно, с косвенным умыслом, *«если лицо сознавало фактический характер своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления вредных последствий»*.

При этом под предвидением возможности необходимо понимать предвидение *любой вероятности последствий, включая предвидение и мнимой, и реальной неизбежности их наступления*. То есть рассматривать возможность в более широком смысле, как это делается в контексте парных категорий возможности и действительности, где под возможностью подразумевается любое потенциальное, в том числе неизбежное, будущее состояние действительности.

Однако понимание данной тонкости предвидения возможности может оказаться затруднительным, поэтому во избежание данной проблемы в качестве варианта полагаем приемлемым еще более краткое описание характера предвидения, имеющего место при совершении умышленного преступления: *«...предвидело наступление вредных последствий»*. Для устранения проблемы привлечения к ответственности за преступление с косвенным умыслом при наличии такого предвидения, которое принято называть предвидением неизбежности наступления последствий, этого будет достаточно. Таким образом, преступление должно признаваться совершенным с прямым и косвенным умыслом, *«если лицо сознавало фактический характер своих действий (бездействия), предвидело наступление вредных последствий»*. ■

Библиографический список:

1. Благов Е.В. Актуальные проблемы права (Общая часть): Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 303 с.
2. Векленко С.В. Предвидение как элемент виновного отношения лица к нарушению им уголовно-правового запрета // Инновационное образование и экономика. 2009. № 4. С. 60-62.
3. Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ понятия субъективной стороны преступления как элемента состава преступного деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (69). С. 9-11.
4. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.
5. Питецкий В.В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 49-50.
6. Семченков И.П. Актуальные проблемы учения о стадиях совершения преступления: Монография. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2014. 88 с.
7. Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.
8. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Институт государства и права Академии наук СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1961.
9. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.
10. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1951.

ФАЛЕЕВ В.И.,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
юриспруденции Западного филиала Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
faleev-vi@ranepa.ru

УДК 343.34

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОУЧАСТИИ

**Фальшивомонетничество,
поддельные деньги,
оборот поддельных денег,
квалификация преступления,
группа лиц, соучастие,
организованная группа,
предварительный сговор.**

*На основе анализа действующего
уголовного законодательства
и позиций Верховного Суда
Российской Федерации в статье
сформулированы рекомендации
по вопросам квалификации
преступлений, связанных с
оборотом поддельных денег и
ценных бумаг, совершенных в
соучастии, уголовно-правовой
оценки действий соучастников.
Предлагается внести изменение
в статью 186 Уголовного
кодекса Российской Федерации,
дополнив ее квалифицирующим
признаком уголовного деяния:
«...совершенные группой лиц
и совершенные группой лиц по
предварительному сговору».
Приводится обоснование
необходимости внесения
такого изменения.*

В ходе исторического развития человеческого общества форма денег претерпевала многочисленные изменения, однако вопросы денежного обращения всегда были в приоритете вне зависимости от политического и экономического строя, сложившихся общественных отношений. Тенденцией современности становится постепенный переход от системы наличных платежей к безналичной оплате. Тем не менее доля наличных денег в общей денежной массе России все еще значительна, по состоянию на 1 сентября 2022 года она составляла 18,38% - 13 трлн 482 млрд рублей¹.

Наличное денежное обращение - важнейшая сфера экономики и общества. Истории известно немало случаев, когда фальшивомонетничество становилось орудием внешней политики государств, стремящихся подорвать денежную систему своих оппонентов, путем ослабления экономического потенциала противника добиться преимущества в военной, идеологической и иных сферах противостояния. В современном мире такие проявления также нередки, в связи с чем по-прежнему актуальным остается вопрос о защите государства от дестабилизирующих его экономическую систему диверсий, одним из способов совершения которых является выпуск в обращение фальшивых денежных знаков.

Обесценивание денег в силу их избыточного поступления в обращение раскручивает маховик инфляции, приводит к росту потребительских цен, подрывает доверие к национальной валюте. Поэтому фальшивомонетничество является одним из наиболее опасных видов преступлений против общественного порядка и общественной безопасности. Зачастую оно сопряжено с такими проявлениями преступной деятельности, как организованная преступность, контрабанда. Организация противодействия фальшивомонетничеству требует координации усилий различных ведомств, высокого профессионализма сотрудников правоохранительных органов, участвующих в выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений этого вида. Снижение уровня преступности в экономической сфере, в том числе в финансовой, названо в числе важнейших целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Возможности современных технических средств, их доступность для населения наряду с широким доступом посредством информационно-коммуникационных сетей к сведениям об изготовлении денежных знаков, особенностях банкнот различного номинала, способах их защиты от подделки расширяют круг лиц, вовлеченных в фальшивомонетничество. Появляются лица,

¹ Денежная масса (национальное определение) // Официальный сайт Банка России // URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/>.

которые могут подделывать банкнот на достаточно высоком уровне, позволяющем латентно выпустить фальшивки в денежное обращение. Зачастую такие возможности воспринимаются как легкий и быстрый способ обогащения. В то же время в силу высокой степени общественной опасности уголовно наказуемых деяний, ответственность за совершение которых установлена ст. 186 УК РФ, законодатель отнес их к категории тяжких и особо тяжких, предусмотрев весьма суровое наказание.

Эффективность реализации норм права зависит от качества правоприменения. По поводу наиболее сложных вопросов, возникающих при расследовании фальшивомонетничества и рассмотрении судами уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, - толкование признаков объективной и субъективной стороны состава преступления, особенности квалификации преступных действий и др. - разъяснения даны в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 года № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (в редакции от 6 февраля 2007 г.). В то же время для формирования единого подхода со стороны правоприменительных органов, единообразия следственной и судебной практики в части квалификации действий лиц, совершающих преступления в сфере фальшивомонетничества в составе преступных групп по-прежнему требуются разъяснения по ряду вопросов. Как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин, к числу таковых относятся вопросы, связанные с установлением факта совершения преступления несколькими лицами, определением степени общественной опасности содеянного, реализацией преступных намерений, выявлением объема причиненного вреда и избранием виновных лиц, причастных к фальшивомонетничеству [1]. С учетом развития технологий, систем коммуникаций, формирования преступных групп, выстраивающих сложные схемы совершения преступлений, связанных с оборотом поддельных денег и ценных бумаг, использующих контрабандные каналы и коррупционные связи, по нашему мнению, назрела необходимость внесения изменений в ту часть действующего законодательства, которая предусматривает уголовную ответственность за фальшивомонетничество.

Согласно отечественному уголовному законодательству наиболее опасной формой соучастия в совершении преступления является организованная группа. Часть 3 ст. 35 УК РФ установлено, что преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В Постановлении от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (в редакции от 6 февраля 2007 г.) Пленум Верховного Суда Российской Федерации не высказался относительно содержания этого квалифицирующего признака преступления.

Вместе с тем разъяснения даны в ряде других постановлений - тех, которые касаются вопросов применения норм действующего законодательства,

предусматривающих уголовно-правовую ответственность за преступления иных видов. Наиболее полно содержание понятия «организованная группа» раскрыто в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где охарактеризована такая группа, представлены ее признаки, указано на наличие руководителя, плана действий и распределение обязанностей в группе. Аналогичные положения имеются в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». Содержание квалифицирующих признаков организованной группы, таких как наличие организатора, устойчивость группы, распределение в ней ролей, высокая степень организованности совершения совместных действий, раскрыто в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях». Необходимо заметить, что организованная группа всегда заранее планирует преступление, изготавливает и подготавливает орудия для совершения преступления, а также распределяет обязанности между всеми участниками группы. Эти обстоятельства отражены в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Таким образом, исходя из сказанного выше, есть основания констатировать, что, помимо таких общих для любого вида соучастия в преступлении характеристик, как наличие двух или более лиц, объединившихся для достижения преступного результата, организованную группу качественно отличают устойчивость и управляемость. Впрочем, следует иметь в виду, что зачастую группы лиц, совместно осуществляющих преступную деятельность, связанную с оборотом поддельных денег и ценных бумаг, не обладают характерными для организованных групп признаками управляемости, оснащенности, устойчивости. В то же время между соучастниками может существовать предварительная договоренность, распределение ролей, члены группы могут совместно достигать преступного результата, сообща планировать и совершать преступления. При этом каждый из членов преступной группы может совершать как все, так и какое-либо одно или несколько из альтернативных действий, предусмотренных диспозицией ст. 186 УК РФ.

Обратим внимание на то, что в указанной статье Уголовного кодекса не содержится квалифици-

рующих признаков совершения деяния группой лиц и группой лиц по предварительному сговору. Законодателем предусмотрен только такой особо квалифицированный состав фальшивомонетничества, как совершение его организованной группой. Безусловно, это не препятствует в случае установления совершения изготовления, приобретения или сбыта поддельных денег или ценных бумаг в составе преступной группы признанию этого отягчающим наказанием обстоятельством, в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, без отражения при квалификации деяния. Именно по такому пути в подавляющем большинстве случаев и идет судебная практика. Вместе с тем такая законодательная конструкция представляется несовершенной, поскольку она создает сложности в правоприменительной деятельности.

По нашему мнению, совершение фальшивомонетничества в составе преступной группы, не являющейся организованной, также представляет большую общественную опасность, чем преступная деятельность лиц, действующих в одиночку. Полагаем, что дополнение ст. 186 УК РФ такими квалифицирующими признаками, как совершение деяния, предусмотренного ч. 1 указанной статьи кодекса, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору способствовало бы повышению качества правовой оценки преступлений рассматриваемого вида и более точному определению юридической ответственности за их совершение.

На практике возможны и имеют место случаи, когда одно лицо изготавливает либо приобретает поддельные денежные знаки, хранит и обеспечивает условия для сбыта фальсификата другими соучастниками преступной деятельности - передает им подложные банкноты, находит места, где сбыт сопряжен с наименьшим риском, привозит к месту сбыта, отвлекает возможных свидетелей, обеспечивает пути отхода. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, преступления с альтернативными действиями так описаны в законе, что для констатации наличия состава преступления виновному достаточно выполнить хотя бы одно из них. Соисполнительство в преступлениях подобного рода будет иметь место как в тех случаях, когда два или более лица совместно выполняют одно из альтернативных действий, так и в тех случаях, когда они выполняют различные альтернативные действия в отношении одного предмета [1].

В описанном нами случае ответственность за все совершенные действия - как изготовление, хранение или перевозку в целях сбыта поддельных денег, непосредственным исполнителем которых является виновный, так и их сбыт, который он организовал либо содействовал которому, - предусмотрена в рамках одной части ст. 186 УК РФ. Поэтому действия лица не могут быть квалифицированы по совокупности преступлений. Вместе с тем квалификация содеянного в таких случаях со ссылкой на ст. 33 УК РФ представляется противоречащей принципам справедливости и разграничения уголовно-правовой ответственности за совершенное уголовное деяние, поскольку часть действий, составляющих объективную сторону преступления, виновный совершает как исполнитель.

По нашему мнению, если действия всех виновных были направлены на достижение одной преступной цели, которой являлся сбыт поддельных денег, для достижения этой общей для них цели каждый совершил необходимые, согласованные с другими соучастниками действия, при этом осознавал факт высокого качества подделки банкнот, позволяющего им участвовать в денежном обращении, то действия всех соучастников данной организованной группы независимо от их фактической роли в содеянном должны рассматриваться как соисполнительство в сбыте поддельных денежных знаков без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Сложности в правоприменительной практике возникают и при квалификации продолжаемых преступных деяний, которые совершаются путем неоднократного осуществления членами преступной группы уголовно наказуемых действий, каждое из кото-

FALEEV V.I.,
PhD in Juridical Sciences,
Head of the Department of
Jurisprudence of the Western
Branch of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration

CERTAIN ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE CIRCULATION OF COUNTERFEIT MONEY OR SECURITIES COMMITTED IN COMPLICITY

Counterfeiting, counterfeit money, circulation of counterfeit money, qualification of a crime, group of persons, complicity, organized group, preliminary conspiracy.

Based on the analysis of the current criminal legislation and the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the article formulates recommendations on the qualification of crimes related to the circulation of counterfeit money and securities committed in complicity, the criminal law assessment of the actions of accomplices. It is proposed to amend Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation, supplementing it with a qualifying sign of a criminal act: «...committed by a group of persons and committed by a group of persons by prior agreement». The rationale for the need to make such a change is given.

рых представляет собой оконченное преступление и подлежит уголовной ответственности. Представляется, что в случаях, когда такие действия совершены в рамках отдельных договоренностей с разными лицами, при различных обстоятельствах, и отсутствуют сведения о наличии у виновных единого преступного умысла, они подлежат квалификации как самостоятельные преступления. В иных случаях содеянное необходимо квалифицировать как единое продолжаемое преступление.

По нашему мнению, назрела необходимость внести изменения и дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег

или ценных бумаг». Таким образом можно было бы разъяснить проблемные вопросы квалификации преступлений рассматриваемого нами вида.

В заключение еще раз отметим, что фальшивомонетничество создает реальную опасность денежного обращения, приводит к нарушению функционирования финансовой системы государства, в связи с чем совершенствование законодательства в этой сфере является насущной необходимостью. Оно будет способствовать достижению одной из указанных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе приоритетных целей обеспечения государственной и общественной безопасности, а именно цели снижения уровня преступности в экономической сфере¹. ■

Библиографический список:

1. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

ВЛАСЕНКОВА Э.А.,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России, старший инспектор по особым поручениям
Управления организации деятельности участковых
уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних
УМВД России по Калининградской области
eshavorova@yandex.ru

УДК 343.5

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРИ НЕИСПОЛНЕНИИ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ЕГО ВОСПИТАНИЮ

Жестокость, законный представитель, защита детей, неисполнение обязанностей, жестокое обращение, родители, несовершеннолетний, уголовная ответственность.

В статье излагаются некоторые результаты исследования такого явления, как жестокое обращение с несовершеннолетним, применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». На основании обобщения теоретических подходов ученых к определению понятия «жестокость» и анализа правоприменительной практики формулируются выводы, касающиеся критерия жестокости в рамках квалификации рассматриваемого уголовно наказуемого деяния. Обращается внимание на неоднократность совершения противоправного посяательства в качестве обязательного признака состава преступления.

Вопросы обеспечения безопасных и гармоничных условий для развития детей являются не только объектами научного изучения междисциплинарного характера, но и привлекают к себе внимание с позиций законодательства как в России, так и в масштабах мирового сообщества. Данный интерес обусловлен принципиальной важностью соблюдения и обеспечения прав детей до момента обретения ими полной правоспособности и дееспособности, приоритетным характером защиты детей от возможных проявлений жестокости на всех этапах их взросления и становления личности, стремлением государства не допустить злоупотребления полномочиями по воспитанию детей со стороны родителей, иных законных представителей и лиц, вовлеченных в педагогический и образовательный процессы.

Обстоятельством, подтверждающим внимание государства к данной сфере общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, является наличие в действующем уголовном законе статьи, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Однако применение данной уголовно-правовой нормы вызывает ряд сложностей, связанных с определением критерия жестокости, сопряженной с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, проявленной со стороны родителей или иных лиц, указанных в законе. Рассматриваемое деяние обладает повышенной общественной опасностью ввиду оказываемого негативного воздействия на физическое и психическое состояние либо развитие ребенка. При этом результаты анализа теоретических изысканий ученых и правоприменительной практики демонстрируют отсутствие единого подхода к пониманию содержания и специфике квалификации рассматриваемого деяния.

Исследуемый нами критерий жестокости является обязательным элементом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Законодатель установил уголовную ответственность для такого деяния только в том случае, если оно «соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним». При этом в юридической литературе не сформировано единство взглядов относительно возможных проявлений жестокости по отношению к несовершеннолетнему, ее форм, методов реализации и находящихся с ней в причинно-следственной связи негативных последствий. Данное обстоятельство находит и свое практическое подтверждение. Так, следственная статистика за 2021 год свидетельствует о том, что более 36% уголовных дел, возбужденных по ст. 156 УК РФ, в дальнейшем оказались прекращены по причине фак-

тической недоказанности факта проявления жестокости¹. Таким образом, проблема толкования понятия жестокого обращения с несовершеннолетним создает затруднения не только для общетеоретического рассмотрения данного явления, но и для деятельности органов предварительного следствия.

Отталкиваясь от истоков возникновения понятия, следует отметить, что оно имеет латинские корни: слово «violare» в прямом смысле означает «применять насилие», «причинять вред», «мучить» [1, с. 19]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исходный семантический смысл понятия указывает на негативное, деструктивное воздействие одного субъекта по отношению к другому. Ряд исследователей проводят сопоставление понятий жестокость и агрессия. Представляется, что принципиально важно разграничивать их, поскольку наукой опровергнута взаимозависимость данных явлений: агрессия является результатом проявления частных негативных эмоций и далеко не всегда сопровождается проявлениями жестокости, в то время как жестокое обращение возможно в абсолютном отрыве от проявлений агрессии [2, с. 626].

Классический толковый словарь трактует понятие «жестокий» как «немилостивый, немилосердный, бесчеловечный и безжалостный, не знающий жалости и сочувствия, безмерно строгий, неодолимо грозный»². Таким образом, следует полагать, что жестокость подразумевает причинение недопустимых с правовой и моральной точки зрения физических и моральных страданий лицу, в отношении которого она реализуется [3, с. 206-207]. Но на этом фоне отчетливо проявляется проблема подтверждения факта жестокого обращения, а также оценки степени тяжести причиненного вреда и наступивших последствий. Если физический вред поддается объективной оценке - разработаны соответствующие критерии освидетельствования³, то с морально-нравственными критериями жестокого обращения не все так однозначно. Степень причиненного морального вреда до настоящего времени определяются субъективно, что во многом обусловлено оценочным характером самой категории жестокости.

Уголовно-правовая доктрина и наука уголовно-права демонстрируют многообразие подходов к пониманию жестокого обращения с несовершеннолетними. По мнению О.В. Бессчетновой, феномен жестокого обращения целесообразно рассматривать исключительно через понимание насилия. Насилие она считает родовой характеристикой жестокости, а отличительными чертами насилия называет повторяемость и регулярность его совершения [4, с. 14]. В.М. Волошин и Г.А. Решетникова относят к содержанию рассматриваемого явления не толь-

ко физическое и психическое насилие, но и угрозу его применения, поскольку даже угрозы причинения физического либо морального вреда, не подкрепленные конкретными действиями по их реализации, наносят ощутимый вред психофизиологическому развитию ребенка [5, с. 15; 6, с. 141].

Несмотря на отсутствие единого подхода к трактовке и определению объема содержания понятия жестокого обращения, исследователи сходятся во мнении о необходимости расширить его за счет включения в него не только реальных действий, но и угроз, связанных с негативным воздействием на психологическое, эмоциональное и физиологическое благополучие ребенка. В него обязательно должны быть включены: оставление ребенка в опасности; гигиеническая запущенность; непредоставление ребенку необходимых продуктов питания, одежды по сезону; антисанитарные условия по месту жительства ребенка.

Результаты анализа правоприменительной практики не способствуют преодолению обозначенных выше затруднений и свидетельствуют об отсутствии четких критериев установления и последующей оценки факта жестокого обращения с ребенком. Так, в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44 (п. «г» ст. 16), «жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность»⁴. Эта формулировка не содержит исчерпывающего перечня признаков и обстоятельств, характеризующих рассматриваемую нами категорию, указывая лишь на возможные частные проявления жестокого обращения.

В том же постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации указано, что жестокое обращение с детьми является одним из оснований для рассмотрения судом вопроса о лишении родительских прав. Это обстоятельство свидетельствует о повышенной общественной опасности данного преступного деяния и об особой тяжести последствий для ребенка, наступающих в результате его совершения.

Обратим внимание на то, что в постановлении в качестве субъектов жестокого обращения с детьми рассматриваются исключительно родители, в то время как ст. 156 УК РФ распространяет свое действие и на иных лиц, осуществляющих педагогическую, образовательную и медицинскую деятельность от лица организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним. Данное противоречие также негативным образом отражается на правоприменительной практике в интересующей нас сфере, не способствуя ее единообразию и

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС (единый отчет о преступности) // URL: <https://10.5.0.16/csi/> (дата обращения 17.11.2022).

² Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. В 3-х т. Т 1. М.: Типография М.О. Вольфа, 2016. С. 359.

³ Приложение к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав».

усиливая субъективно-оценочный компонент квалификации уголовно наказуемых деяний, связанных с причинением вреда несовершеннолетним.

Следует отметить, что в ранее действовавшем аналогичном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации - от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», - речь шла о том, что жестокое обращение может проявляться, помимо указанного выше, и в применении недопустимых способов воспитания, а также в виде грубого, пренебрежительного и унижающего человеческое достоинство обращения с детьми, оскорбления или эксплуатации детей. В связи с этим можно обоснованно утверждать, что в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 применен способ юридического толкования правовых категорий, существенно сужающий толкование рассматриваемого нами понятия. Данное обстоятельство также значительно осложняет понимание сущности вопроса и практику применения ст. 156 УК РФ.

Считаем верным согласиться с мнением о необходимости расширенного толкования понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним». Им должны охватываться не только физическое (вред здоровью, лишение пищи, воды, тепла) и психическое (угрозы применения насилия, создание обстановки страха, тревоги, неуверенности, ощущения безвыходной ситуации) насилие, но и любые иные действия и угрозы их осуществления, способные причинить ребенку нравственные страдания (например, сравнение в уничижительной форме с кем-либо, оскорбление и унижение в присутствии товарищей, высмеивание и подчеркивание недостатков, особенностей развития ребенка).

Есть основания констатировать, что понятие «жестокое обращение» является оценочным, и оно трактуется на усмотрение конкретного субъекта правоприменительной деятельности. Можно предположить, что такой подход выбран законодателем умышленно и объясняется невозможностью составления исчерпывающего перечня действий, связанных с насилием и жестоким обращением ввиду разнообразия возникающих жизненных ситуаций. Кроме того, исследователями подчеркивается, что понятие жестокого обращения субъективно не только с точки зрения квалификации, но и с позиций субъективного восприятия несовершеннолетним жестокости, проявляемой по отношению к нему самому. Вследствие различий в индивидуально-личностных особенностях действия, воспринимаемые одним ребенком как жестокие и нарушающие условия его нормального развития, другим ребенком могут быть не оценены в качестве таковых и даже оставлены без внимания [7, с. 68-69; 8, с. 12].

Помимо этого, спорным остается вопрос о том, обязательно ли наличие систематичности в поведении виновного лица для признания обращения

с ребенком жестоким. Так, О.В. Пристанская считает, что для признания преступления окончательным достаточно одного акта жестокого обращения с несовершеннолетним, которое следует расценивать как нарушение границ дозволенных методов воспитания. Однако указанный автор при этом отмечает, что применительно к случаям неисполнения (ненадлежащего исполнения) лицом своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в обязательном порядке должен наличествовать признак систематичности [9, с. 186]. На наш взгляд, данный признак необходим лишь в случаях квалификации жестокого обращения, проявляющегося в нефизических методах деструктивного воздействия, не образующих единомоментного наступления негативных и опасных для ребенка последствий. Рассмотрим пример из судебной практики. Приговором Бобровского районного суда П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию своей дочери, поскольку судом было установлено, что П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес ей телесные повреждения в виде ссадин, кровоподтеков на теле, приведших (помимо причинения физического вреда здоровью) к психоэмоциональному реактивному стрессовому расстройству, потребовавшему соответствующей реабилитации потерпевшей¹.

Противоположной точки зрения придерживаются Ю.Е. Пудовочкин и Н.И. Пикуров. Они считают, что признавать наличие состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, следует исключительно в случаях систематичности фактов жестокого обращения с ребенком в рамках устойчивой линии поведения родителя по отношению к ребенку [10, с. 189-190]. В судебной практике имеются примеры, подтверждающие обоснованность данной позиции. Так, судом Хабаровского района Алтайского края по ст. 156 УК РФ была признана виновной Р., которая, имея на иждивении малолетнего ребенка, на протяжении длительного времени (более трех лет) не исполняла обязанности по его воспитанию, применяла недопустимые методы воздействия, систематически не предоставляла малолетнему ребенку полноценного и регулярного питания, не выполняла гигиенических процедур, содержала жилые помещения в антисанитарном состоянии, чем лишала ребенка нормальных условий для полноценного и гармоничного развития².

Рассуждая о важности и необходимости признака систематичности противоправных действий по неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего для верной квалификации содеянного, следует отметить, что под воспитанием, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-

¹ Приговор Бобровского районного суда Воронежской области от 27.02.2012 по делу № 10/2-/2012 // ГАС Правосудие // URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

² Приговор мирового суда Хабаровского района Алтайского края от 10.11.2017 по делу № 1-61/2017 // ГАС Правосудие // URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». Таким образом, понятие воспитания подразумевает длящийся во времени процесс, в связи с чем в однократно имевшем место факте жестокого обращения нецелесообразно видеть в целом деструктивную линию поведения в отношении ребенка. Кроме того, важно иметь в виду, что однократность допущенного жестокого обращения может объясняться целым рядом причин и обстоятельств объективного и субъективного характера, имеющих отношение как к субъекту проявления жестокости, так и непосредственно к потерпевшему от нее. Поэтому представляется разумным и обоснованным признавать фактическое наличие жестокого обращения с несовершеннолетним в случае осуществления одним и тем же субъектом неоднократно (два и более раз) действий, содержащих в себе признаки жестокого обращения.

Так, приговором мирового судьи Славского района Калининградской области Т. была осуждена по статье 156 УК РФ. В приговоре указано, что мать не проявила в отношении своего несовершеннолетнего сына К. должной заботы и внимания, не приняла мер к выполнению рекомендаций и предписаний врача-специалиста (сурдолога-оториноларинголога) по оформлению инвалидности и слухопротезированию на оба уха, допустив длительное физическое, моральное и нравственное недоразвитие сына, осознавая, что подвергает здоровье и развитие своего сына опасности, безразлично относилась к наступлению данных последствий. При этом в материалах уголовного дела имеется информация о том, что с апреля 2018 г. по январь 2021 г. Т. неоднократно привлекалась к административной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию своего несовершеннолетнего сына и была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, выражавшегося в злоупотреблении спиртными напитками, отсутствии постоянного места работы и источника дохода, воспрепятствовании реализации права ребенка на получение медицинского обслуживания и невыполнении рекомендаций медицинских работников и педагогов. Должных выводов для себя Т. не сделала и, несмотря на жалобы своего ребенка на ухудшение слуха, создавала препятствия для дальнейшего обучения и получения сыном основного общего образования. При очередном повторном медицинском обследовании у врача сурдолога-оториноларинголога медицинского центра факт ухудшения слуха у несовершеннолетнего К. подтвердился¹.

На основании вышеизложенного, руководствуясь результатами научно-теоретического анализа действующего законодательства и правоприменительной практики, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

- категория «жестокое обращение с несовершеннолетним» в настоящее время является оценочной;

- частные обстоятельства квалификации деяний по ст. 156 УК РФ обусловлены позицией и внутренним убеждением конкретного субъекта правоприменения, поскольку в правовой реальности категория «жестокое обращение с несовершеннолетним» не обеспечена способностью отражать объективную истину ввиду отсутствия законодательно установленных критериев ее оценки и практического применения;

- оценивая уровень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего с точки зрения критерия жестокого обращения с ним, следует указать на то, что квалификации по ст. 156 УК РФ должны подлежать деяния, связанные с неоднократностью (два и более раза) неисполнения

VLASENKOVA E.A.,
Adjunct of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Inspector for Special Assignments of the Office for the Organization of the Activities of Precinct Commissioners of the Police and for Juvenile Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad Region

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF ILL-TREATMENT OF A MINOR IN CASE OF NON-FULFILLMENT OR IMPROPER FULFILLMENT OF DUTIES FOR HIS UPBRINGING

Cruelty, legal representative, protection of children, abuse, dereliction of duty, minor, parents, criminal liability.

The article presents some results of a study of such a phenomenon as ill-treatment of a minor, in relation to the corpus delicti under Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation «Failure to fulfill the obligations of raising a minor». Based on the generalization of the theoretical approaches of scientists to the definition of the concept of «cruelty» and the analysis of law enforcement practice, conclusions are formulated regarding the criterion of cruelty in the framework of the qualification of the considered criminal act. Attention is drawn to the repeated commission of an unlawful encroachment as an obligatory sign of a crime.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка Славского судебного района Калининградской области от 04.08.2021 по делу № 1-24/2021 // Архив судебного участка Славского судебного района Калининградской области за 2021 год.

указанных обязанностей, причинившие несовершеннолетнему реальный вред психологического, эмоционального либо физического характера и нарушившие условия его гармоничного развития.

В связи с этим считаем, что действующее законодательство в рассматриваемой нами сфере нуж-

дается в совершенствовании путем формального определения критериев жестокого обращения с несовершеннолетним, что обусловлено повышенной общественной опасностью уголовно наказуемого деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 156 УК РФ. ■

Библиографический список:

1. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия: Учебное пособие. М: РБФ НАН, 2007. 272 с.
2. Макеева С.А., Акутина С.П. Жестокое обращение с детьми: теоретическое осмысление проблемы // Молодой ученый. 2016. № 5 (109). С. 626-628.
3. Филиппов П.А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: Учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 296 с.
4. Бесчетнова О.В. Проблемы жестокого обращения с детьми в современной российской семье: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2020. 178 с.
5. Волошин В.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 17 с.
6. Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 140-143.
7. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь: Монография. М.: Генезис, 2013. 256 с.
8. Коваль Н.В. Жестокое обращение с детьми (криминологические и уголовно-правовые проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 31 с.
9. Пристанская О.В. Проблемы применения уголовно-правовых норм, направленных на предупреждение жестокого обращения с несовершеннолетними // Вопросы организации надзора за исполнением законов о несовершеннолетних: Методическое пособие. Т. 2: Исполнение законодательства об охране жизни и здоровья несовершеннолетних. Архангельск, 2006. С. 180-194.
10. Пудовочкин Ю.Е., Пикуров Н.И. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права: Монография. М.: РГУП, 2017. 479 с.

АБСАТАРОВ Р.Р.,
преподаватель кафедры криминалистики
Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России
karelia.abc@rambler.ru

УДК 343.13

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛУЧЕНИЯ КОПИЙ С НИХ

Следственное действие, изъятие, электронный носитель информации, специалист, владелец электронных носителей информации, обладатель информации, посекторное копирование, метаданные.

В статье представлены результаты анализа новеллы уголовно-процессуального законодательства, определяющей порядок изъятия электронных носителей информации и копирования информации с них. Делается вывод о том, что рассматриваемые в статье новые положения УПК РФ, регламентирующие проведение указанных выше действий, нуждаются в значительной доработке. Автором сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере. Обращено внимание на то, что реализация следователем права самостоятельного копирования информации без участия специалиста возможна только после прохождения следователем соответствующего обучения.

Стремительное развитие информационных технологий, которое мы наблюдаем в последнее десятилетие, сопровождается динамичным повышением уровня преступности в этой сфере, как качественным, так и количественным. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2022 году было зарегистрировано 522065 преступлений в сфере компьютерной информации, что, например, превышает показатель 2014 года в 47 раз (10986 преступлений)¹. При расследовании большинства преступлений в качестве вещественных доказательств все чаще выступают электронные носители информации (накопители на жестких магнитных дисках, твердотельные накопители, оптические диски, флеш-накопители и т.д.), а также технические устройства, в состав которых они входят (смартфоны, ноутбуки, планшеты, видеорегистраторы, беспилотные летательные аппараты и т.д.). Вместе с тем данные устройства играют важную роль в жизни современного человека, учреждений, организаций и т.д. К примеру, по сведениям Федеральной службы государственной статистики России, в третьем квартале 2022 года число активных абонентов фиксированного доступа в Интернет в нашей стране составило 35 млн 249 тысяч 279. Количество персональных компьютеров, используемых организациями в своей деятельности, в прошлом году превысило 15 млн единиц².

Широкое внедрение во все сферы жизни общества новых технологий, технических средств потребовало, кроме прочего, повышенного внимания к регламентации порядка изъятия и использования электронных носителей в качестве доказательств. В нашей стране соответствующие правовые нормы впервые были закреплены в УПК РФ в 2012 г. Так, законодатель предусмотрел обязательное участие специалиста при производстве обыска (выемки), во время которого изымаются электронные носители. Реализация указанных норм привела к увеличению потребности в специалистах, располагающих необходимой квалификацией. Вместе с тем весьма небольшие штаты экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов России, производящих компьютерные экспертизы, не могли обеспечить участие их экспертов в качестве специалистов в производстве следственных действий всегда, когда это требовалось. Поэтому следователи воспользовались альтернативой и стали широко привлекать к этой деятельности работников различных организаций, занятых в сфере защиты информации, системных администраторов и т.д. Однако многие из них, хотя и имели подходящее профильное образование, фактически ничего не знали об особенностях работы с

¹ Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности за январь - декабрь 2014 г., 2022 г. // URL: <https://мвд.рф/folder/101762?ysclid=10f6jipvbs> (дата обращения: 12.01.2023).

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 12.01.2023).

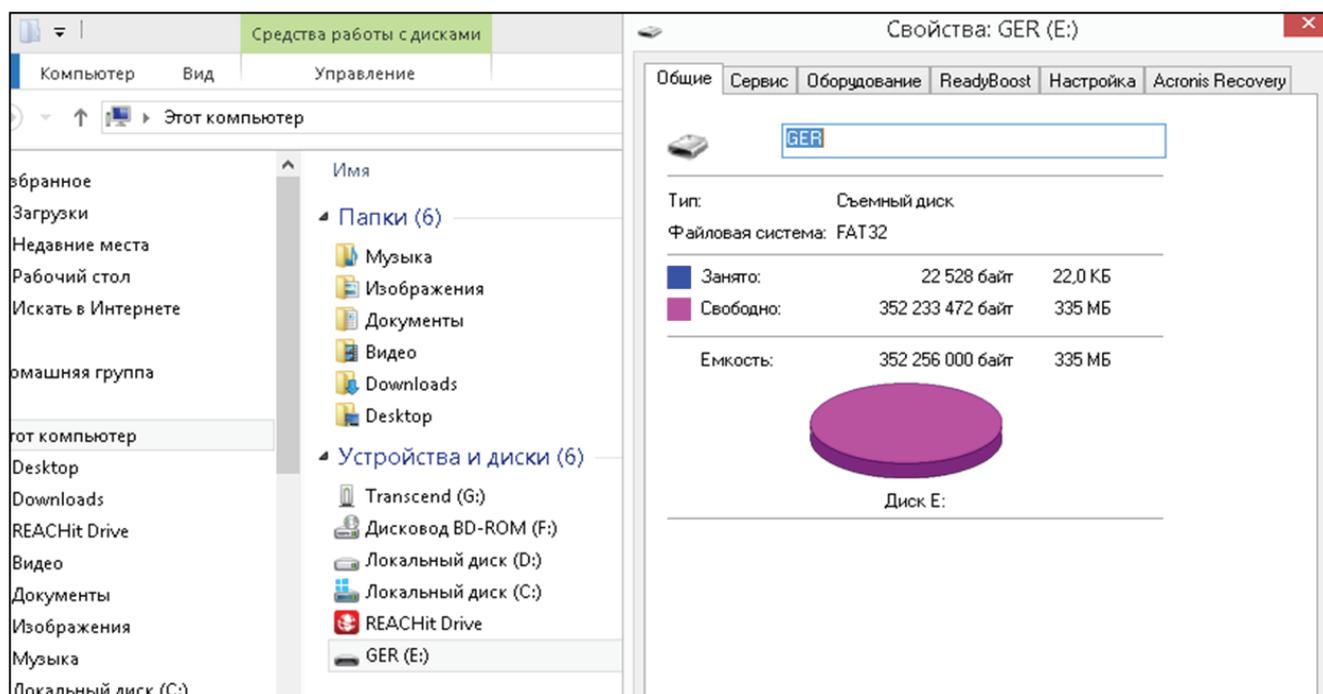

Рисунок 1. Информация о USB-флеш-накопителе, полученная стандартными средствами операционной системы Windows 8.1.

Диск 3							
*:ADATA UFD	7.02 Гб	6.09 Гб	956.26 Мб	FAT32	☐	Логический	Скрытый
E:GER	337.27 Мб	1.36 Мб	335.92 Мб	FAT32	☒	Первичный	Активный

Рисунок 2. Информация о USB-флеш-накопителе, полученная при помощи специализированного программного обеспечения.

электронными носителями информации, изымаемыми в качестве вещественных доказательств.

Следует отметить, что работа многих предприятий и организаций связана с большим объемом информации. Зачастую и сама предпринимательская деятельность строится на использовании информационных технологий (интернет-магазины, онлайн-сервисы и т.д.). Изъятие электронных носителей информации у таких субъектов может привести к приостановке или даже прекращению их работы.

Для защиты субъектов предпринимательской деятельности в 2018 году были внесены поправки в ст.ст. 164, 182, 183 УПК РФ, а также включена в кодекс ст. 164.1, предусматривающая новый порядок изъятия электронных носителей. К числу основных новаций можно отнести:

1) установление особого порядка изъятия у субъектов предпринимательской деятельности электронных носителей по уголовным делам. При расследовании преступлений, перечисленных в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, изъятие таких носителей не допускается, кроме случаев, когда:

- есть постановление о назначении судебной экспертизы или судебное решение;
- лицо, у которого изымается электронный носитель информации, не владеет полномочиями по его хранению и использованию;
- они могут быть использованы для совершения нового преступления;

- копирование информации с них, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение;

2) введение обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей во время производства любых следственных действий, а не только при обыске и выемке;

3) наделение следователя правом копирования информации с электронного носителя в ходе производства следственного действия.

Рассмотрим данные новеллы, для того чтобы дать им объективную оценку.

Как уже ранее было отмечено, изъятие электронного носителя информации в соответствии с ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ допускается при наличии постановления о назначении экспертизы. Вместе с тем ст. 195 УПК РФ предусматривает, что в таком постановлении указываются материалы, которые предоставляются эксперту. Фактически наличествует противоречие, ведь в постановлении фигурирует объект, который еще даже не находится в распоряжении следователя. Необходимо также обратить внимание на то, что формальным основанием для вынесения постановления о назначении судебной экспертизы являются протоколы следственных действий, в ходе которых изымаются объекты для проведения дальнейшего исследования. Как видим, использование данного основания для изъятия электронных носителей представляется затруднительным.

Пункт 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ предусматривает возможность изъятия электронного носителя на основании судебного решения. Однако такое полномочие суда не закреплено в ч. 2 ст. 29 и ч. 1 ст. 165 УПК РФ. При этом подчеркнем, что необходимость изъятия электронных носителей информации может возникнуть и во время производства следственных действий, не требующих получения разрешения суда (осмотр места происшествия, проверка показаний на месте и т.д.), по преступлениям, перечисленным в ч. 4.1. ст. 164 УПК РФ.

Анализ содержания п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ показывает, что применение этой правовой нормы возможно только после предварительного изучения информации, содержащейся на электронном носителе. Такое исследование может занять достаточно продолжительное время. Кроме того, не существует разъяснений по поводу возможности изъятия электронного носителя информации, если информация, которую он содержит, может быть использована для совершения новых преступлений. О.Н. Надоненко считает, что у следователя должны быть фактические основания для применения данной нормы, а не предположения о возможности совершения нового преступления без какой-либо аргументации [3].

У законного владельца осталось право заявлять ходатайство об изготовлении ему копии информации с изымаемого носителя. Такое копирование должно осуществляться специалистом при участии понятых. Вместе с тем действующее законодательство предусматривает ситуации, когда следователь при производстве следственных действий может их и не привлекать. Непонятно, как реализовывать право законного владельца на изготовление копии информации в случаях, когда понятые не участвовали - на законных основаниях - в следственном действии (например при проведении обыска в труднодоступной местности). Следует также отметить, что копирование большого объема информации может занять много времени, создавая тем самым трудности для самих понятых. Очевидно, что вопрос об обязательности их участия в следственном действии при получении копии с изымаемого носителя информации требует доработки.

Неоднозначно складывается и судебная практика по вопросу обязательного участия специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации. Данное требование ранее содержалось в утративших силу п. 9.1 ст. 182 и п. 3.1 ст. 183 УПК РФ. С одной стороны, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, являются недопустимыми. Так, в 2019 г. апелляционным постановлением Московского областного суда была удовлетворена жалоба о признании незаконным изъятия компьютеров во время обыска¹. В решении было указано, что суду первой инстанции при проверке жалобы необходимо было учитывать положения норм ст.ст. 81.1, 164, 164.1 УПК РФ. А в 2017 г. в Пермском крае апелляционным постановлением Соликамского городского суда был признан недопустимым доказательством CD-диск, изъятый без участия специалиста². С другой стороны, суды допускают возможность изъятия электронных носителей информации без участия специалиста. Например, когда они изымаются целиком без проведения процедуры копирования информации³. Такую точку зре-

¹ Апелляционное постановление Московского областного суда от 22.01.2019 по делу № 22к-476/2019.

² Апелляционное постановление Соликамского городского суда Пермского края от 17.10.2017 г. № 10-83/2017.

³ Апелляционное постановление Самарского областного суда от 10.12.2018 по делу № 22-7165/2018; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Хакасия от 13.12.2018 по делу № 22-1516/2018; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда от 11.07.2017 по делу № 22-968/2017.

ABSATAROV R.R.,
Lecturer of the Department of
Criminalistics of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry of
the Interior of Russia

LEGAL PROBLEMS OF WITHDRAWAL OF ELECTRONIC MEDIA OF INFORMATION AND OBTAINING COPIES FROM THEM

**Investigative action, seizure,
electronic media, specialist,
owner of electronic media,
owner of information, sector-
by-sector copying, metadata.**

The article presents the results of the analysis of the novel of the criminal procedure legislation, which determines the procedure for the seizure of electronic media and copying information from them. It is concluded that the new provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation considered in the article, which regulate the implementation of the above actions, need to be significantly improved. The author formulated proposals for improving legislation in this area. Attention is drawn to the fact that the implementation by the investigator of the right to independently copy information without the participation of a specialist is possible only after the investigator has passed the appropriate training.

ния разделяют и многие исследователи (С.В. Зуев, В.С. Черкасов, Ю.В. Гаврилин¹ и т.д.). Следует также отметить, что положения ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ отчасти ограничивают процессуальную самостоятельность следователя.

Действующее законодательство предоставляет следователю возможность осуществлять копирование информации с электронного носителя в ходе проведения следственного действия. Реализация данного нововведения позволяет значительно снизить нагрузку, выпадающую на экспертов, производящих компьютерные и компьютерно-технические экспертизы, которые привлекались в качестве специалистов к участию в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей [2]. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о достаточности знаний, имеющихся у следователя, для проведения копирования самостоятельно, так как работа с большинством электронных носителей требует определенных навыков и использования специальных программ. Например, при подключении носителей к системным блокам, ноутбукам без использования специальных программ могут произойти изменения метаданных файлов даже в тех случаях, когда они не открывались. Кроме того, антивирусное программное обеспечение может в автоматическом режиме удалить программы, записанные на носитель, восприняв их как вредоносные. Эксперты, производящие компьютерные экспертизы, работают с подключенными носителями информации только в режиме «чтение», что обеспечивает сохранность и неизменность информации [5]. Следует отметить, что некоторые пользователи специально создают скрытые разделы на электронных носителях информации, которые возможно обнаружить только при использовании специализированного программного обеспечения (см. рисунки 1 и 2).

Использование стандартных приемов копирования позволяет перенести только видимую часть информации. Методика производства компьютерных экспертиз предусматривает «посекторное» копирование, которое дает возможность сделать полный «клон» информации на новом носителе. Кроме того, данным способом пользуются при необходимости восстановить ранее удаленные файлы даже при отсутствии оригинала [1]. Следователь

должен уметь выявить полный объем информации, которую требуется скопировать, чтобы правильно выбрать носитель, на который будет ее переносить.

Законодатель предусмотрел, что одним из оснований изъятия электронного носителя является заявление специалиста о предположительной возможности изменения находящейся на нем информации в ходе проведения ее копирования. А сможет ли следователь самостоятельно оценить реальность такой угрозы? В связи с этим нельзя не согласиться с мнением профессора Е.Р. Россинской, которая отмечает, что «*возможность осуществления самостоятельно, без участия специалиста манипуляций с цифровыми следами, за исключением самых примитивных действий по копированию файлов, вызывает большие сомнения*» [4].

Итак, как мы видим, следователь может проводить копирование информации без участия специалиста только в том случае, если он знает правила обращения с электронными носителями информации и умеет правильно пользоваться необходимым программным обеспечением.

Если оценивать новые положения УПК РФ, регламентирующие порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации, в целом, то можно констатировать, что они нуждаются в доработке. В связи с этим считаем, что целесообразно исключить из кодекса неработающие положения ст. 164.1 УПК РФ, в частности, об изъятии электронных носителей информации в случаях, когда вынесено постановление о назначении экспертизы. По нашему мнению, дополнительная регламентация ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ участия понятых является лишней. Статья 170 УПК РФ достаточно полно раскрывает требования, касающиеся их привлечения следователем к участию в производстве процессуальных действий. Считаем, что было бы уместным предоставить лицам, осуществляющим предварительное расследование, право самостоятельно решать вопрос о привлечении специалиста для изъятия электронных носителей информации с учетом их характеристик. Кроме того, необходимо иметь в виду, что реализация следователем права самостоятельного копирования информации без участия специалиста возможна только после прохождения соответствующего обучения. ■

Библиографический список:

1. Абсатаров Р.Р. Особенности исследования программной продукции «Autocad» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (51). С. 150-154.
2. Абсатаров Р.Р. Проблемы осуществления судебно-экспертной деятельности негосударственными экспертами // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2019. С. 113-115.
3. Надоненко О.Н. Копирование электронных носителей информации при проведении следственных действий: проблемы реализации // Юридический факт. 2019. № 56. С. 41-43.
4. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 31-44.
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. Ю.М. Дильдина. Общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

¹ См.: Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 193-197; Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 45-50.

ВОЗНЮК Е.П.,

старший следователь 1-го отделения
по расследованию преступлений против личности
Управления МВД России по городу Калининграду
ekaterina007689230789@gmail.com

УДК 343.14

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Уголовное судопроизводство, доказательства, достаточность доказательств, оценка доказательств, критерии оценки достаточности доказательств, внутреннее убеждение, стандарты доказывания, относимость, допустимость, достоверность доказательств.

В статье поднимается проблема выработки критериев оценки достаточности доказательств в рамках в ходе досудебного уголовного судопроизводства. Отмечается, что ни законодательного, ни единообразного доктринального определения таких критериев не существует. Анализируются различные научные подходы к указанной проблеме. Формулируется авторский вывод о критериях оценки достаточности доказательств.

Оценка достаточности доказательств - это мыслительный, психический и логический процесс формирования обоснованного знания (истины) о преступлении. Этот процесс состоит в том, что правоприменитель (следователь или дознаватель), опираясь на собственное внутреннее убеждение, сформированное на основе профессионального правосознания, и закон, оценивает совокупность собранных доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и в конечном итоге достаточности для принятия процессуального решения.

Важность сферы уголовно-процессуальных правоотношений в целом и процесса доказывания в частности требует четких критериев оценки достаточности доказательств. Однако до сих пор никаких подобных критериев, сформулированных и нормативно закрепленных, не существует. Процесс их выработки сложен и противоречив, о чем свидетельствует многообразие научных мнений по этому вопросу.

«Критерий» можно рассматривать как признак (мерило), на основании которого проводится оценка истинности или ложности суждения. Таким образом, критериями достаточности доказательств в уголовном процессе следует считать совокупность признаков, при наличии которых правоприменитель делает однозначный вывод о достаточности, с точки зрения количества и качества, собранных и проверенных доказательств для принятия процессуального решения.

В связи с этим необходимо обратиться к анализу двух основных подходов к оценке доказательств. От этих подходов, по нашему мнению, следует отталкиваться и при рассмотрении вопроса о выработке критериев оценки достаточности доказательств. Первый подход основан на теории формальных доказательств, второй - на теории свободной оценки доказательств (по внутреннему убеждению).

В первом случае правоприменитель исходил из того, что ценность определенных доказательств установлена законом, поэтому они важнее, весомее в процессе доказывания. Такому подходу вполне соответствовал инквизиционный уголовный процесс, который господствовал в большинстве средневековых государств, в том числе и в России [1, с. 34]. Следует признать, что использование подобной системы ведет к многочисленным судебным ошибкам, страдают интересы личности, что совершенно неприемлемо в правовом государстве [2, с. 429].

В России в результате реформ середины XIX века на смену формальной оценке доказательств пришло правило «внутреннего убеждения»¹. После революции 1917 г. и отмены царского законодательства правоприменители руководствовались революционной совестью и революционным правосознанием, что по своей сути

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Российское законодательство X-XX веков. Т. 8: Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991.

тождественно внутреннему убеждению. Позже эти принципы нашли отражение в советских процессуальных кодексах¹.

В общих концептуальных чертах такой подход к оценке доказательств сохраняется в отечественном уголовном процессе и сегодня. С одной стороны, он позволил минимизировать возможность проявления правоприменителем произвола и субъективизма, но с другой - полностью обеспечить единообразную и устойчивую оценку достаточности доказательств не удалось. Не удается это сделать и по сей день.

В ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) закреплено, что правоприменитель оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Примечательно, что речь здесь идет не только о совести как основе оценки доказательств, но и о законе, поскольку нравственные категории не всегда возможно применить в конкретной жизненной ситуации.

Процессуальную схему оценки доказательств содержит ст. 88 УПК РФ, требующая, чтобы каждое доказательство оценивалось с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Таким образом, несмотря на принцип свободы в оценке доказательств, этот процесс носит нормативный характер и должен отвечать указанным требованиям.

Опора не только на закон, но и на совесть, означает, что правоприменитель, принимая решение, действует в рамках тех морально-нравственных установок, которые характерны для общества на данном историческом этапе. Совесть является мерилем правильной оценки достаточности доказательств: правоприменитель должен быть уверен в достаточности доказательств, а не подгонять их под удобный результат, подчиняясь внешним факторам воздействия.

Таким образом, главной проблемой в оценке достаточности доказательств можно считать формирование внутреннего убеждения в доказанности в рамках расследования уголовного дела обстоятельств преступления. И здесь возникает вопрос: сколько нужно доказательств, чтобы такое убеждение сложилось? На этот вопрос ответа нет.

В теории уголовного процесса делались многочисленные попытки разработать критерии оценки достаточности доказательств². Так, например, рассматривалась идея «градусника достоверности»,

на котором предлагалось рассчитывать степень убеждения (И. Бентам). На наш взгляд, такой подход означает возврат к теории формальных доказательств, что в настоящее время неприемлемо. Впрочем, у этой теории есть последователи. Подобные идеи легли в основу разработки «стандартов» доказывания, весьма популярных в странах англосаксонской правовой семьи и взятых на вооружение рядом отечественных ученых³.

Вместе с тем следует отметить, что стандарт доказывания - это порождение английского доказательственного права, и правила доказывания, действующие в странах англосаксонской правовой семьи, существенно отличаются от правил доказывания, принятых в странах континентального права, в том числе и в России. Корни этих отличий - в исторических особенностях формирования правовых систем. Для правовой системы России понятие «стандарт доказывания» неестественно с точки зрения как традиций, так и ее современной специфики. Стандарт доказывания и принцип свободной оценки доказательств в данном случае несовместимы [3, с. 27-29].

Считаем, что использование стандартов доказывания как критериев оценки достаточности доказательств в сфере арбитражного и гражданского процесса вполне допустимо и, как показывает судебная практика, эффективно. В сфере же уголовного процесса, где, во-первых, наблюдается большее разнообразие событий и фактов, в силу чего каждое уголовное дело уникально, и, во-вторых, цена ошибки правоприменителя, в отличие от экономического и гражданско-правовых споров, слишком высока, использование стандартов доказывания неприемлемо.

Еще классики российского уголовного процесса отмечали достоинства свободной оценки доказательств⁴. Внутреннее убеждение следователя (дознателя) основано на его собственных знаниях, мнениях, взглядах, правосознании. Следователь (дознатель) в оценке доказательств самостоятелен и независим от чьего-либо мнения (другого должностного лица, вышестоящей инстанции, руководителя и т.д.) и связан только законом и совестью. При этом правосознание следователя (дознателя) определяется правовыми нормами, актами толкования, научными исследованиями, всем коллективным опытом правоохранительных органов, целями и задачами уголовного процесса, а также особенностями исторического момента и сложившимися в обществе на данном этапе его развития представлениями о справедливости и правосудии.

Свободная оценка доказательств не тождественна абсолютному субъективизму следователя (до-

¹ Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об уголовно-процессуальном кодексе»; Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»; Основы уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик, утв. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924.

² Костенко Р.В. Достаточность доказательств в российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 41-42.

³ См., например: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 20; Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: Дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2016. С. 63.

⁴ См., например: Кони А.Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. М.: СГУ, 2006. С. 6; Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1897. С. 14.

знавателя). Поскольку признание доказательств достаточными является основанием применения нормы права, единообразно понимаемой и одинаково для всех обязательной, то и сама достаточность доказательств должна оцениваться одинаково. Доля субъективизма здесь незначительна. Представляется, что субъективный фактор вторичен, тогда как основой является объективный фактор, который обусловлен обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которые должны быть установлены, а также объемом результатов всех необходимых следственных действий, произведенных по уголовному делу, которые будут обладать свойствами достаточности доказательств.

Оценка каждого доказательства в отдельности предполагает в итоге оценку всех собранных доказательств в совокупности с точки зрения их достаточности для разрешения дела. Достаточность доказательств образуется не при простом их сложении, это не сумма, а именно система, которая характеризуется внутренним единством, взаимосвязью доказательств и их логической непротиворечивостью. При этом количество доказательств также имеет значение для более точной их оценки. Система не может состоять из одного элемента; должно быть не менее двух элементов, взаимосвязанных друг с другом.

Параметры такой системы зависят от стадии уголовного судопроизводства. Объем собранных доказательств должен возрастать при переходе расследования из одной стадии в другую. Он зависит от задач стадии и вида процессуального решения, принимаемого как итог этой стадии. Например, для признания достаточной системы доказательств на стадии возбуждения уголовного дела объем доказательств будет меньше, чем при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого или составлении обвинительного заключения.

Поэтому можно утверждать, что достаточность доказательств - это качественно-количественная категория. При этом качественная характеристика является главной и определяется через соответствие таким свойствам доказательств, как относимость, допустимость и достоверность. Качественно доказательства могут отличаться своей убедительностью. Количественная же характеристика определяется не наличием некой суммы доказательств, а их системностью [4].

Неизбежно встает вопрос о том, существует ли четкий, обобщенный от качественного, количественный критерий достаточности доказательств? По нашему мнению, такого критерия не существует. Количественный фактор здесь имеет значение только как системообразующий. Такая точка зрения находит подтверждение в позиции профессора В.А. Лазаревой, которая отмечает: «Оценка количественной характеристики доказательств осуществляется по внутреннему убеждению субъекта доказывания с учетом требования закона об обоснованности процессуального решения» [5, с. 142].

На разных этапах развития науки уголовного процесса предпринимались попытки сделать определяющими количественные характеристики достаточности доказательств, применить математическую теорию вероятностей для их оценки и на этой основе выработать соответствующие критерии. Можно утверждать, что применение математических методов оценки доказательств с практической точки зрения неэффективно в силу огромного объема информации о «доказательственных прецедентах», их специфичности и вследствие этого невозможности выработки единых алгоритмов. Кроме того, изменчивость общественных отношений, динамизм уголовно-правовых норм никогда не позволят алгоритмизировать процесс оценки доказательств.

В то же время практика зарубежных стран показывает, что в сфере гражданско-правовых отношений такое возможно. Так, в Эстонии функционирует робот-судья, который разбирает мелкие дела. Цель сервиса - снизить нагрузку на государственный

VOZNYUK E.P.,

Senior Investigator of the 1st Department for the Investigation of Crimes against the Person of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Kaliningrad

ON THE ISSUE OF CRITERIA FOR ASSESSING THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE IN THE COURSE OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Criminal proceedings, evidence, sufficiency of evidence, assessment of evidence, criteria for assessing the sufficiency of evidence, internal conviction, standards of proof, relevance, admissibility, reliability of evidence.

The article raises the problem of developing criteria for assessing the sufficiency of evidence within the framework of pre-trial criminal proceedings. It is noted that neither legislative nor uniform doctrinal definition of such criteria exists. Various scientific approaches to this problem are analyzed. The author's conclusion about the criteria for assessing the sufficiency of evidence is formulated.

аппарат и сократить бюрократию в органе правосудия¹. Лондонский университетский колледж и Университет Шеффилда разработали компьютерную систему, которая, по словам создателей, способна предсказать исход судебного разбирательства об ущемлении прав человека с 79-процентной точностью. Есть и другие примеры.

Перспективы роботизации правосудия, на наш взгляд, несостоятельны. Главное, чем отличается судья-робот от судьи-человека, состоит в том, что робот не может научиться принимать абстрактные решения, не может опираться на совесть, руководствоваться принципами гуманности или справедливости, когда они вступают в конфликт с буквой закона. Принятие сложных решений, в основе которых лежат не только рациональные аргументы, но и моральные, искусственному интеллекту не под силу².

Поэтому, говоря о возможности применения информационных теорий в оценке достаточности доказательств, следует признать, что такая оценка так или иначе опирается на количественный критерий. Но, как уже неоднократно отмечалось, количественный критерий при оценке достаточности доказательств в отрыве от качественного (содержательного) неприменим либо является системным признаком. Поэтому рассматривать применение математических моделей в чистом виде в оценке достаточности доказательств только как количественных отношений нельзя. Никаких формул, моделей, стандартов здесь быть не может, поскольку вывод о достаточности/недостаточности доказательств основывается на собственном отношении (а оно может быть неодинаковым у разных субъектов доказывания) к количеству и качеству доказательств, выработанном правоприменителем в процессе производства расследования по уголовному делу. В данном случае под внутренним убеждением следователя (дознателя) надо понимать момент осознания перехода вероятностного знания в истину. Количественный фактор здесь, несомненно, имеет значение, но только в совокупности с оценкой качества полученных доказательств. Следует также отметить, что количественный критерий имеет значение не с точки зрения количества собранных доказательств в абсолютных циф-

рах (три, десять или сто), а с точки зрения категории «все необходимые следственные действия», то есть система собранных доказательств должна быть оптимальной. «Лишних» или «ненужных» следственных действий быть не может. Если проведение того или иного следственного действия направлено на получение доказательства, которое будет способствовать, пусть даже в минимальной степени, перерастанию вероятностного знания в истинное, оно должно быть проведено.

Вместе с тем признание только качественного критерия оценки достаточности доказательств приводит к смешению категорий относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, поскольку упор делается только на качество доказательств. Достаточность же это не свойство отдельного доказательства, а качество, получаемое в результате накопления доказательств, это определенное их количество, совокупность. Качественная оценка достаточности совокупности доказательств заключается прежде всего в оценке возможности всех собранных по делу доказательств установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, и другие юридически значимые обстоятельства.

Сформулировать конкретно определенные, императивно установленные критерии оценки достаточности доказательств, вроде западных «стандартов доказывания», невозможно по ряду причин, рассмотренных выше. И самое главное - внедрение стандартов, жестко установленных правил будет противоречить ключевому принципу свободы оценки доказательств. Поэтому критерии оценки достаточности доказательств могут быть установлены только рамочно, в виде тех или иных требований. Во-первых, выполнение всех (максимально возможных и целесообразных) следственных действий, необходимых на том или ином этапе расследования для принятия процессуального решения, - количественный критерий. Во-вторых, получение всех возможных доказательств и установление между ними системной, логической взаимосвязи и непротиворечивости - количественный критерий. В-третьих, оценка каждого доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности в соответствии со ст. 88 УПК РФ - качественный критерий. ■

Библиографический список:

1. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 31-35.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин, изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973.
3. Вознюк Е.П. «Стандарты доказывания» в российской правовой системе // Актуальные проблемы современного российского государства и права. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 24-29.
4. Скабелин С.И. Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1750-1754.
5. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2012.

¹ В Эстонии представили робота-судью, рассматривающего иски на сумму до 7 тыс. евро // Интернет-журнал «Tadviser» // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 10.05.2022).

² Скугаревский Д. Спасут ли роботы-судьи российскую судебную систему // Ведомости. 19.12.2019 // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/19/819082-spasut-roboti-sudi>: (дата обращения: 10.05.2022).

ГЕРШИШЕВА М.Р.,
адъюнкт Краснодарского университета МВД России
malika.khalishkhova@gmail.com

УДК 343.13

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

**Арест имущества,
мера процессуального
принуждения,
предварительное
расследование, уголовное
судопроизводство.**

В статье исследуется обеспечительная мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Рассматриваются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуру применения этой меры принуждения, позиции ученых по связанным с ней дискуссионным вопросам, материалы судебной практики. Аргументируется собственная точка зрения относительно сущности ареста имущества. Автор относит наложение ареста на имущества к числу процессуальных действий, носящих обеспечительный и восстановительный характер. В целях конкретизации норм уголовно-процессуального законодательства предлагается изменить формулировку названия ст. 165 УПК РФ.

Для защиты интересов государства, а также потерпевших от преступлений используется, кроме прочих, такая мера уголовно-процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество. Актуальность обращения к вопросам, связанным с данной мерой принуждения, обусловлена проблемами, которые возникают в связи с неоднозначным законодательным подходом к определению ее сущности. Эти проблемы оборачиваются, в частности, большим количеством обращений граждан с жалобами в Конституционный Суд Российской Федерации. В настоящей статье акцентируется внимание на некоторых из указанных проблем.

В первую очередь уделим внимание сущности рассматриваемой меры принуждения. Наложение ареста на имущество относится к числу «иных мер процессуального принуждения», хотя в ч. 2 ст. 164 УПК РФ ее именуют следственным действием. Это обстоятельство привело к возникновению дискуссии в научном сообществе. Одни ученые, соглашаясь с законодателем, считают арест имущества одновременно и тем, и другим [1, с. 8]; их оппоненты (и заметим, что они составляют большинство) признают такой арест только мерой процессуального принуждения [2, с. 21].

Для поиска пути разрешения обозначенной проблемы предлагаем обратиться к Модельному уголовно-процессуальному кодексу для государств - участников Содружества Независимых Государств¹. В раздел пятый «Меры процессуального принуждения» включена гл. 22 «Принудительное производство следственных действий». В ст. 188 сказано, что принудительное производство следственного действия осуществляется органом предварительного расследования в целях получения доказательств, если кто-либо противодействует этому. Для проведения подобного действия требуется решение суда. В перечне следственных действий такого рода в ст. 189 названа и рассматриваемая нами мера принуждения. Таким образом, можно констатировать, что авторы Модельного кодекса признают ее следственным действием, которое может осуществляться принудительно.

Цель наложения ареста на имущество в качестве меры принуждения формулируется в ч. 1 ст. 115 УПК РФ: обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Обеспечение иска подразумевается ч. 3 ст. 42 УПК РФ, а также ст. 230 УПК РФ, которая предоставляет судье право применять эту меру по ходатайству гражданского истца, потерпевшего. Таким образом, наложение ареста на имущество носит обеспечительный и восстановительный характер и представляет собой именно меру процессуального принуждения.

¹ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840>.

Однако, как указывается в теории уголовного процесса, непосредственно факт причинения преступлением вреда нельзя рассматривать как основание применения рассматриваемой нами меры принуждения. В ст. 230 УПК РФ закреплено право потерпевшего ходатайствовать перед судом о ее применении. Это право обусловлено подачей соответствующего заявления, что подтверждается статусом гражданского истца. В юридической литературе отмечается, что наложение ареста до заявления гражданского иска может повлечь произвольное применение следователем этой меры, например, для оказания давления на подозреваемого, обвиняемого [3, с. 83]. На наш взгляд, наложение ареста на имущество может применяться как по заявленному, так и по возможному гражданскому иску. В связи с этим считаем, что необходимо императивно закрепить обязанность дознавателя, следователя разъяснять право потерпевшего на заявление гражданского иска.

Сущность исследуемой меры принуждения проявляется в том, что собственник (иной законный владелец) имущества не может распоряжаться или пользоваться им. По мнению В.С. Шадрина, данная мера применяется для полного возмещения гражданского иска. Тем не менее ее рамки не должны определяться произвольно и необоснованно, то есть с запасом (в размере, значительно превышающем сумму причиненного вреда), так как в результате собственники (владельцы) лишаются возможности пользоваться имуществом, получать определенную экономическую выгоду [4, с. 192]. Приведем пример. В Ярославской области к уголовной ответственности привлекался К. Для возмещения потерпевшей ущерба, заявленного по гражданскому иску, был наложен арест на его денежные средства. При вынесении приговора суд указал, что денежные средства в размере «...» рублей следует обратить в пользу потерпевшей. Остальные денежные средства в размере «...» рублей, хранившиеся в бухгалтерии ОМВД России по «...» городскому району, постановлено направить по месту отбывания К. наказания и выдать ему при освобождении¹.

Рассматриваемую меру принуждения допустимо применять и в случаях, когда в последующем возможна конфискация имущества. Как правило, размер имущества, подлежащего конфискации, определяется объемом причиненного вреда. Так, например, в Республике Крым по делу о коммерческом подкупе суд налагал арест на денежные средства Л., и в итоге определил конфисковать у него денежные средства в сумме «...» рублей, которая соответствует сумме коммерческого подкупа².

В досудебном производстве обращаться к суду по поводу назначения рассматриваемой меры при-

нуждения могут лишь должностные лица, осуществляющие предварительное расследование. Регламентация такой обязанности является достаточной гарантией обеспечения прав потерпевших. Неприменение ареста имущества может повлечь за собой невозможность возмещения вреда. Несвоевременность наложения такого ареста может также явиться причиной того, что в момент вынесения приговора у подсудимого не окажется в наличии имущества для удовлетворения гражданского иска.

Законодатель определил, что если суд выносит решение о применении рассматриваемой меры принуждения по отношению к недвижимому имуществу, то он должен направить в соответствующий регистрирующий орган в срок не более трех рабочих дней заверенную копию судебного акта.

Привлекает внимание тот факт, что в законе относительно срока рассматриваемой меры принуждения используются два термина: «срок», когда речь идет о наложении ареста, и «разумный срок» - в случае продления первоначального срока. Здесь проявляется непоследовательность позиции законодателя, поскольку во втором случае, по сути, в качестве ориентира берется отсылка к положениям ст. 6.1 УПК РФ [5, с. 10]. Стоит учитывать, что срок ареста имущества устанавливается в случаях, когда оно находится у граждан, названных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ (в частности, граждан, которые несут материальную ответственность за подозреваемого, обвиняемого и т.д.). В связи с этим уместно отметить позицию Конституционного Суда Российской Федерации, указавшего на то, что в законодательстве нет правового механизма, эффективно защищающего права тех граждан, которые не являются подозреваемыми или обвиняемыми, чье право собственности ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на имущество, когда предварительное следствие приостановлено. Законодателю предписано внести коррективы, которые должны обеспечить гражданам, на чье имущество по уголовному делу, предварительное расследование по которому приостановлено, наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, эффективную защиту права собственности, в том числе возможность компенсации убытков, причиненных чрезмерно длительным сроком применения данной меры принуждения³.

Следовательно, арест может налагаться на имущество не только подозреваемого, обвиняемого, но и других лиц. В этой ситуации необходимо наличие достаточных данных полагать, что оно добыто при реализации преступных действий, служило орудием деяния, использовалось для финансирования терроризма, организованной преступной группы.

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 13.12.2021 по делу № 22-2362/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9ZnhmWSpa1Zq/> (дата обращения: 22.10.2022).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 23.03.2020 по делу № 3/6805/2017 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jxibcln3l4xq/> (дата обращения: 23.10.2022).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость - М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве иллюстрации сказанного приведем пример из судебной практики. На имущество Ф., обвиняемого в присвоении и растрате, был наложен арест (две квартиры и нежилое помещение (гараж-стоянка)). Ф. был осужден, решен вопрос об обращении взыскания на данное имущество. В Европейский суд по правам человека обратилась Г. - бывшая супруга Ф. Она заявила, что у них с Ф. был заключен брак с составлением брачного договора, по которому все имущество, которое каждый из супругов приобретет после даты заключения этого договора на свои личные средства, будет считаться его личной собственностью. Позже брак был расторгнут. Г. неоднократно обращалась в суды различных инстанций по поводу снятия ареста с имущества, мотивируя это тем, что данное имущество приобретено за ее личные средства, она не была привлечена в качестве ответчика по делу, но ей было отказано с указанием на наличие достаточных данных полагать, что имущество получено в результате совершенного Ф. преступления. Оставляя приговор в отношении Ф. в части судьбы арестованного имущества без изменения, суд апелляционной инстанции указал на то, что невозможно однозначно определить, что заявитель использовала только законные средства для приобретения спорного имущества. Вместе с тем преступления Ф. были совершены во время брака с заявительницей, а заключенный между ними брачный договор не является препятствием для возмещения ущерба потерпевшим. Европейский суд по правам человека усмотрел нарушение прав Г., производство по делу было возобновлено ввиду открывшихся новых обстоятельств¹.

В правоприменительной практике существует ряд проблем, связанных с наложением ареста на имущество. К их числу относится, например, проверка обоснованности ходатайства дознавателя, следователя о применении рассматриваемой меры принуждения к имуществу третьих лиц, если информация получена в результате оперативно-разыскных мероприятий (при этом она должна быть надлежащим образом оформлена). Дело в том, что положения ч. 1 ст. 108 УПК РФ, касающиеся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, определяют, что суд не может полагаться на сведения, которые не проверены судом (например, основанные на результатах оперативно-разыскной деятельности) вопреки правилам ст. 89 УПК РФ. Это обстоятельство имеет отношение и к рассматриваемой нами мере принуждения.

Проблемы возникают и с применением этой меры по отношению к имуществу, которое является вещественным доказательством. Стоит учитывать незыблемый принцип Конституции Российской Федерации о том, что ограничение права собственности допустимо только на основании судебного акта. Поэтому имущество, которое признано вещественным доказательством, не может удерживаться, а также быть изъято без решения суда.

Поводом для споров можно считать позицию Конституционного Суда Российской Федерации относительно положений ст. 82 УПК РФ, предусматривающих, что вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости, иных причин не могут храниться при уголовном деле, включая большие партии товаров, хранение которых затруднительно, передаются для реализации на основании постановления дознавателя, следователя или судьи. Данные положения с точки зрения Конституционного Суда противоречат ч.ч. 1 и 3 ст. 35, ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. В качестве аргумента указано то обстоятельство, что нормы ст. 82 УПК РФ позволяют лишать собственника (законного владельца) имущества, которое считается вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора суда².

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2022 по делу № 48-П22 // URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/sXKA0VAfUZX/> (дата обращения: 23.10.2022).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2008 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // Российская газета. 01.08.2008.

GERSHISHEVA M.R.,
Adjunct of the Krasnodar
University of the Ministry
of Interior of Russia

SEIZURE OF PROPERTY AS AN INTERIM MEASURE OF PROCEDURAL COERCION

**Arrest of property, measure
of procedural coercion,
preliminary investigation,
criminal proceedings.**

The article examines the provisional measure of procedural coercion in the form of seizure of property. The norms of criminal procedural legislation regulating the procedure for applying this measure of coercion, the positions of scientists on related debatable issues, materials of judicial practice are considered. Argues own point of view regarding the essence of the seizure of property. The author considers the attachment of property to the number of procedural actions that are of a security and restorative nature. In order to specify the norms of criminal procedural legislation, it is proposed to change the wording of Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Законодатель внес коррективы. В случае невозможности обеспечения хранения предметов способами, указанными в ст. 82 УПК РФ, они подлежат оценке и с согласия владельца или по решению суда направляются для реализации по правилам, установленным Правительством Российской Федерации. Таким образом, были устранены нарушения, на которые указал Конституционный Суд.

Достаточно сложным представляется вопрос о приоритете интересов - частных и публичных. Как известно, по правилам ст. 81 УПК РФ, вещественные доказательства, изъятые в ходе расследования, подлежат конфискации в пользу государства. Причем, возможны случаи, когда изъятое в качестве вещественного доказательства имущество может уже находиться под арестом в качестве обеспечения обязательств в пользу третьих лиц, либо после наложения ареста в процессе расследования выясняется, что оно являлось орудием преступления или предметом, добытым преступным путем.

В соответствии с ч. 9 ст. 115 УПК РФ рассматриваемая мера принуждения отменяется на основании постановления следователя (дознателя), когда в ее применении отпадает необходимость либо при истечении определенного судом срока ареста. Здесь целесообразно привести пример из судебной практики, демонстрирующий, что само по себе истечение срока ареста не свидетельствует о прекращении его действия без соответствующего процессуального решения. В арбитражный суд обратился И. с требованием обязать банк снять ограничения относительно запрета распоряжения денежными средствами, имеющимися на расчетном счете ООО «Д». Он пояснил, что обращался в устном порядке в суд и к следователю по телефону с вопросом об отмене ареста денежных средств. Однако суд посчитал, что довод истца о том, что истечение срока ареста банковского счета означает снятие ареста, основан на неверном толковании ч. 9 ст. 115 УПК РФ. Это решение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который дополнительно по этому поводу от-

метил, что существует возможность обжалования действий лица или органа, уполномоченного отменить наложение ареста, в порядке ст.ст. 123-125 УПК РФ¹.

По другому делу в суд обратился конкурсный управляющий с заявлением об отказе регионального Управления федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в снятии ареста с нежилого помещения. Он мотивировал это тем, что решением арбитражного суда было открыто конкурсное производство в отношении ПК «С», в результате которого снят ранее наложенный арест на имущество должника. Из материалов дела усматривается, что конкурсный управляющий присутствовал в судебном заседании при рассмотрении вопроса о продлении срока наложения ареста. Определением суда его доводы о снятии ареста были признаны необоснованными. При таких обстоятельствах суд, отказывая в удовлетворении требований заявителя, отметил, что если арест на спорное имущество возлагается судом в рамках уголовного дела, то отмена этой меры принуждения допустима лишь соответствующим органом².

Итак, наложение ареста на имущество реализуется в процессуальных действиях следователя (дознателя) по обнаружению и изъятию подлежащего аресту имущества, а также по принятию мер по его сохранности для обеспечения гражданского иска, взыскания штрафа, иных имущественных взысканий и возможной конфискации имущества. Мера носит обеспечительный и восстановительный характер, а значит, представляет собой меру процессуального принуждения. В связи с этим в целях разрешения некоторых остающихся дискуссионными вопросов о сущности рассматриваемой меры принуждения считаем целесообразным переименовать ст. 165 УПК РФ, изложив ее название следующим образом: «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия и иной меры процессуального принуждения». ■

Библиографический список:

1. Искандиров В.Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 22 с.
2. Хабибова Л.Д. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 20-22.
3. Дикарев И.С. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 81-85.
4. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 232 с.
5. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущества // Российский следователь. 2016. № 1. С. 8-13.

¹ Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 25.04.2022 по делу № А10-5632022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i8IcH2G0xwJQ/> (дата обращения: 22.10.2022).

² Решение Арбитражного суда Самарской области от 15.02.2022 по делу № А55-31960/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PjZSH9LAdeoR/> (дата обращения: 23.10.2022).

НАВАЛИЕВ Н.М.,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России
navali@inbox.ru

УДК 343.1

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

**Уголовный процесс,
правовое преимущество,
привилегия, льгота,
иммунитет, особый
правовой режим, особая
правовая процедура.**

В статье анализируется правовое преимущество в виде особого правового режима. Выделяются характерные черты особого правового режима, предпринимается попытка разграничить его с такими правовыми преимуществами, как льгота, привилегия и иммунитет. Автор приходит к выводу о том, что особый правовой режим появляется в процессе накопления льгот и привилегий, приобретающих в результате новое качество. Основным критерием разграничения иммунитетов и особых правовых режимов предлагается считать способ их реализации.

В последнее время в юридической литературе все чаще встречаются упоминания о новом виде правовых преимуществ, именуемом особым правовым режимом (особой правовой процедурой). Например, Г.С. Беляева в своей докторской диссертации пишет о правовом режиме, основанном на преимуществах, под которым она понимает особый порядок правового регулирования общественных отношений, заключающийся в определенном сочетании правовых средств - дозволений (субъективных прав, законных интересов, льгот, привилегий, иммунитетов, поощрений и т.д.), гарантий и принципов, направленный путем создания благоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права на достижение оптимального социального состояния [1, с. 14-15]. Г.С. Беляева подчеркивает, что существование правовых режимов, основанных на преимуществах, не только не нарушает конституционного принципа равноправия граждан, но и способствует преодолению их фактического неравенства, направлено на эффективное осуществление возложенных на граждан особых государственных (общественных) функций, защиту их от необоснованных посягательств и создание благоприятных условий для деятельности, что оказывает стимулирующее влияние на поведение указанных субъектов [2]. В свою очередь, А.Г. Репьев этот же феномен называет особой правовой процедурой, понимая под ней разновидность преимуществ в праве, представляющей собой специальный нормативно установленный порядок совокупного применения правил и способов, определяющих последовательность, условия, обстоятельства реализации правовых предписаний в упрощенном либо усложненном видах, ставящих субъекта в более выгодное положение относительно других [3, с. 353].

По сути, указанные авторы, являясь пионерами в этой сфере научных изысканий, предложили свои определения одного и того же феномена. Поэтому мы будем использовать термины «особый правовой режим» и «особая правовая процедура» в качестве синонимичных, сознательно уходя от полемики по терминологическим вопросам ввиду того, что участие в ней не входит в круг задач данной статьи.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства констатируем, что правовая процедура (правовой режим) привлечения к уголовной ответственности установлена уголовно-процессуальным законодательством. Следовательно, особой ее могут сделать некие отличия от общего порядка привлечения к уголовной ответственности. Примером такой особой правовой процедуры является особый порядок привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних. К числу особых правовых процедур следует отнести и порядок привлечения к уголовной ответственности предпринимателей [4].

Несмотря на несомненность существования такого правового феномена, как особая правовая процедура (особый правовой режим), необходимо обратить внимание на один существенный недостаток подхода к его обоснованию. Таковым представляет

ся смешение в «одном флаконе» традиционных правовых преимуществ в виде льгот, привилегий и иммунитетов. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Когда совокупность указанных «традиционных» правовых преимуществ позволяет говорить о том, что это не льгота, а льготный правовой режим? Достаточно ли, например, того, что в законе за лицом закреплено несколько льгот, чтобы констатировать факт наличия в отношении данного лица такого режима? Где проходит граница, за которой количественные факторы переводят те или иные льготы и привилегии в новое качество - особый правовой режим.

По нашему мнению, наука пришла к осознанию существования особых правовых режимов с увеличением количества различного рода особенностей правового регулирования, обусловленного усложнением общественных отношений. Постоянное усложнение структуры общества требовало все большего количества изъятий из общего права, которые осуществлялись в целях поддержания справедливого, соответствующего нравственным устоям общества миропорядка, в котором каждый его член обладал бы равной праводеспособностью, в частности благодаря правым преимуществам. С увеличением количества таких исключений (льгот, привилегий, иммунитетов), сделанных в отношении одного и того же субъекта, пришло понимание того, что их совокупность составляет нечто большее, чем льгота, привилегия или иммунитет. Можно сказать, что с накоплением количества различных сочетаний льгот, привилегий и иммунитетов произошел их переход в новое качество - особую правовую процедуру (особый правовой режим).

Однако это не означает, что на наличие особой правовой процедуры указывает только количественный показатель. Например, само по себе расширение так называемого «льготного перечня» лекарств и медицинских препаратов не позволяет утверждать, что в государстве создан льготный правовой режим обеспечения лекарствами. Хотя увеличение количества групп людей, которые обладают правом на приобретение лекарств из этого перечня, порядок предоставления такого права и некоторые другие факторы могут свидетельствовать о создании особого правового режима. Впрочем, есть основания для дискуссий по этому вопросу и его решение оставим на суд читателя, так сказать, «для размышлений на тему».

В то же время беремся утверждать, что в уголовном процессе подобный качественный переход свершился в отношении правового режима привлечения к уголовной ответственности предпринимателей. Изменения, вносившиеся на протяжении многих лет в уголовно-процессуальный закон, целью которых было усиление защиты предпринимателей от незаконного и необоснованного обвинения, а также минимизация применения мер уголовно-процессуальной репрессии в отношении

представителей бизнес-сообщества, привели к тому, что привилегии, им предоставленные, превратились в полноценный особый правовой режим привлечения их к уголовной ответственности. Появление такого особого правового режима - состоявшийся факт, о чем с уверенностью заявляют многие ученые¹. При этом, например, П.Г. Сычёв в своей докторской диссертации отмечает: «Производство по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности - правовой институт, имеющий отдельную материально-правовую базу, обособленный предмет процессуального регулирования и ряд существенных отличий как в доказывании, так и в деятельности органов и лиц, ведущих производство по уголовному делу» [5, с. 21].

В свою очередь, А.Г. Репьев пишет, что в корне неверно смешивать особый правовой порядок производства по уголовному делу в отношении отдельных категорий лиц, закрепленный гл. 52 УПК РФ, как способ реализации особой правовой процедуры с правовым иммунитетом. По его мнению, гл. 52 УПК РФ регламентирует лишь усложненную процедуру производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Но ни о какой неподверженности обязанностям и ответственности речи не идет, как в случае с иммунитетом.

Соглашаясь с А.Г. Репьевым в том, что особый правовой порядок и иммунитет - разные правовые феномены, мы вынуждены заметить, что предложенное им понимание особой правовой процедуры слишком широко и фактически включает в себя любые особые процессуальные производства. Из его размышлений вытекает, что иммунитет - феномен исключительно материального права. Получается так, что традиционное понимание уголовно-процессуального иммунитета оказалось как бы заблуждением, ведь на самом деле это особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц.

Исходя из такого понимания, следует, что есть уголовно-правовой иммунитет, например, депутата Государственной Думы и особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности. По нашему мнению, при такой постановке вопроса мы идем по пути удвоения сущностей. Ведь если мы признаем, что иммунитет есть неподверженность ответственности (в нашем случае - уголовной) и он не может быть преодолен, то наличие какого-либо особого порядка привлечения к такой ответственности просто лишается всякого смысла. Лица, перечисленные в гл. 52 УПК РФ, не имеют никакого иммунитета от уголовной ответственности.

Более того, вынесение обвинительного приговора суда в отношении депутата Государственной Думы констатируется как факт наличия основания уголовной ответственности - совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, - а также служит основанием для досрочного пре-

¹ См., например: Александров А.С., Александрова И.А. Особый порядок привлечения к уголовной ответственности предпринимателей и освобождения от нее // Уголовный процесс. 2017. № 6 (150). С. 56-65; Куксин И.Н., Ростокский А.В. Предприниматель как специальный субъект уголовно-правовых отношений // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (26). С. 64-80; Галимов Э.Р., Суфьянова Ю.З. Защита прав лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности: перспективы законодательных изменений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 95-97.

кращения его полномочий (п. «д» ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

Анализируя особую правовую процедуру, А.Г. Репьев пишет, что таковая является одним из барьеров, предназначенных для защиты от необоснованного вмешательства в публичную деятельность. Но при соблюдении установленного порядка он может быть преодолен, следствием чего станет возбуждение уголовного дела [3, с. 349-351]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что разница между иммунитетом и особой правовой процедурой состоит лишь в том, могут быть преодолены создаваемые ими трудности или нет. В таком случае получается: если «барьер» на пути к уголовной ответственности может быть преодолен, то это - особая правовая процедура, а если нет - иммунитет.

Кроме того, по мнению А.Г. Репьева, в отличие от иммунитета, особый правовой порядок не наделяет лицо дополнительными гарантиями неприкосновенности, не освобождает лицо от необходимости претерпевать неблагоприятные для себя последствия, а лишь делает этот процесс облегченным, ускоренным, сокращенным [3, с. 349-351]. Действительно, иммунитет - это и есть дополнительная гарантия неприкосновенности лица, им обладающего. Лишение же иммунитета переводит процесс в русло обычной процедуры. Причем лицо может лишиться иммунитета как вследствие его преодоления в порядке, предусмотренном гл. 52 УПК РФ, так и по вполне естественным причинам, например в случае увольнения лица с занимаемой должности. Если же особый правовой порядок в отличие от иммунитета не наделяет лицо дополнительными гарантиями неприкосновенности, о чем, собственно говоря, пишет А.Г. Репьев, то и нормы гл. 52 УПК РФ, являющиеся гарантийными по своей направленности, тоже нельзя отнести к особому правовому порядку.

Вместе с тем отметим, что весь уголовный процесс по своей сути - это набор гарантий. При этом у некоторых участников процесса их больше, чем у остальных. Поэтому, признавая возможность (а мы в этом вопросе безусловно и категорически с А.Г. Репьевым согласны) существования в уголовном процессе особых правовых процедур, мы должны и признать их гарантийный характер. Поскольку эти процедуры особые, постольку и гарантий такой режим содержит больше. Тут важно подчеркнуть, что больше именно по сравнению с количеством гарантий, предоставляемых по общему правилу. Это обусловлено тем, что всякие упрощенные процедуры, существующие в уголовном процессе, можно было бы отнести к числу особых правовых режимов, если бы только не одно но. Такой упрощенный порядок привлечения к уголовной ответственности никак нельзя назвать правовым преимуществом. Подобные особые производства (например тот же особый порядок привлечения к уголовной ответственности, предусмотренный гл. 40 УПК РФ) являются лишь примерами дифференциации уголовно-процессуальной формы [6], а не правовыми преимуществами лиц.

По нашему мнению, особый правовой режим отличает от иммунитета именно то, что гарантии, предоставляемые им определенным категориям лиц, не могут быть преодолены. Если лицо, обладающее иммунитетом, может его лишиться в порядке, предусмотренном УПК РФ, то особый правовой режим уголовно-процессуальной деятельности остается неизменен вне зависимости от действий органов, осуществляющих уголовное преследование. При этом такой режим может иметь в уголовном процессе как льготный (производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, предусмотренное гл. 50 УПК РФ), так и привилегированный (производство по уголовным делам в отношении предпринимателей, в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности) характер. Таким образом, особый правовой режим в уголовном судопроизводстве можно охарактере-

NAVALIEV N.M.,
Adjunct of Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

SPECIAL LEGAL REGIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

**Criminal procedure, legal
advantage, privilege, benefit,
immunity, special legal regime,
special legal procedure.**

The article analyzes the legal advantage in the form of a special legal regime. The characteristic features of a special legal regime are highlighted, an attempt is made to distinguish it from such legal advantages as benefits, privileges and immunities. The author comes to the conclusion that a special legal regime appears in the process of accumulating benefits and privileges, which acquire a new quality as a result. It is proposed to consider the method of their implementation as the main criterion for distinguishing between immunities and special legal regimes.

ривать как вид правового преимущества, содержащий большую по объему (в сравнении с представляемой по общему правилу) совокупность про-

цессуальных гарантий защиты от незаконного и необоснованного уголовного преследования лица, ограничения его прав и свобод. ■

Библиографический список:

1. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Курск, 2013. 44 с.
2. Беляева Г.С. Правовые режимы, основанные на преимуществах: к вопросу о понятии // Административное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 1073-1080.
3. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: Дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2019. 529 с.
4. Александров А.С., Александрова И.А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 80-93.
5. Сычёв П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2021. 445 с.
6. Алексеев И.М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 67-70.

АРТЮХОВ А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России
alex.v.artuhov@yandex.ru

БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ О.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России
belokob-olga@yandex.ru

УДК 343.102

ЗНАЧИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРМАННЫХ КРАЖ

Оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная характеристика, преступление, карманная кража, профессионализм преступника, жертва преступления.

В статье идет речь о необходимости использования как гласных, так и негласных сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в целях выявления, раскрытия и расследования карманных краж. Представлены методы противодействия кражам, совершаемым из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем. Рассмотрены наиболее значимые элементы оперативно-разыскной характеристики таких преступлений, в том числе предмет, место и способ их совершения. В зависимости от способа совершения карманных краж выявлены основные «профессиональные» группы воров-карманников. Рассмотрены реализуемые преступниками меры по противодействию сотрудникам оперативных подразделений правоохранительных органов. Акцентировано внимание на профилактике карманных краж в деятельности органов внутренних дел.

Каждому гражданину Российской Федерации в нашей стране предоставлена гарантия на защиту его конституционных прав и свобод. Одним из важнейших охраняемых прав является право иметь, пользоваться, распоряжаться имуществом, находящимся в частной собственности. Соответствующее положение содержится в ст. 35 Конституции Российской Федерации. Никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Задачи по обеспечению названного выше права возложены на правоохранительные органы, главным образом - на органы внутренних дел, что предписано Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699¹: «Основными задачами МВД России являются ... обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, в том числе борьба с имущественными преступлениями, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел».

Одним из видов посягательств на право собственности является «карманная кража». Понятия «карманная кража» в Уголовном кодексе Российской Федерации не содержится, а термин используется в основном в науке и публицистике. Им традиционно обозначают квалифицированный вид кражи, а именно - кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Несмотря на отсутствие легальной дефиниции, термин «карманная кража» широко используется сотрудниками уголовного розыска и иных служб и подразделений, задействованных в борьбе с данным видом преступной деятельности.

Статистические сведения показывают, что подавляющее большинство совершенных карманных краж остаются нераскрытыми. Так, по данным ГИАЦ МВД России², в 2022 году было зарегистрировано

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации».

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2022 года // Официальный сайт МВД России. 23.09.2022 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/32515852/?ysclid=lbudubjgeq366276341>.

стрировано 23086 преступлений рассматриваемого вида, из них было раскрыто 3793 кражи, нераскрытыми осталась 19291. Таким образом, есть основания говорить о существовании серьезной проблемы в области обеспечения прав граждан.

Оценивая ситуацию с карманными кражами, сложившуюся в последние пять лет, стоит отметить изменения в динамике их совершения. Так, в 2018 году была зарегистрирована 41021 карманная кража, в 2019-м - 37743 (-8%), в 2020-м - 25558 (-32,3%), в 2021-м - 24526 (-4%). Специалисты связывают такое падение показателей с реализацией на государственном уровне антиковидных мер: общественные места стали в этот период малолюдны, и воров-карманники были вынуждены осваивать другие способы хищения, при которых местонахождение потенциальной жертвы не имеет особого значения (мошенничество с помощью интернет-ресурсов, социальных сетей, телекоммуникационных связей и т.д.). После снятия антиковидных ограничений сотрудники уголовного розыска в большинстве регионов России ожидали увеличения количества карманных краж¹. Однако статистика 2022 года показала, что этого не произошло.

Тем не менее низкий уровень раскрываемости карманных краж говорит о том, что противодействию таким преступлениям уделяется недостаточно внимания. Seriously осложняет ситуацию то обстоятельство, что пострадавшие зачастую не обращаются в полицию с заявлениями о совершении в отношении них преступлений рассматриваемого вида. Обнаружив пропажу имущества, одни убеждают себя в том, что вещи, скорее всего, были просто потеряны; другие не хотят тратить время на обращение в полицию в связи с малозначительностью суммы причиненного им материального ущерба; третьи считают, что полиция все равно преступника найти не сможет, поэтому нет никакого смысла заявлять о преступлении. Как бы там ни было, но отсутствие заявлений от таких пострадавших не дает возможности оценить реальное положение дел в сфере противодействия карманным кражам. Представляется очевидным, что число официально зарегистрированных преступлений данного вида в несколько раз ниже количества в действительности совершенных карманных краж, а это, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне их латентности.

Противодействие карманным кражам необходимо осуществлять адекватными мерами, к числу которых отнесены как гласные, так и негласные силы, средства и методы оперативно-разыскной деятельности (далее - ОРД). В теории ОРД методика противодействия преступлениям различных видов, включая карманные кражи, наиболее полно освещается при раскрытии элементов их оперативно-разыскной характеристики [5]. В нашем случае, не раскрывая сведений, составляющих государственную тайну, акцентировать внимание следует на предмете преступного посягательства, месте и способе совершения карманных краж, личности преступника и потерпевшего, возможностях пра-

воохранительных органов в деятельности по предупреждению преступлений этого вида.

Для начала рассмотрим особенности предмета преступного посягательства. Результаты проведенного нами ретроспективного анализа ситуации показывают, что если раньше самым распространенным предметом посягательства воров-карманников был кошелек с содержащимися в нем денежными купюрами, ценными бумагами, а в отдельные периоды - талонами, продовольственными карточками, то сейчас особое внимание преступников привлекают банковские карты и мобильные телефоны. При этом многие и сегодня продолжают пользоваться наличными денежными средствами, поэтому банкноты по-прежнему остаются в сфере пристального внимания карманных воров. Впрочем, популярность наличных с каждым годом уменьшается в силу простоты и удобства использования электронных платежных средств. Помимо денег, интерес преступника может быть также направлен на ювелирные украшения, драгоценности, парфюмерию и косметику, дорогостоящие гаджеты и т.д. Главная особенность перечисленных вещей - небольшие размеры, что позволяет преступнику незаметно похищать такое имущество, легко скрывать его под одеждой или в своих карманах. В дальнейшем эти предметы можно сдать в ломбарды, пункты скупки подержанных вещей или просто продать кому-нибудь из прохожих, заинтересовав его низкой ценой.

Наибольшее распространение карманные кражи имеют в больших, густо населенных городах, поскольку скопление людей в общественных местах позволяет преступнику незамеченным покинуть место совершения преступления, дает возможность быстро скрыться и сбыть похищенное имущество. Типичными местами совершения карманных краж являются рынки, магазины, объекты проведения массовых мероприятий и другие места скопления людей. Особой популярностью у карманников пользуется общественный транспорт: здесь они совершают преступления, а также пользуются им для быстрого перемещения по городу, получая возможность выйти на любой остановке, не вызывая подозрений. Городской транспорт особенно удобен карманникам в «часы пик», когда в нем сосредоточивается большое количество пассажиров, - это наиболее благоприятное для совершения краж время. «Давка» позволяет преступнику «прощупать» потенциальную жертву на наличие ценностей, выяснить точное место, в котором находятся предметы преступного посягательства. Известны случаи, когда в качестве соучастника вора-карманника выступал кондуктор: он заслонял жертву от других пассажиров, изображая, что ищет что-то в своей сумке, или делал вид, что закончилась бумага в чековом аппарате, и он меняет катушку, а в это время карманник, «закрытый» от других пассажиров, умело похищал имущество жертвы.

Следующим элементом оперативно-разыскной характеристики является способ совершения карманной кражи. В криминалистике и ОРД выделяют

¹ В некоторых регионах в структуре Управлений уголовного розыска на территориальном уровне функционируют специализированные подразделения по борьбе с карманными кражами, именуемые оперативно-сыскными отделами - ОСО.

два вида карманных краж - квалифицированные и простые. К числу квалифицированных относятся кражи, совершаемые с применением технических средств: опасных и безопасных бритв, ножниц, заточенных монет, специально приспособленных медицинских пинцетов, крючков, щипчиков и т.д. В группу простых включают все виды краж, совершаемых «под ширмой» (с использованием маскирующих предметов - газеты, журнала, пиджака, куртки и т.п.) и без таковой - путем «свободного» доступа.

В зависимости от способа совершения карманной кражи всех воров-карманников можно условно разделить на несколько групп, характеризующих их преступную квалификацию.

«Щипачи» - это преступники, совершающие карманные кражи, используя ловкость рук. Данный способ совершения преступления наиболее распространен, так как не требует наличия специальных технических средств или каких-либо приспособлений. Но это вовсе не означает, что этот способ является самым легким. Скорее, наоборот. Ведь преступнику удается незаметно достать из кармана жертвы его имущество только благодаря ловкости пальцев рук.

«Ширмачи» - это преступники, совершающие карманные кражи с помощью так называемой «ширмы» - какого-либо предмета, который может заслонить самого преступника, его лицо и скрыть совершаемые им действия. Таким предметом может быть газета, журнал, пиджак, куртка и т.д. В качестве «ширмы» преступники могут использовать своих соучастников, случайных людей, детей, животных (собак, кошек и др.).

«Писари» считаются высшей кастой карманников - это преступники, совершающие карманные кражи с использованием остро заточенных лезвий от бритв или других острых предметов. В последние два десятилетия данный способ применяется редко. Воров, использующих в качестве орудия для совершения карманных краж пинцеты, называют «хирургами», а тех, кто извлекает ценности с помощью рыболовных крючков, - «рыбаками».

Отдельной категорией карманников являются «трясуны». Они под видом того, что якобы очень рады встретить давнего знакомого (однокурсника, одноклассника и т.д.), начинают крепко обнимать потенциальную жертву. Во время такой «тряски» вор и похищает имущество у растерявшегося человека. Эти карманники, как правило, обладают хорошими актерскими способностями и легко вступают в контакт с незнакомыми людьми.

«Присядочники» совершают карманные кражи, как правило, в барах, кафе, ресторанах. Преступника среди посетителей таких заведений интересуют те, кто вешает свою верхнюю одежду на спинку стула (или вешалку), оставляя в карманах ценные вещи (сотовый телефон, кошелек и т.д.), и те, кто ставит портфель или сумку с находящимися в них ценными вещами рядом с ножкой стула или стола. Воры, пристально наблюдая за такими

беспечными людьми, выискивают удобный момент, чтобы вытащить из одежды или сумки ценное имущество.

Делая в статье те или иные выводы, ее авторы основываются на собственном профессиональном опыте, так как ранее занимались выявлением, раскрытием и расследованием преступлений рассматриваемого вида, а также на результатах опроса сотрульников уголовного розыска ГУ МВД России по Волгоградской области, проходивших повышение квалификации в Волгоградской академии МВД России в 2021-2022 годах. Поэтому есть все основания утверждать, что важным элементом оперативно-разыскной характеристики карманных краж является характер преступной деятельности воров-карманников - действуют ли они поодиночке или в составе группы. В настоящее время большинство карманных краж совершается в одиночку. Сплоченные воровские «бригады» встречаются гораздо реже. В основном преступные группы включают в себя лиц, связанных семейными отношениями, - брат и сестра, жена и муж. Наличие такого признака, как организованность преступной группы, наиболее характерно для воровских сообществ, созданных по национальному принципу (например, совершение краж целыми семьями). Преступные группы используют различные способы противодействия правоохранительным органам, позволяющие ворах уходить из поля зрения оперативников. Они осознают возможность их идентификации по биометрическим данным с помощью различных технических средств (например, камер видеонаблюдения, установленных в торговых-развлекательных центрах и иных местах массового пребывания людей). Для того чтобы незаметно покинуть место преступления, карманники применяют средства маскировки, изменяющие внешность: надевают парики, переодевают верхнюю одежду, меняют головные уборы. В результате таких действий становится трудным доказать, что к серии однотипных преступлений, схожих по месту, времени и способу совершения, причастно одно и то же лицо.

Личность преступника характеризуется такими социально-демографическими признаками, как пол, возраст, уровень образования. Согласно статистическим данным, карманные кражи чаще всего (86,8% случаев) совершаются мужчинами¹. Наиболее криминогенной является молодежная возрастная группа 25-29 лет и 18-24 года². Относительно высокая распространенность карманных краж среди лиц молодого возраста (18-24 года) имеет общую для всех корыстных преступлений причину и объясняется тем, что период начального этапа самостоятельной жизни человека связан со сложными, часто противоречивыми процессами социализации личности. 7,2% карманников имели начальное образование, 34,9% - неоконченное среднее, 57,9% - среднее и среднее специальное. Лица с высшим образованием среди карманников, как отметил в своей статье В.М. Семенов, не встречались³.

¹ Коцегулов Б.Б., Багжанова А.Ж. Особенности расследования карманных краж: Учебное пособие. Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2019. 126 с.

² Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990.

³ Семенов В.М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих кражи // Российский следователь. 2005. № 11. С. 20-27.

Уголовно-правовым элементом оперативно-разыскной характеристики является наличие криминального прошлого вора-карманника. Сила привычки у карманных воров значительно сильнее, чем страх перед наказанием. Достаточно указать на то, что общий рецидив среди таких преступников составляет 85,5%, специальный - 78%. Из рецидивистов, которые отбывали наказание за карманные кражи, 15,6% имели две судимости, 19,3% - три, 26,5% - четыре, 19,3% - пять и столько же - больше пяти. При этом 70% из них были судимы за карманные кражи более трех раз. Есть лица, которые имели десять и больше судимостей с общим сроком отбытого наказания, превышающим 40 лет. По данным, представленным А.В. Богдановым, средний срок пребывания в местах лишения свободы карманных воров, судимых три и более раз, составлял 13 лет¹.

Эти и рассмотренные выше характеристики, бесспорно, свидетельствуют о высоком уровне криминальной квалификации лиц, совершающих карманные кражи. Данное обстоятельство необходимо учитывать сотрудникам уголовного розыска и следствия в своей профессиональной деятельности. Согласимся с мнением Ю.В. Бышевского и А.А. Конева, которые причисляют карманных воров к категории преступников-профессионалов, а в собственных им элементах профессионализма видят тенденцию, что настораживает при изучении процессов развития современной преступности [1]. О наличии уголовного профессионализма у карманных воров может также свидетельствовать их отождествление с преступной средой, что выражается в использовании воровского жаргона, кличек и татуировок.

Персональные прозвища (клички) имеют большинство карманных воров и в первую очередь - рецидивисты. Прозвища - это не только традиционный воровской атрибут, но и элемент конспирации, позволяющий скрывать имена и фамилии. Нередко преступники знают друг друга лишь по «блатным» кличкам. Особенность таких прозвищ - их неизменность. Они, как правило, являются производными от физических особенностей, фамилий, тех или иных черт характера человека. Это не что иное, как своеобразная краткая, но очень точная «визитная карточка» преступника. Практике известно немало фактов, когда преступления раскрывались благодаря тому, что сотрудники уголовного розыска, работая по тактической схеме «от лица - к преступлению» оперативным путем устанавливали уголовные прозвища преступников, после чего задерживали их с поличным. Именно поэтому оперативно-разыскным группам следует уделять внимание учету воров по кличкам [2].

Довольно распространенное явление среди криминальных элементов, особенно карманных воров, - наличие татуировок. Даже у лиц, впервые осужденных, татуированными оказываются до 60% кожного покрова. С каждой новой судимостью количество татуировок увеличивается и, по данным А.Г. Бронникова, уровень татуированности колеблется в пределах от 75% до 95% [3]. Стоит отметить, что если в целом у осужденных наблюдается смещение старых рисунков-символов с новыми, то у карманных воров преобладают традиционные: восьмиконечная звезда на предплечье или голени; сердце, пронзенное кинжалом; орел, несущий в когтях обнаженную женщину; паук без паутины между большим и указательным пальцем руки; монах, пишущий книгу гусиным пером и т.п.

Кроме социально-демографических и уголовно-правовых элементов личности карманного вора, есть ряд особенностей, которые относятся к психической и физиологической сферам. По данным В.П. Самойлова, который специально исследовал этот вопрос, до 43% карманных воров - инвалиды, более того, трое из каждых четырех воров являются людьми с недостаточным физи-

¹ Богданов А.В. Карманные кражи в России (современное состояние, тенденции и перспективы противодействия) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 102-107.

ARTYUKHOV A.V.,
PhD in Juridical Sciences,
Associate Professor, Docent of
the Department of Operational
Investigative Activities
and Special Equipment of the
Volograd Academy of the
Ministry of Interior of Russia

BELOKOBYSKAYA O.I.
PhD in Juridical Sciences,
Associate Professor, Docent of
the Department of Operational
Investigative Activities and
Special Equipment of the
Volograd Academy of the
Ministry of Interior of Russia

SIGNIFICANT ELEMENTS OF THE OPERATIONAL- INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF PICKPOCKETING

**Operative-investigative
activity, operational-
investigative characteristics,
crime, pickpocketing,
professionalism of the
criminal, the victim
of the crime.**

The article deals with the need to use both public and covert forces, means and methods of operational-search activities in order to identify, disclose and investigate pickpocketing. The methods of countering thefts committed from clothes, bags or other hand luggage, which are with the victim, are presented. The most significant elements of the operational-investigative characteristics of such crimes, including the subject, place and method of their commission, are considered. Depending on the method of committing pickpocketing, the main «professional» groups of pickpockets were identified. Measures implemented by criminals to counteract employees of operational units of law enforcement agencies are considered. Attention is focused on the prevention of pickpocketing in the activities of internal affairs bodies.

ческим развитием [4]. Преступная квалификация карманника зависит и от анатомических особенностей - в частности, особенностей его рук. Пальцы рук должны быть тонкими, длинными, очень гибкими и чувствительными к внешним раздражителям. Кроме того, карманный вор вырабатывает только ему присущую походку, особую координацию движений тела, рук и т.п. Карманникам свойственна эмоциональная неуравновешенность, безмерная раздражительность, а нередко у них случаются приступы истерии. Они чаще других преступников выражают протесты по поводу деятельности правоохранительных органов, разрезают себе вены, бьются головой о стену и т.д. Однако подобные действия могут быть хорошо продуманными и преследовать точно определенные конкретные цели (перевод в больницу, отсрочка зимнего этапа, освобождение от физического труда и т.п.).

Рассматривая последний элемент оперативно-розыскной характеристики, отметим, что большая роль при подготовке к совершению кражи отводится воров-карманником правильному выбору жертвы. Зачастую пострадавшими становятся лица, которые невнимательно относятся к происходящим вокруг них событиям. Это происходит обычно вследствие того, что они отвлекаются на другие дела (прослушивание музыки, чтение книг, сон и др.), сосредоточиваются на том, что происходит «где-то вовне», а не в окружающем их пространстве. Люди часто не оценивают обстановку, складывающуюся вокруг них, и из-за этого становятся жертвами карманных краж.

Впрочем, одной только внимательности, явно недостаточно. Необходимы также специальные средства и методы предупреждения карманных краж, реализуемые муниципальными и государственными органами. Речь идет, в частности, о том, что людям следует напоминать о бдительности при

нахождении в общественных местах, о сохранении постоянного контроля за своим имуществом. К примеру, в транспорте по громкой связи периодически транслируются такие «сообщения - оповещения». Позитивный эффект подобных оповещений был экспериментально доказан учеными. В эксперименте участвовали ранее не знакомые друг с другом люди, они должны были выходить в транспортное средство и выходить из него. Для оценки мер безопасности был приглашен в качестве эксперта бывший вор-карманник. В случае, когда оповещения не делалось, эксперт смог сымитировать хищение имущества у пяти человек. А вот когда по громкой связи было сообщено о необходимости быть бдительными и заботиться о сохранности личного имущества, эксперту не удалось «обокрасть» ни одного из участников эксперимента. Таким образом, для предотвращения карманных краж гражданам необходимо концентрировать свое внимание на личном имуществе и соблюдать элементарные правила его хранения: например, не класть мобильные телефоны в задние карманы брюк; рюкзаки во время поездки в общественном транспорте снимать и держать перед собой в руках; дорогостоящие предметы прятать во внутренние карманы одежды и т.д.

Итак, по нашему мнению, знания о тактике действий воров-карманников, способах совершения карманных краж, об особенностях субкультуры воровской среды и о характеристиках личности воров-карманников позволяют более уверенно реализовывать деятельность по профилактике этих преступлений. Важная роль в данной деятельности отводится работе с потенциальными жертвами преступлений рассматриваемого вида: зная и соблюдая правила безопасности, они повышают свои шансы избежать вероятности оказаться потерпевшими в результате действий воров-карманников. ■

Библиографический список:

1. Бышевский Ю.В., Конев А.А. Латентная преступность и правосознание: Учебное пособие. Омск: Омская высшая школа милиции, 1986. 76 с.
2. Кошегулов Б.Б., Багжанова А.Ж. Особенности расследования карманных краж: Учебное пособие. Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2019. 126 с.
3. Бронников А.Г. Татуировки заключенных, их классификация и криминалистическое значение: Альбом. М.: Типография издательства ЦС «Динамо», 1980. 64 с.
4. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках: Учебное пособие / Под ред. Р.С. Белкина. М.: Высшая школа МВД СССР, 1968.
5. Катков С.В., Белокобыльская О.И., Горных С.А. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере: отдельные вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 100-110.

НОВИКОВ А.А.,

кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
albox2002@mail.ru

ПЕТРОСЯН Д.А.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
dariy@bk.ru

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ГЛАСНОГО ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК» ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ЛОМА И ОТХОДОВ ЧЁРНЫХ И ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, наведение справок, черные и цветные металлы, лом металлов, отходы металлов, документирование, незаконное предпринимательство.

В статье рассмотрены актуальные вопросы документирования незаконного предпринимательства в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов посредством проведения оперативно-разыскного мероприятия «Наведение справок». Обращено внимание на основные направления оптимизации и совершенствования данного вида деятельности оперативных сотрудников правоохранительных органов. Выявлены направления поиска информации, представляющей оперативный интерес, в рамках которых можно добиться повышения эффективности выявления, документирования и раскрытия преступлений, связанных с незаконным предпринимательством в сфере оборота лома и отходов цветных и черных металлов.

В Российской Федерации деятельность по заготовке, а также хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов подлежит лицензированию в соответствии с предписаниями Положения о лицензировании деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2022 г. № 980.

Сталеплавильные процессы, связанные с переработкой лома и отходов черных металлов, стали стратегически важной отраслью экономики России в части уменьшения нагрузки на экосистему [1, с. 333]. Тот факт, что отрасль лома черных и цветных металлов является стратегически прерогативной для социально-экономического развития страны, отмечает и Е.А. Попов, констатируя при этом в рассматриваемой сфере ценовой диспаритет, непрозрачность рынка и высокую фондоемкость, а также отсутствие баланса спроса и предложения [2, с. 35]. Указанные аспекты вызывают ряд проблем, среди которых следует выделить уклонение субъектов рынка от оформления разрешительной документации, функционирование нелегальных пунктов сбора лома и отходов черных металлов и т.п.

Серьезную проблему, требующую усиления мер уголовно-правового реагирования, видит А.А. Лихолетов в повсеместном распространении пунктов приема металлолома, действующих без разрешительных документов [3, с. 73]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что далеко не всегда соблюдается требование о приеме лома и отходов цветных металлов только на специально организованных для этого объектах [4, с. 133]. Кроме того, как пишет М.В. Касаев, «необходимо учитывать, что каждый лицензированный пункт имеет свою разветвленную сеть нелегальных пунктов, которая не позволяет органам внутренних дел отслеживать незаконный оборот цветных металлов в полном объеме» [5, с. 35].

В соответствии с законами экономики спрос на лом и отходы черных и цветных металлов, а также существование нелегальных пунктов скупки приводят к возникновению предложения в виде

снятых с линий электропередач проводов, фрагментов железнодорожных рельс, чугунных оградок с могил, заборных пролетов и т.д. Нет необходимости упоминать, что, как правило, такие предметы добываются незаконным путем. Нарушения в указанной сфере деятельности также могут повлечь за собой возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, а также угрозы чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Незаконное предпринимательство относится к числу преступлений экономической направленности (без дополнительных условий)¹, требующих обстоятельного и качественного документального оформления. В связи с этим документирование данного состава преступления сопряжено с использованием баз данных различных информационных систем, направлением большого количества запросов, получением документов, справочной информации, где содержатся сведения, представляющие оперативный интерес для решения задач оперативно-разыскной деятельности.

Согласно статистическим данным территориальных органов МВД России Северо-Западного федерального округа, 90% фактов незаконного предпринимательства в сфере оборота лома, отходов черных и цветных металлов выявлялось и документировалось сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. Это направление их деятельности относится к числу приоритетных в рамках борьбы с преступностью в сфере металлургического производства².

Документирование незаконного предпринимательства в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов невозможно без проведения такого оперативно-разыскного мероприятия, как наведение справок. Оно осуществляется оперативным сотрудником незамедлительно после получения оперативно-значимой информации. При этом принимаются неотложные меры по проверке и отработке указанной информации: в максимально короткие сроки, с минимальной затратой ресурсов и рабочего времени, используя имеющуюся служебную компьютерную технику, подключенную к информационным базам данных МВД России, других правоохранительных органов и сети Интернет.

Из информационных баз данных МВД России оперуполномоченному гласным способом можно получить следующие сведения в отношении проверяемого лица:

- установочные данные лица, представляющего оперативный интерес, с фотографией;
- сведения о месте жительства и регистрации лица и членов его семьи;
- используемые номера мобильных телефонов;
- сведения об используемом автотранспорте;

- данные о водительском удостоверении;
- сведения о привлечении к административной, уголовной ответственности, возбуждении, прекращении уголовного дела, судимости;
- данные о составе семьи;
- образцы почерка и подписи;
- сведения о регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя и участия в деятельности юридического лица;
- данные о выезде лица за пределы Российской Федерации и въезде на ее территорию;
- сведения о приобретении билетов на железнодорожный, авиационный, водный транспорт;
- данные относительно наличия у лица разрешения на оружие и владения им.

При наличии заведенного дела оперативного учета, надлежащего разрешения (санкции), привлечении сил и средств специальных оперативных подразделений МВД России возможности оперативного сотрудника по получению информации с помощью наведения справок значительно увеличиваются и расширяются.

С помощью сети Интернет в ходе документирования могут быть получены:

- через сайт Федеральной службы судебных приставов - данные о возбужденных исполнительных производствах по имеющейся задолженности физического либо юридического лица;
- из базы данных судов различных уровней - сведения о наличии судебного делопроизводства;
- через сайт лицензионного органа - данные из Реестра действующих лицензий о наличии у хозяйствующего субъекта действующей лицензии;
- из средств массовой информации - сведения о публикациях в отношении лица;
- из социальных сетей - информация о связях лица и фотографии;
- через сайт Федеральной налоговой службы - сведения о регистрации лица как субъекта и участника предпринимательской деятельности;
- из приложения «GetContact» - информация о принадлежности абонентского номера телефона;
- из некоторых каналов мессенджера «Telegram» - фотографии, данные относительно автотранспорта, используемого номера телефона, страниц в социальных сетях, объявлений о купле-продаже и оказании услуг, размещенных в интернет-сервисах.

Необходимая оперативно-значимая информация, содержащая те или иные маркеры незаконности предпринимательской деятельности, может быть получена в ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия «Наведение справок» при личном изучении оперативным сотрудником либо по данному им поручению с привлечением других лиц и служб, в том числе конфиденентов, из следующих документов:

- а) регистрационные документы (свидетельство о регистрации (внесении изменений) и постановке на учет в налоговом органе, лист записи, подтверждающий внесение информации в реестр, уведом-

¹ Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

² Приказ МВД России от 16.03.2015 № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации».

ление о снятии с учета в налоговом органе, уставные и учредительные документы, документы из Росстата, сведения о наличии, открытых (закрытых) счетах в кредитных организациях и др.);

б) разрешительные документы (лицензии на отдельные виды деятельности и др.);

в) распорядительные документы (приказы о назначении на должности, трудовые договор (контракты), должностные (функциональные) обязанности, должностные регламенты, (руководителей, заместителей, бухгалтеров и прочих лиц), документы по учетной политике);

г) документы, отражающие экономическую деятельность: бухгалтерская и налоговая отчетность (бухгалтерские балансы, отчеты о прибылях и убытках, пояснительные записки), рабочий план счетов бухгалтерского учета, переписка по вопросам бухгалтерского учета, книги продаж и покупок, материальные ведомости, накладные (на внутреннее перемещение и отпуск на сторону), путевые листы, счета-фактуры, ордера (приходный, расходный, кассовый), платежные поручения, акты (выполненных работ, закупочные), чеки (товарные, кассовые), договора, контракты, соглашения, доверенности, технологические карты и документы, государственные таможенные декларации.

Отдельную важную группу документов, отражающих сведения об экономической деятельности, составляют акты проверок, ревизий финансово-хозяйственной деятельности, акты инвентаризаций. Документы, представляющие оперативный интерес, также могут содержаться на электронных носителях информации, в программных продуктах, отражающих бухгалтерский учет. При осуществлении лицом деятельности без регистрации, а соответственно - без составления необходимых, установленных законом бухгалтерских документов, изучению также подлежат отражающие финансово-хозяйственную деятельность различного рода черновые записи, содержащиеся в тетрадах, блокнотах и пр.

В результате направления запросов в различные органы исполнительной власти и организации оперуполномоченный может получить:

1) в территориальном подразделении ФНС России в отношении физических и юридических лиц, осуществляющих деятельность без регистрации и лицензии: данные о дате постановки на учет, местонахождении, организационно-правовой форме, ИНН, ОКВЭД; сведения об учредителях, руководителях; информацию об открытых банковских счетах, налоговой отчетности, возмещении НДС, актах проверок; перечень дебиторов (о наличии/отсутствии дебиторской задолженности) и прочее;

2) в банковской организации в отношении хозяйствующего субъекта либо лица, осуществляющего деятельность без регистрации (с получением судебного постановления о наведении справок в кредитной организации): сведения об открытых/закрытых счетах (расчетные, текущие, валютные, депозитные); о движении денежных средств; лицах, допущенных к финансовым операциям; образцы почерка; сведения о местонахождении организации, компьютера с установленной программой «Клиент-банк»; об операторе, обеспечивающем связь с банком; полученных кредитах, заложенном имуществе, контрактах, договорах и другую информацию;

3) в лицензионном органе (на территории Калининградской области лицензирование деятельности в сфере оборота лома и отходов цветных и черных металлов осуществляет Министерство регионального контроля (надзора) Калининградской области): сведения о наличии лицензии, адресе деятельности; акты проверок, а в случае необходимости - лицензионное дело хозяйствующего субъекта;

4) в территориальном подразделении Федеральной таможенной службы субъекта Российской Федерации при экспорте лома за границу: документы по отправке лома, отходов цветных и черных металлов, государственные таможенные декларации, инвойсы и прочие материалы;

NOVIKOV A.A.,
PhD in Juridical Sciences,
Head of the Department of
the Operational Investigative
Activity of Internal Affairs
Agencies of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

PETROSYAN D.A.,
PhD in Juridical Sciences,
Senior Lecturer of
the Department of the
Operational Investigative
Activity of Internal Affairs
Agencies of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

FEATURES OF CONDUCTING A PUBLIC OPERATIONAL- SEARCH ACTIVITY «INQUIRY» WHEN DOCUMENTING ILLEGAL BUSINESS IN THE FIELD OF TURNOVER OF SCRAP AND WASTE OF FERROUS AND NON- FERROUS METALS

**Operational-search activity,
operational-search activity,
inquiry, documentation,
illegal business, ferrous
and non-ferrous metals,
metal scrap, metal waste.**

The article deals with topical issues of documenting illegal entrepreneurship in the sphere of turnover of scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals through the operational-search activity «Inquiry». Attention is drawn to the main directions of optimization and improvement of this type of activity of operational law enforcement officers. Directions for searching for information of operational interest have been identified, within which it is possible to increase the efficiency of detecting, documenting and solving crimes related to illegal business in the sphere of turnover of scrap and waste of non-ferrous and ferrous metals.

5) на площадках, где осуществляются временное хранение, погрузочно-разгрузочные работы при отправке лома железнодорожным и водным транспортом: товарно-сопроводительные документы отправителей лома;

6) сведения о материальном положении подозреваемого лица (в частности, из Единого государственного реестра недвижимости о наличии/отсутствии в реестре сведений об объектах недвижимости);

7) в Ростехнадзоре: сведения о наличии/отсутствии спецтехники;

8) в Центре ГИМС МЧС России: данные о наличии маломерных судов;

9) в ГИБДД: сведения о наличии/отсутствии транспортных средств.

В ходе документирования может потребоваться направление запросов в иные организации, предприятия и учреждения (например для получения заверенной копии сертификата (заключения, удостоверения) о происхождении товара (лома) в Калининградской торговой-промышленной палате).

Результаты, полученные в ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия «Наведение справок», требуют изучения, анализа и сравнения раз-

личными методами. Применительно к незаконной предпринимательской деятельности целесообразно применять следующие методы:

1) метод сравнительного анализа моделей деятельности;

2) метод сравнительного анализа моделей функций;

3) метод экономико-правового анализа (документальный анализ, встречная проверка, взаимный контроль, бухгалтерский, экономический анализ);

4) метод выявления несоответствий экономических показателей.

Результаты наведения справок оформляются отчетом, справкой, актом, требованием, а также могут содержаться в ответах на ранее направленные запросы.

В заключение отметим, что при правильной организации и осуществлении деятельности по перечисленным нами направлениям поиска информации можно добиться результатов, которые будут способствовать повышению эффективности выявления, документирования и раскрытия фактов незаконного предпринимательства в сфере оборота лома, отходов цветных и черных металлов. ■

Библиографический список:

1. Шилова Л.Ф., Урсова А.А. Учет лома и отходов цветных металлов, извлеченных в процессе переработки лома и отходов черных металлов // Роль молодых ученых в решении актуальных задач АПК. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. СПб: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2016. С. 333-335.

2. Попов Е.А. Отрасль лома черных и цветных металлов в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Стратегии бизнеса. 2021. Т. 9. № 2. С. 35-41.

3. Лихолетов А.А. К вопросу об усилении уголовной ответственности за незаконный оборот лома черных и цветных металлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 72-79.

4. Абрамов В.В., Белых Л.А., Виниченко С.И., Запорощенко В.А. Правовая оценка действующего законодательства в области заготовки, переработки и реализации лома цветных металлов // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3 (20). С. 130-137.

5. Касаев М.В. Проблемы борьбы с незаконным оборотом лома цветных металлов в Алтайском крае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 35-36.

ПРОКОФЬЕВА Е.В.,

кандидат физико-математических наук, доцент
кафедры криминалистической техники учебно-
научного комплекса экспертно-криминалистической
деятельности Волгоградской академии МВД России
olenyonok83@mail.ru

АГАРКОВА Т.К.,

преподаватель кафедры уголовного
процесса Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России
atk.2014@mail.ru

СЕМИНОЖЕНКО А.И.,

эксперт отделения по обслуживанию городского округа
Керчь межрайонного отдела Экспертно-криминалистического
центра МВД России по Республике Крым
semilapkina2323@yandex.ru

УДК 343.98

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ДЛЯ ОБСЛЕДОВАНИЯ ОТКРЫТЫХ УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ

Беспилотный летательный аппарат, БПЛА, квадрокоптер, дрон, технические средства, технико-криминалистические средства, осмотр места происшествия, экспертно-криминалистическое подразделение, раскрытие и расследование преступлений.

В статье рассматриваются возможности использования экспертно-криминалистическими подразделениями беспилотных летательных аппаратов для фиксации результатов следственного действия. Обращено внимание на методологические основы применения таких технических средств в процессе обследования открытых участков местности. Представлен общий порядок применения беспилотных летательных аппаратов сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений с описанием каждого этапа осмотра места происшествия.

Научно-технический прогресс оказывает значительно влияние на все сферы общественной деятельности, в том числе и на работу правоохранительных органов. За последние годы в отрасли криминалистической техники наблюдается тенденция, связанная с усовершенствованием имеющихся технических средств и внедрением новых. Создаются средства и устройства, применение которых способствует повышению эффективности работы экспертов и следователей. Успех каждого отдельного следственного действия во многом зависит от знаний и навыков сотрудников правоохранительных органов, соблюдения ими тактических рекомендаций, умения правильно и своевременно их применять, грамотной организации подготовки и производства следственных действий и осуществления технического сопровождения.

К числу специфических особенностей осмотра места происшествия, особенно на открытой местности, является внезапность его производства. Подготовка к такому мероприятию имеет большое значение. Специалист, выезжающий на осмотр, не только должен прибыть на место в максимально короткий срок с момента поступления информации о происшествии, но и быть при этом готовым к действиям в различных условиях и соответствующим образом технически оснащенным. Осмотр места происшествия нередко оказывается малоэффективным следственным действием из-за слабой технической оснащенности сотрудников органов внутренних дел. Одной из причин такого положения дел следует признать большой временной интервал между созданием того или иного нового устройства, предназначенного для повышения технического потенциала экспертно-криминалистических подразделений (далее - ЭКП), и его внедрением в их деятельность. В свою очередь, В.Ю. Стельмах недостатки, касающиеся

использования научно-технических и технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия, относит к числу причин низкого уровня раскрываемости преступлений [1, с. 18-19]. По мнению Т.В. Барсуковой, следствием слабого оснащения ЭКП новым техническим оборудованием является: проведение осмотра не в полной мере при реальной возможности обнаружения и изъятия большего количества следовой информации; неприменение технико-криминалистических средств сотрудниками ЭКП или применение их без должной квалификации; излишнее сужение границ проведения следственного действия; проведение осмотра только с одной точки (с земли); поверхностная фиксация в протоколе осмотра места происшествия обнаруженных следов [2]. Применение беспилотных летательных аппаратов (далее - БПЛА) позволило бы решить некоторые из обозначенных проблем проведения осмотра места происшествия и повысить его эффективность.

Применение БПЛА в рамках осмотра места происшествия с целью фото- и видеオフィксации обстановки имеет ряд тактических особенностей. Структура осмотра, производимого с применением БПЛА, состоит из нескольких этапов, а подготовительный этап делится на два подэтапа: подготовка до прибытия на место происшествия и подготовка на месте происшествия. При подготовке технического средства для применения на открытой местности сотрудником ЭКП должно быть проверено: соответствие качества работы программного обеспечения БПЛА требуемым эксплуатационным свойствам, необходимым в ходе осмотра; уровень заряда аккумулятора БПЛА и устройства управления им; наличие и исправность всех элементов комплектации БПЛА, а также необходимого дополнительного оборудования. Непосредственно на месте предполагаемого осмотра требуется повторно проверить исправность БПЛА и «установить связь» полетного контроллера БПЛА с устройством управления (планшетным компьютером, смартфоном), провести его калибровку. В рамках нашего исследования возможностей применения БПЛА (далее по тексту термины БПЛА, квадрокоптер и дрон используются как синонимичные) калибровка устройства осуществлялась автоматически посредством следования инструкциям в специализированном приложении.

Важным этапом работы с БПЛА является ориентация технического средства в пространстве на обследуемом участке местности, осуществляемая путем определения координат месторасположения по сигналу GPS и последующего сравнением их с данными карт. При проведении общего обзора местности устанавливаются границы осматриваемой территории и реализуются меры по сохранению попавших в поле зрения устройства следов и объектов. Перед началом работы с квадрокоптером оценивается топография местности на предмет наличия препятствий для взлета/посадки и полета устройства. Необходимо также определить, с какой площадки осуществить взлет: целесообразно выбрать ровный участок местности диаметром около двух метров с твердым покрытием. При отсутствии такой поверхности для взлета и посадки

квадрокоптера следует воспользоваться помощью другого человека: взлет может производиться с его руки либо с горизонтальной поверхности, находящейся в его руках. Только после успешного приземления устройства двигатели выключаются, что снижает вероятность повреждения лопастей.

В тех случаях, когда место происшествия расположено в населенном пункте, рекомендуется работать с квадрокоптером парой. Первый сотрудник (специалист ЭКП) должен осуществлять непосредственное управление БПЛА и контролировать полет по изображению на экране смартфона или планшетного компьютера. Задачей второго сотрудника (входящего в состав следственно-оперативной группы) является визуальный контроль перемещения квадрокоптера в воздухе. Необходимость участия нескольких человек обусловлена большим количеством препятствий для полета БПЛА в условиях населенного пункта, оператору затруднительно одновременно контролировать движение аппарата в воздухе визуально и через экран. Если же пользоваться для контроля только экраном, то весьма вероятно работа с БПЛА приведет к его крушению, так как, ориентируясь исключительно по изображению на экране, невозможно в полной мере оценить обстановку и определить все препятствия, представляющие угрозу для БПЛА. На территории, где препятствий нет, необходимость в помощнике отсутствует. Следует отметить, что при запуске квадрокоптера в черте населенного пункта требуется неукоснительно соблюдать юридические требования и ограничения, установленные законодательством в отношении полетов подобных технических средств.

В городских условиях наиболее эффективным является вертикальный взлет с отсутствием горизонтального перемещения дрона, что в значительной степени сокращает вероятность его крушения. Независимо от расположения, размеров и иных характеристик обследуемого участка местности следует поднять квадрокоптер на высоту 50-70 метров, после чего варьировать высоту в зависимости от площади территории, подлежащей осмотру [3]. Далее квадрокоптер следует опустить до такой высоты, с которой будут просматриваться отдельные объекты и следы, и осуществлять фото- и видеオフィксацию обстановки места происшествия.

В общем виде алгоритм применения беспилотного летательного аппарата при производстве осмотра на открытой местности, а также фиксации хода и результатов следственного действия представляется следующим образом: установление задач полета; изучение характеристик местности, на которой планируется работа с применением БПЛА, в том числе особенностей ландшафта, определение местонахождения искусственных и естественных препятствий; оценка погодных условий с точки зрения возможности проведения осмотра при помощи дрона; поиске, осмотр и подготовка пусковой площадки; запуск БПЛА в соответствии с инструкцией по эксплуатации устройства; после набора заданной высоты - общий осмотр местности, поиск и обнаружение объектов на местности; спуске БПЛА до высоты, необходимой для распознавания объектов по совокупности характерных

признаков; фиксирование месторасположения обнаруженного объекта и привязка его к месту обнаружения; фото- и видеофиксация осматриваемой площади и обнаруженных объектов; посадка БПЛА в соответствии с инструкцией по эксплуатации [4].

С задачами общего осмотра БПЛА справляются в полной мере, поскольку способны охватывать «полем зрения» своих камер большую площадь, при этом исключается передвижение людей по территории осмотра, что обеспечивает сохранность следов преступления. Использование беспилотного летательного аппарата предоставляет возможность применения новой «точки опоры» для фиксации - можно осмотреть и запечатлеть следы произошедшего события «сверху-вниз», что способствует формированию максимально достоверного представления о механизмах следообразования на месте происшествия. Необходимо также отметить, что современные модели квадрокоптеров с большим разрешением оптической матрицы и высоким порогом светочувствительности способны запечатлеть обстановку с высоким качеством изображения, что позволяет различать детали на фотоснимках и видеокадрах.

Важным достоинством применения квадрокоптеров при фиксации хода и результатов следственных действий является возможность направлять их для осмотра труднодоступных мест. В том числе

таких, непосредственно оказаться в которых сотрудникам правоохранительных органов может быть затруднительно (крыши, заросли кустарника, водоемы и др.). Это позволяет получать качественные изображения, которые полноценно отражают картину произошедшего события.

Как показывает практика, нередко причиной предоставления специалистом некачественных и неполных иллюстрационных материалов является осуществление осмотра места происшествия на открытой местности в неблагоприятных погодных условиях (повышенная влажность, осадки, сильный и порывистый ветер, плохая видимость и др.). В рамках нашего исследования были проанализированы и изучены с помощью экспериментальной съемки преимущества применения квадрокоптера (модель - «SYMA X 30») при повышенной влажности - более 70%, порывах ветра свыше 3 м/с, осадков в виде дождя, снега и града. На момент проведения экспериментальной съемки (иллюстрация 1): ветер - 8-11 м/с, влажность воздуха - 75%.

Достоинства применения БПЛА в сложных погодных условиях очевидны: управление квадрокоптером может производиться из закрытого помещения, программное обеспечение предоставляет специалисту возможность детально и полно изучить исследуемый участок на дисплее смартфона или планшета, а также осуществить фиксацию с

Иллюстрация 1. Изображения, полученные с помощью квадрокоптера «SYMA X 30» с высоты 30 метров (слева) и с высоты 30 метров с детальным изображением поверхности земли в правом верхнем углу, полученное с помощью дополнительной камеры, расположенной снизу корпуса квадрокоптера (справа).

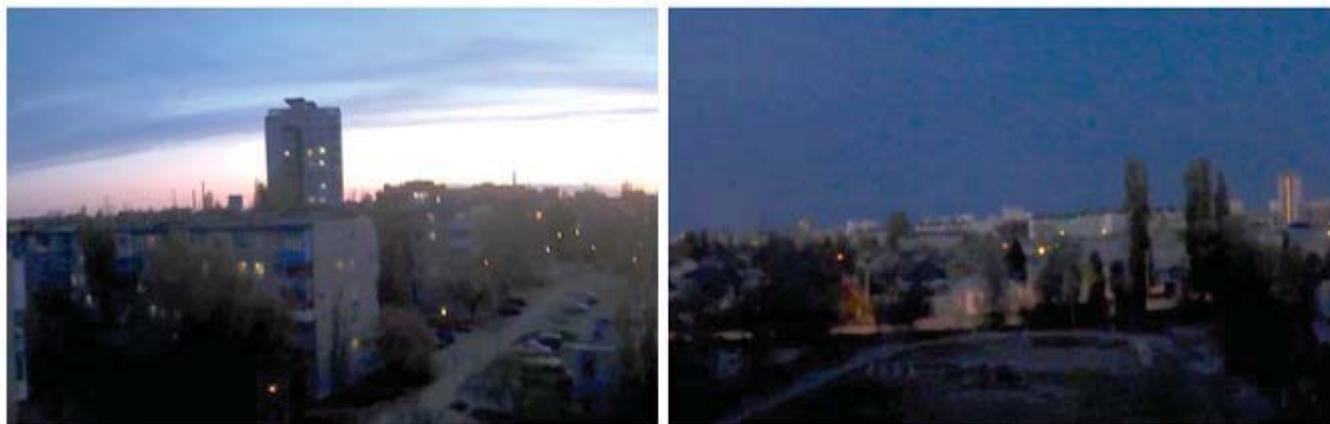

Иллюстрация 2. Изображения, полученные с помощью квадрокоптера «SYMA X 30» в темное время суток с высоты 40 метров (слева) и с высоты 60 метров (справа).

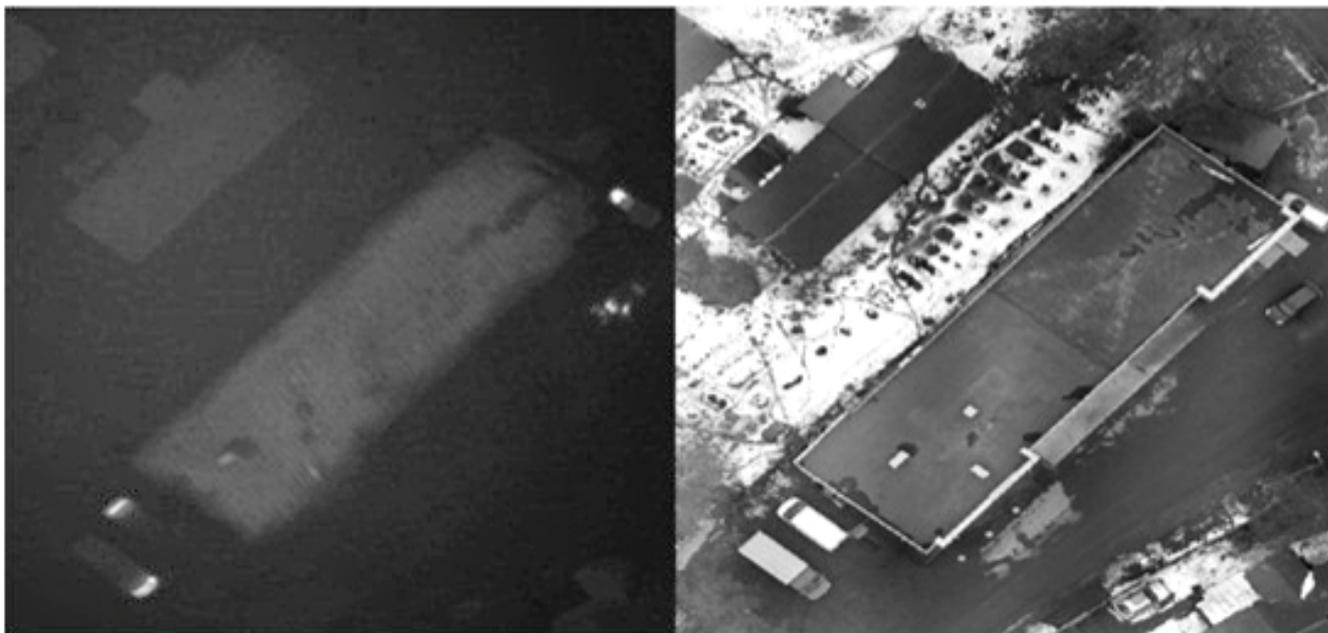

Иллюстрация 3. Изображения, полученные с помощью квадрокоптера «SYMA X 30» в обычном режиме (слева) и с применением тепловизора (справа) (высота 100 метров).

Иллюстрация 4. Изображения, полученные с помощью квадрокоптера «SYMA X 30» с высоты 25 метров над искусственным водоемом (слева) и при спуске к искусственному водоему с высоты 7 метров (справа).

Иллюстрация 5. Изображения, полученные с помощью квадрокоптера «SYMA X 30» при наводнении (г. Керчь, 2021 г.) с высоты 55 м (слева) и с высоты 25 м (справа).

помощью фото- или видеозаписи в автоматическом режиме. Время разворачивания и настройки квадрокоптера - всего несколько минут. Некоторые модели, имеющие складной механизм лопастей, могут помещаться в криминалистический чемо-

дан. Влагозащита устройства позволяет выполнять осмотр места происшествия даже в условиях осадков, а эффективное охлаждение и аккумуляторы с функцией обогрева обеспечивают использование аппарата в диапазоне эксплуатационных темпе-

ратур от -20 до $+50$ градусов Цельсия. С применением БПЛА возможно достаточно быстро осуществить полноценный осмотр места происшествия на открытой местности, что позволяет зафиксировать следы, которые могут быть изменены или уничтожены вследствие повышенной влажности и выпадения осадков (объемные следы протектора шины, следы подошвенной части обуви и т.д.). Общие рекомендации по применению БПЛА в неблагоприятных погодных условиях: запуск с ровной площадки и подъем устройства на максимальную высоту; движение квадрокоптера по условным границам места происшествия в воздушном пространстве; фото- и видеofиксация общего плана места происшествия (обзорная съемка); снижение до необходимой высоты для узлового и детального осмотра, фото- и (или) видеосъемки и фиксации координат обнаруженных объектов; возвращение квадрокоптера к месту взлета либо к месту дислокации следственно-оперативной группы.

Осмотреть обширный участок местности в вечернее или ночное время суток, в условиях плохой видимости с земли достаточно трудно. Применение БПЛА позволяет в короткие сроки и с различной высоты зафиксировать обстановку места происшествия, осуществить детальную фото- и видеосъемку (иллюстрация 2). Кроме того, на квадрокоптер можно установить яркий прожектор или тепловизор, время монтажа дополнительного оборудования не превышает одной минуты (иллюстрация 3).

Нередко место происшествия располагается так, что осуществить его осмотр весьма затруднительно ввиду невозможности подхода к нему без уничтожения или видоизменения следов или из-за отсутствия специальной техники для безопасного подхода или подъезда к нему. В таких случаях применение БПЛА является крайне необходимым. Место положения оператора (специалиста, управляющего квадрокоптером) может быть значительно удалено (в зависимости от технических характеристик конкретной модели используемого аппарата) от исследуемого участка. В рамках экспериментальной съемки нами были исследованы возможности применения квадрокоптера «SYMA X 30» в труднодоступных местах (иллюстрация 4). В данном случае можно с помощью квадрокоптера осмотреть участок места происшествия с разных сторон, обнаружить и зафиксировать необходимые следы, а также, что немаловажно, определить, с какой стороны и в каком направлении имеется доступ следственно-оперативной группы к месту происшествия в целях сохранения всего комплекса следов, относящихся к происшествию. Целесообразно выстраивать маршрут передвижения квадрокоптера вдоль следов вероятного перемещения преступника - для обнаружения других следов, орудий преступления и т.д. При осмотре следует обращать особое внимание на повреждения почвы и рукотворные изменения ее рельефа.

Осмотр места происшествия в труднодоступных местах может быть связан как и с особенностями рельефа местности, так и с последствиями стихийных бедствий и катастроф техногенного характера. Преимуществами применения квадрокоптера в таких ситуациях являются сокращение времени, необходимого для проведения осмотра, сохранность визуализации всех следов, безопасность членов следственно-оперативной группы (иллюстрация 5).

Очень важно, что применение квадрокоптера в ходе осмотра позволяет успешно разрешить проблему привязки места происшествия к неподвижным объектам, окружающим его. Такая необходимость часто возникает при расследовании преступлений, совершенных на открытой местности, а также при осмотре объектов, удаленных от населенных пунктов или же расположенных на территории города, но имеющих большие площади (парковые зоны, территории заводов, складских ком-

PROKOFIEVA E.V.,
PhD in Physical and
Mathematical Sciences,
Docent of the Department
of Criminalistic Techniques
of the Educational and
Scientific Complex of Forensic
Expertise of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

AGARKOVA T.K.,
Lecturer of the Department
of Criminal Procedure of
the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

SEMINOZHENKO A.I.,
Expert of the Service
Department of the Kerch City
District of the Interdistrict
Department of the Forensic
Expert Center of the Ministry
of the Interior of Russia for
the Republic of Crimea

METHODOLOGICAL BASES FOR THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES FOR SURVEYING OPEN AREAS

**Unmanned aerial vehicle,
quadcopter, drone, technical
means, technical and forensic
means, inspection of the scene,
forensic unit, detection and
investigation of crimes.**

The article discusses the possibilities of using unmanned aerial vehicles by forensic units to record the results of an investigative action. Attention is drawn to the methodological foundations for the use of such technical means in the process of surveying open areas. The general procedure for the use of unmanned aerial vehicles by employees of forensic divisions is presented with a description of each stage of the inspection of the scene.

плексов и т.д.). Измерение расстояний лазерными дальномерами в данных ситуациях нецелесообразно [5]. Благодаря способности БПЛА достигать больших высот появляется возможность сделать обзорные снимки местности, наглядно осуществить привязку либо ориентировку относительно каких-либо объектов. Программное обеспечение квадрокоптера «СУМА X 30», установленное на мобильном телефоне или планшете, позволяет определять данные об удаленности аппарата от пульта управления и точные координаты самого БПЛА, что помогает измерить расстояние до объекта (аналогичные функции имеются и у многих других моделей квадрокоптеров). Кроме того, по получен-

ным снимкам можно составить точный план места происшествия или же полностью его заменить снимком, сделанным с высоты перпендикулярно поверхности земли [6].

Совершенствование методик фото- и видеофиксации с помощью БПЛА при проведении осмотра места происшествия является перспективным направлением развития криминалистической науки и практики. Использование таких аппаратов позволяет получать наиболее полную, объективную информацию о расположении и взаиморасположении следов в широком криминалистическом понимании, что необходимо для эффективного раскрытия и расследования преступлений. ■

Библиографический список:

1. Стельмах В.Ю. Техничко-специальные следственные действия: Монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
2. Барсукова Т.В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 12 с.
3. Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Ульянова И.Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики // Юристы-Правоведь. 2021. № 3 (98). С. 162-165.
4. Байгутлина И.А. Подготовка инструкций по эксплуатации БПЛА // Шайтура С.В., Шайтура Н.С., Байгутлина И.А., Замятин П.А. Практические аспекты применения современных беспилотных летательных аппаратов: Монография. Бургас, 2022. С. 229-249.
5. Дронова О.Б., Прокофьева Е.В., Агаркова Т.К. Современные возможности применения беспилотных летательных аппаратов для обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (62). С. 91-96.
6. Севастьянов П.В. Развитие технико-криминалистических методов и средств преодоления противодействия расследованию преступлений // Судебная экспертиза. 2022. № 2 (70). С. 8-15.

БУЛГАКОВА Л.С.,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации
bluiza@mail.ru

УДК 349.6

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

**Окружающая среда,
нормативный правовой
акт, административно-
правовое регулирование,
природопользование,
охрана окружающей среды.**

Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды является необходимым инструментом функционирования Российского государства в современных условиях. В статье автор рассматривает некоторые имеющиеся в действующем законодательстве пробелы, предлагает рекомендации по совершенствованию механизма нормативно-правового регулирования охраны окружающей среды и экологической безопасности. Делается вывод о том, что в правоотношениях в области охраны окружающей среды проявляются тенденция к единообразию защитных, публично-правовых мер и дифференциации стимулирующих, частноправовых мер, но при этом приоритетными остаются административно-правовые меры.

Публично-правовой характер правоотношений в области экологии, актуализация в последние годы экологических, а в значительной степени и климатических проблем, осознание их глобального, международного значения - эти и некоторые другие факторы определяют сегодня основные направления государственной политики России в сфере охраны окружающей среды. Важным и действенным способом ее охраны представляется административно-правовое регулирование отношений в указанной сфере, основы которого закреплены нормами Конституции Российской Федерации.

Эти нормы носят универсальный характер и имеют принципиальное значение, обусловленное тем, что экологические права и обязанности граждан защищены законом, имеющим наивысшую силу в государстве. Вместе с тем необходимо обратить внимание на мнение К.Х. Ибрагимова, который считает, что данные нормы в силу их разбросанности по второй главе Конституции не отражают стройности и единства целей и задач обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду, свидетельствуют об отсутствии целенаправленной, логически выверенной эколого-правовой и экологоорганизационной идеологии государства [1]. Разделяя эту точку зрения, считаем, что к вышеназванным нормам необходимо добавить еще и те, которые находятся в многочисленных законах и правовых актах управления.

Статья 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее - Закон) предусматривает, что объектами охраны окружающей среды от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности являются компоненты природной среды, природные объекты и природные комплексы. Как ни парадоксально, но в этом перечне отсутствуют собственно человек и его экологические права. Поэтому, как нам представляется, целесообразно внести изменения в действующее законодательство, расширив перечень объектов охраны окружающей среды.

В соответствии с п.п. «д» и «к» ст. 72 Конституции природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории, а также законодательство об охране окружающей среды находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Новеллой является нормативное закрепление положений о том, что теперь и законодательство об охране окружающей среды находится в таком совместном ведении.

К названным нормам следует добавить еще и те, которые были включены в Конституцию в 2020 году по результатам общероссийского голосования. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 114 Правитель-

ство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды (п. «в»); создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры (п. «е.6»). Таким образом, Конституция устанавливает не только право, но и обязанность субъектов Российской Федерации регулировать экологические отношения на уровне субъекта. Безусловно, тем самым ставится точка в дискуссиях о возможностях субъектов Российской Федерации самостоятельно регулировать отношения в области экологии и о том, какими нормативными правовыми актами это должно осуществляться.

Отметим, что в настоящее время не только Конституция устанавливает принципы разграничения полномочий между органами публичной власти Российской Федерации и ее субъектами. Следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» субъекты федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения только лишь до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего федерального закона законы субъектов Российской Федерации должны быть приведены в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев после дня его официального опубликования. Таким образом, нормы Закона должны соответствовать требованиям Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», что значительно расширяет потенциал и возможности экологического законодательства.

Большое значение при этом имеют способы административно-правового регулирования отношений в области экологии, а также методы правового регулирования - дозволения, предписания и запреты. В Конституции Российской Федерации акцент сделан на дозволениях и запретах: каждый не только имеет право на благоприятную окружающую среду (ст. 42), но и обязан сохранять ее, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58) [2]. Порядок реализации данных норм установлен многочисленными федеральными законами. Согласно ст. 114 Конституции Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды (п. «в»), осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным (п. «е.5»).

Важными характеристиками правоотношений в области охраны окружающей среды являются их межотраслевой характер, некодифицированность,

сочетание частно-правовых и публично-правовых элементов. Политико-правовые документы утверждают основы государственной политики, различные государственные программы, концепции, доктрины. Не вступая в дискуссию по поводу правильности названий таких документов¹ (это не является предметом нашего исследования), перечислим и проанализируем их с точки зрения системности, синхронизации по целям, задачам, а также оценим их организационно-управленческий потенциал. При этом ограничимся лишь актами федерального уровня, наиболее важными и актуальными из них. Основы государственной политики Российской Федерации приняты в области использования минерального сырья и недропользования, использования земельного фонда, экологического развития, в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов и др. В Российской Федерации в изучаемой нами сфере реализуются различные стратегии, такие как, например, Стратегия развития лесного комплекса, Водная стратегия, Стратегия экологической безопасности, комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами и др. Обратим внимание также на некоторые важные и актуальные концепции федерального значения: развития системы особо охраняемых природных территорий, развития лесного комплекса и др. В области охраны окружающей среды утверждены две доктрины Российской Федерации: экологическая и климатическая. Среди многочисленных государственных программ в сфере охраны окружающей среды выделим программу «Воспроизводство и использование природных ресурсов», поскольку она включает в себя важные подпрограммы и в связи с тем, что в декабре 2021 года в нее были внесены существенные изменения, направленные на совершенствование государственного управления природными ресурсами.

Позиционируя данные акты в качестве основ государственной политики, законодатель поставил себя в неловкое положение: в подобном акте должны быть сформулированы основные принципы регулирования общественных отношений в той или иной сфере, первичные нормы, которые будут в дальнейшем развивать положения указанных актов и иметь уже прямое действие. Перечисленные же выше основополагающие акты не устанавливают суть политики, во всех речь идет только об основах законодательства в области экологического развития, использования земельного фонда, минерального сырья и недропользования, использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов. С одной стороны, судя по названиям данных актов, законодатель проявляет желание создать, сформулировать основные принципы, нормы, положения, но с другой стороны, пытается это сделать применительно лишь к определенной области отношений. Очевидно, что имеет место не просто противоречие между названиями документов и их содержанием. Важнее то, что, акцентируя внимание на тех или иных конкретных отношениях, законодатель упускает другие, не менее важные. Так,

¹ См., например: Старостин С.А. О подмене понятий в государственном управлении // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 76-96.

например, устанавливаемые им основы касаются лишь земли, лесов, недр, минерального сырья, а атмосфера (воздух) и вода ими не затронуты.

Важно обратить внимание и на то, что среди перечисленных актов особое место занимают основы государственной политики в области экологического развития². Кажется бы, именно этот акт смог бы учесть все требования, предъявляемые к документам такого рода, и стать единым для всей совокупности правоотношений, связанных с компонентами природной среды, природными, природно-антропогенными и антропогенными объектами. Однако так не произошло: в первой статье лишь перечислены глобальные экологические проблемы, связанные с изменением климата, потерей биологического разнообразия, опустыниванием и другими негативными для окружающей среды процессами, возрастанием экологического ущерба от стихийных бедствий и техногенных катастроф, загрязнением атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, а также морской среды. Но это ведь не предмет регулирования.

Таким образом, основы государственной политики в области экологического развития не могут считаться базовым, системообразующим актом. Речь в них идет о различных компонентах природной среды, принципах, задачах, механизмах реализации государственной политики в области экологического развития. Выход из такого положения видится в формировании системы государственной политики: необходим основной, системный, родовый документ, видовыми же должны стать те, которые будут регулировать конкретные отношения в области всех без исключения компонентов окружающей среды.

Кроме того, следует подчеркнуть, что до настоящего времени не сложилось единого представления о содержании понятий окружающей среды и составляющих ее компонентов. В Законе, содержащем значительное количество определений, нет ясности по поводу главного вопроса - о том, что является объектом охраны. В соответствии с положениями Закона окружающая среда представляет собой совокупность компонентов природной среды (природы), а также природных, природно-антропогенных объектов и антропогенных объектов. Не понятно, на каком основании и с какой целью законодатель включил в понятие «окружающая среда» антропогенные объекты. Поэтому считаем целесообразным предложение внести изменения в Закон, заменив в нем понятие «окружающая среда» понятием «окружающая природная среда», включающим в себя указание только на природную среду, то есть природу как таковую [3, с. 42]. Это предложение в полной мере соответствует давно сложившимся позициям ученых-экологов по поводу предмета законодательства об охране окружающей природной среды и экологического права, в основе которых лежит разграничение понятий «природа» и «общество» [4, с. 29].

Возвращаясь к основам государственной политики, отметим отсутствие единого подхода к их утверждению. Часть утверждена распоряжениями Правительства Российской Федерации, другие - указами Президента Российской Федерации. По нашему мнению, основы государственной политики в области охраны окружающей среды должны быть утверждены постановлением Правительства Российской Федерации, а видовые основы государственной политики - приказами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, исполняющих функции в данных областях общественных отношений.

В связи с вышеизложенным отметим важные качественные характеристики административно-правового регулирования охраны окружающей среды. По нашему мнению, оно претерпевает изменения в направлении дифференциации нормативных актов, которая выражается в развитии обособления регулирования зако-

¹ «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» (утверждены Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.).

BULGAKOVA L.S.,
Senior Lecturer of the
Department of State and
Legal Disciplines of the
Saint-Petersburg Law Institute
(Branch) of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

**Environment, regulatory legal
act, administrative and legal
regulation, nature management,
environmental protection.**

Administrative and legal regulation of environmental protection is a necessary tool for the functioning of the Russian state in modern conditions. In the article, the author considers some of the gaps in the current legislation, offers recommendations for improving the mechanism of legal regulation of environmental protection and environmental safety. It is concluded that in legal relations in the field of environmental protection, there is a tendency towards uniformity of protective, public law measures and differentiation of stimulating, private law measures, but administrative and legal measures remain a priority.

нодательства, касающегося отдельных компонентов природной среды: земли, недр, почвы, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, растительного и животного мира.

Действительно, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», в отличие от ранее существовавших аналогичных ему законов, установил единые правовые основы охраны окружающей среды. В нем предусмотрена не только возможность принятия иных федеральных законов, законов субъектов федерации в области охраны окружающей среды, но и возможность осуществления подзаконного регламентирования в этой сфере. Необходимость данной меры обусловлена наличием широкого круга объектов охраны и их спецификой. На сегодняшний день львиная доля положений, касающихся охраны окружающей среды, содержит-

ся в специальных законах, и дифференциация административно-правового регулирования охраны окружающей среды, которая должна отражаться в действующем законодательстве, необходима в силу многообразия условий развития указанных объектов и различий их законодательного статуса.

Подводя итог, сделаем вывод о том, что в правоотношениях в области охраны окружающей среды проявляется тенденция к единообразию защитных, публично-правовых мер и дифференциации стимулирующих, частноправовых мер, но при этом приоритетными все равно остаются административно-правовые меры. Вместе с тем отметим, что в законодательстве в области охраны окружающей среды отсутствует единство в понятиях, а также имеются существенные пробелы, которые приводят к ненадлежащему толкованию закона. ■

Библиографический список:

1. Ибрагимов К.Х. Конституционные основы окружающей среды в государствах Европы применительно к условиям России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 43-48.
2. Бажайкин А.Л. Влияние конституционных основ на систематизацию норм и принципов экологического законодательства // Экологическое право. 2013. № 6. С. 3-8.
3. Бринчук М.М. Экологическое и земельное право. М., 2009.
4. Крассов О.И. Экологическое право. М., 2008.

ВЕКЛЕНКО С.В.,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы Российской
Федерации, начальник Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
veklenkov@mail.ru

СТЕПАНОВ М.М.,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации
stepanovtao@mail.ru

УДК 343.8

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, место лишения свободы, место заключения, тюрьма, заключенный, Советская Россия, советская власть, Гражданская война.

В статье рассматриваются некоторые проблемы отечественной уголовно-исполнительной системы, а также способы их решения. Отмечается, что аналогичные вызовы стояли перед советской пенитенциарной системой в первые годы ее существования. Делается вывод о том, что в результате трансформации уголовно-исполнительной политики в политику исправительно-трудовую в Советском государстве даже в условиях Гражданской войны удалось в значительной мере снизить остроту проблем, стоявших перед уголовно-исполнительной системой.

В декабре 2022 г. исполнилось 105 лет с момента создания первого государственного органа, возглавившего советскую пенитенциарную систему, - Тюремного управления Народного комиссариата юстиции РСФСР (25 декабря 1917 г.). За более чем век в нашей стране изменилось очень многое. Российская республика в 1922 г. вошла в состав СССР, а затем в 1990 г. заявила о своем суверенитете и вновь стала самостоятельным государством. Наша страна пережила две чудовищные войны - Гражданскую и Великую Отечественную. Социалистический строй, о полной и окончательной победе которого в СССР было заявлено на XXI съезде КПСС в 1959 г., сменился новым строем, экономической основой которого составляет частная собственность.

Все эти события не могли не отразиться на уголовно-исполнительной политике, проводимой в России, и системе пенитенциарных учреждений, ее осуществляющих. До настоящего времени отечественная система исполнения наказаний не избавилась от рудиментов, доставшихся ей в наследство от советского и постперестроечного периода ее строительства. В связи с этим в процессе совершенствования пенитенциарной системы России представляется актуальным использование отечественного исторического опыта.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года¹ отмечается, что перед пенитенциарной системой стоит ряд вызовов. В их числе: модернизация инфраструктуры, которая позволит создать достойные условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы; совершенствование производственной деятельности для обеспечения необходимого уровня занятости осужденных; развитие сети исправительных центров, обеспечивающих исполнение наказаний в виде принудительных работ; необходимость адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к жизни в гражданском обществе.

В качестве ответа на данные вызовы Концепцией предлагаются следующие основные направления развития российской уго-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

ловно-исполнительной системы: совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации; развитие сети исправительных центров; совершенствование производственно-хозяйственной деятельности; создание и развитие системы пробации.

Гуманизация уголовно-исполнительной политики предполагает прежде всего улучшение условий содержания лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также создание условий для успешной адаптации осужденных в обществе после их освобождения.

Развитие сети исправительных центров предусматривает участие бизнес-сообщества в трудоустройстве соответствующей категории осужденных, а также их привлечение к работам по очистке Арктической зоны России от загрязнений. Согласно Концепции возможно значительное уменьшение количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, за счет их перевода в исправительные центры для исполнения наказания в виде принудительных работ. Для этого требуется существенное увеличение количества этих центров с возможностью кратного увеличения содержащихся там осужденных.

В целях совершенствования производственно-хозяйственной деятельности, а также повышения уровня занятости осужденных необходимо создать условия для их привлечения к оплачиваемому труду и развития производства; обеспечить заказами на производство продукции, выполнение работ, оказание услуг; развивать материально-техническую базу учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы. На 1 января 2021 г. были трудоустроены только 40% из 128 тысяч осужденных, которые могли быть привлечены к труду. К 2024 г. планируется трудоустроить до 55%, а к 2030 г. - до 85% трудоспособных осужденных.

Создание и развитие системы пробации необходимо в связи с тем, что отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей, потерю навыков жизни в обществе, что может привести к совершению повторных преступлений. В связи с этим необходимо создать эффективную систему ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Результатом создания системы пробации должно стать снижение к 2030 г. количества лиц, находящихся в местах лишения свободы, в том числе за счет сокращения рецидивов преступлений.

Следует отметить, что содержание действовавшей ранее (принятой в 2010 г.) Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года¹ имело много общего с содержанием Концепции 2021 г. Одной из ее целей являлась гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы. В качестве направ-

лений совершенствования уголовно-исполнительной системы были названы, в частности, трудовая деятельность осужденных и проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденного к освобождению и последующей адаптации в обществе. Схожие положения в различных вариациях можно найти и в содержании Федеральной целевой программы «Реформирование Уголовно-исполнительной системы на 2002-2006 годы»² и в других программных документах, посвященных развитию пенитенциарной системы России. Однако, несмотря на то, что реформирование системы исполнения наказания в нашей стране широко обсуждается еще со времен Перестройки в СССР, до достижения заявленных целей еще очень далеко.

Вызовы, аналогичные перечисленным в Концепции 2021 г., стояли и перед советской пенитенциарной системой в первые годы ее существования [7]. Советская пенитенциарная система была создана на основе уголовно-исполнительной системы Временного правительства, в основе которой, в свою очередь, находилась пенитенциарная система царской России. Реформы в области исполнения уголовного наказания, проведенные Временным правительством, были направлены на ее «демократизацию», которая заключалась в изменении системы управления тюремной системой, смягчении режима содержания заключенных, введении элементов самоуправления в местах лишения свободы и др. Итогом реформирования стало фактическое разрушение системы исполнения уголовного наказания, в течение долгого времени создававшейся в дореволюционной России.

Советская власть, установившаяся на территории России в конце 1917 - начале 1918 гг., стала осуществлять государственную функцию по исполнению уголовного наказания. Для этого в структуре Народного комиссариата юстиции РСФСР 25 декабря 1917 г. было создано Тюремное управление, в январе 1918 г. преобразованное в Тюремную коллегия. Ее членами являлись представители различных советских наркоматов, что позволяет говорить о межведомственном характере ее деятельности [1]. В последующем Тюремная коллегия была реорганизована в Карательный отдел (Центральный карательный отдел) Народного комиссариата юстиции РСФСР.

В наследство от Временного правительства советской пенитенциарной системе достались разрушенные места лишения свободы, неработающие тюремные мастерские, отсутствие управляемости на местах, порядка и соблюдения режима содержания заключенных в уголовно-исполнительных учреждениях. В этих условиях пришлось закрыть часть тюрем, находящихся в аварийном состоянии, а также мелких тюрем, где заключенных было явно недостаточно для их содержания [5, с. 28, 56, 80-85].

В основе уголовно-исполнительной политики Советского государства лежали принципы, сфор-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 29.08.2001 № 636 «О Федеральной целевой программе «Реформирование Уголовно-исполнительной системы на 2002-2006 годы»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 38. Ст. 3743.

мулированные В.И. Лениным. Основными из них стали: возможность исправления лиц, совершивших преступления; соединение исполнения наказания с исправительно-трудовым воздействием на осужденных; развитие советской исправительно-трудовой системы в направлении перехода от тюрем к воспитательным учреждениям; участие общественности в деятельности исправительно-трудовых учреждений; социалистический гуманизм при исполнении наказаний [6].

В принятой в марте 1919 г. на VIII съезде партии Программе РКП(б) по этому поводу говорилось: «В области наказания ... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями» [2, с. 81].

По мнению Е.Г. Ширвиндта и Б.С. Утевского, исходя из учения В.И. Ленина и указаний Программы партии, прежнее безразличное отношение к тому, что заключенный делает в тюрьме и что с ним будет по выходе из тюрьмы, надо было заменить иным, более разумным, более целесообразным и человечным отношением, имеющим целью перевоспитать преступника, сделать его активным участником строительства социалистического общества [8, с. 51].

Как видим, главным направлением развития советской пенитенциарной системы стала ее гуманизация, которая предусматривала кардинальное изменение отношения к осужденным в сторону улучшения условий их содержания (предполагалось, что подавляющая их часть будет находиться не в тюрьмах, а в воспитательных учреждениях); возможность исправления осужденных посредством привлечения их к труду, что должно было способствовать их адаптации в обществе после освобождения.

В то время господствовало представление о преступниках как о жертвах социальной среды, в которой они находились. Поэтому отношение к ним в местах заключения должно было быть таким же, как к больным, которым необходимо лечение. Основными средствами «лечения» преступников должны были стать «производительный труд, обучение, воспитание в духе устранения индивидуалистических навыков, применение различных методов, сообразно психической индивидуальности отдельных лиц» [3; 7].

Труд являлся не только средством воспитания осужденных, но и способом их адаптации к жизни после отбытия срока наказания. В организуемых при местах заключения мастерских (слесарных, кузнечных, столярных, сапожных и т. д.) и в сельскохозяйственных колониях заключенные получали профессиональные навыки, которые были востребованы обществом. Поэтому одной из важнейших задач, стоявших перед советской пенитенциарной системой, стало восстановление старых и создание новых тюремных мастерских, имеющих надлежащее оборудование, инструменты, материалы и опытных инструкторов. При этом техническое оборудование мастерских должно было соответствовать хотя бы среднему уровню соответствующих мастерских, работавших в стране. Это требование было связано с тем, что выйдя на свободу, заключенный попадал в обстановку, требующую квалифицированных рабочих. Цель трудового воспитания в местах лишения свободы заключалась в том, чтобы отбывший наказание «мог найти применение приобретенных знаний без излишних затруднений. Из тюрем люди должны выходить в жизнь вооруженными знаниями; иначе их опять утянет на дно неприспособленность к нормальным способам существования» [4, с. 9-12].

Трансформация пенитенциарной политики Советского государства в политику исправительно-трудовую произошла на рубеже 1917-1918 гг. В связи с этим обычные тюрьмы должны были быть заменены на трудовые сельскохозяйственные колонии, которые начали создаваться в годы Гражданской войны. В 1918 г. было организовано 2 таких колонии, в 1919 г. - 8, а к сентябрю 1920 г.

VEKLENKO S.V.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of the Higher
School of the Russian Federation,
Head of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

STEPANOV M.M.,
PhD in Juridical Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher of the Department
of Theory of Law and
Interdisciplinary Studies of
Legislation of the Institute of
Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL EXPERIENCE

**Penitentiary policy, penitentiary
system, penitentiary system,
place of deprivation of liberty,
place of confinement, prison,
prisoner, Soviet Russia, Soviet
power, Civil War.**

*The article deals with some
problems of the domestic
penitentiary system, as well as
ways to solve them. It is noted
that similar challenges faced the
Soviet penitentiary system in the
early years of its existence. It is
concluded that as a result of the
transformation of the penitentiary
policy into a corrective labor policy
in the Soviet state, even in the
conditions of the Civil War, it
was possible to significantly
reduce the severity of the problems
facing the penitentiary system.*

их было уже 15 и до конца года планировалось открыть еще несколько [5, с. 36].

Следует отметить, что труд заключенных широко использовался не только в специализированных, но и в общих местах заключения. Например, по данным, поступавшим с мест в Центральный карательный отдел, в январе-апреле 1920 г. работами (за исключением хозяйственных бесплатных работ) было занято почти 45% заключенных, в мае этот показатель увеличился до почти 52%. При тюрьмах восстанавливались (создавались) мастерские, организовывалось кустарное производство, труд заключенных получил широкое применение

за стенами мест лишения свободы. Кроме того, при пенитенциарных учреждениях создавались сельскохозяйственные фермы и огороды [5, с. 56-63].

Подводя итог, отметим, что вызовы, с которыми сталкивается в настоящее время уголовно-исполнительная система России, имеют много общего с теми проблемами, которые возникли при создании советской пенитенциарной системы. В Советском государстве даже в условиях Гражданской войны удалось в значительной мере снизить их остроту. Несомненно, опыт строительства советской системы исполнения уголовных наказаний может быть востребован и в настоящее время. ■

Библиографический список:

1. Илюхина В.А. Первые нормативные правовые акты Советской России в пенитенциарной сфере: общая характеристика и значение // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1 (19). С. 169-183.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 2. 1917-1922. М., 1983. 606 с.
3. Саврасов Л. К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. 1919. № 2-4. С. 74-82.
4. Сборник действующих циркуляров Центрального Карательного Отдела НКЮ за 1917-1920 гг.: С приложением предметного указателя. М., 1921. 190 с.
5. Сборник материалов Центрального карательного отдела. № 1. М., 1920. 146 с.
6. Сперанский И.А. В.И. Ленин о принципах советской исправительно-трудовой политики // Правоведение. 1967. № 2. С. 35-40.
7. Степанов М.М. Строительство пенитенциарной системы в Российской Федерации и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике: сравнительный анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 6-9.
8. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1957. 244 с.

ЗАЙЦЕВ А.А.,

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета
aaz39@rambler.ru

ЛАПИН Д.А.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
lapdim84@gmail.com

УДК 796.062.4+351.758

О МЕРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Массовый спорт, спортивное мероприятие, меры безопасности, типовая ситуация, физический вред, материальный вред, моральный вред, минимальные требования к безопасности, алгоритм действий, ответственное лицо, методические рекомендации.

В статье рассматриваются вопросы организация и реализации мер обеспечения безопасности при проведении массовых мероприятий в первичных коллективах физической культуры. Проводится сравнительный анализ положений о проводимых соревнованиях различных уровней, имеющих раздел, регламентирующий меры обеспечения безопасности участников и зрителей. Определены типовые ситуации, связанные с возможным причинением физического, материального, морального вреда субъектам мероприятия и проводящей его организации. Предложены методические рекомендации по обеспечению безопасности при проведении спортивных мероприятий.

Современный период развития общества характеризуется многочисленными рисками и угрозами совершения противоправных действий во время проведения массовых мероприятий в первичных коллективах физической культуры, в том числе в школьных и студенческих спортивных клубах, клубах корпоративного спорта и т.п. Годовой календарь мероприятий и соревнований в таких организациях достаточно широк, иногда он включает в себя более сотни позиций. Контент-анализ положений о соревнованиях, организуемых в коллективах физической культуры, показал, что зачастую в них нет раздела, касающегося обеспечения мер безопасности, а имеющиеся обобщенные формулировки не описывают алгоритмы действий в ситуациях, в которых может быть причинен физический, материальный, моральный вред личности, а также нанесен ущерб проводящей соревнования организации.

В связи с этим целью нашего исследования стала разработка рекомендаций по обеспечению безопасности всех субъектов спортивного мероприятия. В качестве методов исследования использовались контент-анализ нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность по обеспечению безопасности физкультурных мероприятий, наблюдение за проведением таких мероприятий в образовательных организациях, на соревнованиях муниципального и регионального уровней по различным видам спорта, а также проводимых коммерческими организациями.

В таблице 1 приведены результаты контент-анализа документов, регламентирующих проведение физкультурно-спортивных мероприятий различного уровня. Основное внимание при анализе было обращено на разделы, положения, касающиеся обеспечения безопасности в ходе проведения этих мероприятий. На региональном уровне были проанализированы следующие документы:

- Положение о проведении Спартакиады муниципальных образований Калининградской области (адаптивный спорт);
- Положение о проведении чемпионата и первенства Калининградской области по смешанному боевому единоборству (ММА) памяти капитана спецназа ФСБ Виктора Прокофьева;
- Положение о фестивале чемпионов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (Игры ГТО) среди всех категорий населения;

Таблица 1.

Наличие разделов, касающихся мер безопасности, в положениях о соревнованиях различного уровня

Разделы либо формулировки, касающиеся обеспечения безопасности, имеющиеся в положениях о соревнованиях	Региональные физкультурно-спортивные мероприятия	Физкультурно-спортивные мероприятия образовательных организаций		Коммерческие физкультурно-спортивные мероприятия
		вузы	школы	
Соответствие требованиям антитеррористической безопасности	+	—	—	—
Техническая готовность спортивного сооружения	—	—	—	+
Соответствие требованиям актов, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности участников и зрителей	+	—	—	—
Взаимодействие с государственными структурами (МВД, Роспотребнадзор, УФМС)	+	—	—	—
Ответственные за оказание первой медицинской помощи лица; лица, привлекаемые к оказанию первой помощи	+	+	+	+
Проверка личности, досмотровые мероприятия, алгоритмы действий ответственных лиц, перечень лиц, отвечающих за безопасность (наличие приложений с планами, инструкциями либо инструктажами)	—	—	—	—

- Положение о проведении в 2023 году физкультурно-спортивного мероприятия «Спартакиада муниципальных образований Калининградской области»;

- Положение о проведении первенства «Студенческой Гребной Лиги» по гребному спорту (гребля-индор), 2 этап;

- Положение о проведении XI традиционного детско-юношеского турнира по регби «Балтийский шторм»¹.

На уровне образовательных организаций проведен контент-анализ положений о спартакиадах Калининградского государственного технического университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта, о соревнованиях по различным видам спорта, проводимым в школах Калинингра-

да. Коммерческие мероприятия спортивной направленности представлены в нашем исследовании Положением о проведении в 2023 году первенства Калининграда по мини-футболу «Балтийская лига».

Организация работы по обеспечению безопасности при проведении мероприятий в массовом спорте на международном, российском и региональном уровнях строго регламентирована нормативными правовыми актами и реализуется в соответствии с утвержденным критериям и правилам².

Однако результаты анализа положений, регламентирующих проведение спортивных мероприятий других уровней (таблица 1), предполагающих наличие большого количества участников и зрителей, показывает, что в них разделов, касающихся

¹ Информация с сайта Министерства спорта Калининградской области // URL: <https://sport.gov39.ru/sport/polozeniya-o-sportivnykh-meropriyatiyakh/>.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2014 № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований»; Постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2015 № 202 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности

ZAITSSEV A.A.,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of
Physical Education of the
Kaliningrad Technical University

LAPIN D.A.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of Special-Tactical, Firing
and Physical Training of the
Kaliningrad Branch of the Saint-
Petersburg University of the
Ministry of the Interior of Russia

ON SECURITY MEASURES DURING MASS SPORTING EVENTS

**Mass sports, sports event,
security measures, typical
situation, physical harm,
material harm, moral harm,
minimum safety requirements,
algorithm of actions, responsible
person, methodological
recommendations.**

The article deals with the organization and implementation of security measures during mass events in primary physical culture groups. A comparative analysis of the regulations on ongoing competitions of various levels, which have a section regulating measures to ensure the safety of participants and spectators, is carried out. Typical situations associated with the possible infliction of physical, material, moral harm to the subjects of the event and the organization conducting it are identified. Methodological recommendations for ensuring safety during sporting events are proposed.

мер безопасности, нет, либо включенные в них формулировки имеют обобщенный характер. В рамках школьных мероприятий, как правило, ответственность за подготовленность и безопасность школьников возлагается на классных руководителей и учителей физической культуры. Очевидно, что при большом количестве участников соревнований и зрителей они не могут в полной мере обеспечить их безопасность. В вузах аналогичная ответственность возлагается на преподавательский состав кафедр, который выполняет функции по организации и проведению соревнований. На соревнованиях регионального уровня ответственность за разрешение конфликтных ситуаций и организацию оказания медицинской помощи возлагается на главного судью, который, кроме того, выполняет множество других функций.

Большинство организаций, проводящих физкультурно-спортивные мероприятия, имеют договора с охранными предприятиями, взаимодействуют с органами и подразделениями МВД России, у них в распоряжении есть рамки-металлодетекторы, позволяющие предотвращать пронос в помещения и на объекты, где проходят соревнования, запрещенных предметов [1]. Однако зачастую при проведении спортивных мероприятий требования по обеспечению безопасности в полном объеме не реализуются. Как показывает практика, во многих случаях вахтеры или охранники не уделяют должного внимания мерам обеспечения безопасности, ограничиваясь лишь замечаниями по поводу, например, грязной обуви или создаваемого шума при проходе на мероприятие и т.п.

Недостатки в подготовке таких сотрудников, слабая оснащенность организация, где проводятся физкультурно-спортивные мероприятия, средствами защиты и связи, в том числе специальными средствами, создают условия, в которых затруднительно обеспечить полную безопасность проведения таких мероприятий [2]. И потому неслучайно, что в школах, вузах и других учебных заведениях все еще порой возникают ситуации, связанные с угрозами безопасности участников, организаторов соревнований и зрителей (наносится материальный, физический, моральный вред в результате противоправных действий, в том числе насильственного характера, создающих опасность для жизни и здоровья людей).

Считаем важным подчеркнуть, что при подготовке к проведению физкультурно-спортивных мероприятий любого уровня, предполагающих скопление в одном месте множества людей (участников, судей, зрителей, официальных лиц, представляющих органы власти и самоуправления, коммерческие структуры и т.д.), организаторы должны своевременно осуществлять следующие предварительные меры обеспечения безопасности:

- назначить лиц из числа сотрудников организации, проводящей мероприятие, на которых возложены обязанности по обеспечению безопасности;
- распределить роли в рамках взаимодействия по обеспечению безопасности между всеми субъектами, задействованными в мероприятии;
- разработать четкие алгоритмы действий при возникновении угрозы безопасности и схемы связи.

Все перечисленное следует включить в раздел документа, регламентирующего проведение физкультурно-спортивного мероприятия (например Положения о соревнованиях и т.п.), касающийся обеспечения безопасности. В связи с этим, по нашему мнению, существует необходимость разработки универсальных методических рекомендаций по организации и реализации мер по обеспечению безопасности при проведении подобных спортив-

объектов спорта и формы паспорта безопасности объектов спорта»; Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 26.11.2014 № 948 «Об утверждении Типовой инструкции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на объекте спорта при проведении официальных спортивных соревнований» и др.

ных мероприятий, в которых излагались бы основные требования, предъявляемые к данным мерам (и в первую очередь - с учетом норм федерального законодательства).

Обратим внимание на некоторые конкретные меры, способствующие обеспечению безопасности физкультурно-спортивного мероприятия. Например, все участники (члены всех команд) должны быть официально зарегистрированы и пройти общие досмотровые мероприятия. В случае выявления нарушений главный судья делает замечания тренерам, официальным представителям команд. В случаях, когда нарушается общественный порядок или осуществляются действия, угрожающие жизни и здоровью людей, необходимо немедленно вызвать наряд полиции [3]. Впрочем, как представляется, в рамках товарищеских соревнований, проходящих на уровне коллективов физической культуры, подобные обострения ситуации случаются

довольно редко. Однако бдительность терять все равно нельзя: соблюдение правил безопасности должно находиться под постоянным контролем.

Основная ответственность возлагается на главного судью соревнований, но его работа связана с решением большого количества разнообразных вопросов, связанных с руководством судьями, участниками, тренерами, представителями команд. Поэтому мы считаем, что необходимо возлагать обязанности по обеспечению безопасности и на иных лиц, представляющих организацию, проводящую соревнования. Такими лицами при проведении физкультурно-спортивных мероприятий в первичных коллективах физической культуры могут быть обучающиеся старших классов, курсов, в первую очередь те из них, кто занимается в секциях силовых единоборств. При этом отметим, что лица в возрасте младше 18 лет могут быть привлечены в качестве волонтеров, которые будут выполнять

Таблица 2.

Типовые ситуации нарушения общественного порядка при проведении спортивных мероприятий

Действия организаторов	Правовые особенности
1. Зритель принес на соревнования нож (другой предмет), которым можно нанести вред здоровью	
Провести досмотровые мероприятия. Не допустить проноса запрещенного предмета. В случае невыполнения требований либо обнаружения предмета, запрещенного для ношения в общественном месте, незамедлительно сообщить в правоохранительные органы.	Досмотр производится лицами, достигшими 18-летнего возраста, из числа сотрудников организации, прошедшими инструктаж по правилам и порядку проведения наружного досмотра, с соблюдением личных мер безопасности.
2. Угроза ножом (предметом) зрителям либо участникам, а также активные действия по нанесению ударов	
Волонтерам (наблюдателям), незамедлительно сообщить старшему по безопасности, обеспечить быстрый выход зрителей из опасной зоны по заранее отработанным маршрутам. Сотрудникам, расположенным ближе к нападающему, дать команду окружающим максимально быстро уйти на безопасную дистанцию. При невозможности избежать контакта с правонарушителем использовать любые подручные средства (стулья, столы и т.д.) для осуществления необходимой обороны. При этом желательно окружить нарушителя с различных сторон. Незамедлительно вызвать сотрудников полиции.	Все должностные лица, отвечающие за проведение соревнований должны соблюдать меры личной безопасности (дистанция, использование средств защиты). Действовать в рамках необходимой обороны.
3. Недовольство болельщиков по отношению к судьям, словесные угрозы в их адрес	
Если угрозы выдвигаются без противоправных действий, старший сотрудник по безопасности пытается успокоить зрителя, используя спокойные, уверенные интонации. В случаях угроз, переходящих в противоправное поведение, действовать с учетом сложившейся обстановки для минимизации ущерба как физическим лицам, так и имуществу спортивного сооружения.	Если зритель успокоился, но имели место попытки рукоприкладства, необходимо вызвать полицию для дальнейшей фиксации правонарушения. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем избежать ложных показаний в адрес сотрудников организации со стороны угрожавшего гражданина о применении к нему незаконных действий.

Типовые ситуации нарушения общественного порядка при проведении спортивных мероприятий

4. Попытка хищения вещей	
Волонтеры (наблюдатели) заметили лицо, пытающееся осуществить действия по хищению чужого имущества. Лица, не достигшие 18-летнего возраста, не пытаются самостоятельно задержать данное лицо. Одни направляются к старшему, чтобы передать информацию о происшедшем, другие ведут наблюдение за дальнейшими действиями гражданина. После прибытия старших руководителей необходимо принять меры по ограничению дальнейших действий и перемещений гражданина.	Не выполнять каких-либо действий для изъятия имущества, не обвинять в совершении хищения. Зафиксировать с помощью видеозаписи лицо гражданина и предметы, находящиеся при нем. Ограничить перемещение данного лица. Вызвать полицию для разбирательства.
5. Хулиганские действия (нецензурная брань; поведение, нарушающее общественный порядок; драка; причинение ущерба имуществу организации)	
Наблюдатели (лица до 18 лет) должны находиться в специально отведенных местах для своевременного реагирования на возникающий конфликт. Им должны быть даны четкие указания по перемещению и способу информирования сотрудника, отвечающего за безопасность. В случае драки на почве захлестнувших эмоций наиболее подготовленные сотрудники, достигшие 18-летнего возраста, могут попытаться разнять конфликтующих либо ограничить передвижение лица, создающего угрозу.	Важным аспектом предотвращения такого рода ситуаций является наличие большого количества лиц, которые приглашены на мероприятие непосредственно для обеспечения безопасности (необходимо, чтобы они выделялись, их групповое присутствие внушало мысль о недопущении зрителями противоправных действий). Самым важным является возможность соразмерно ситуации разрешить ее и успокоить всех участников конфликта, обезопасить других лиц, восстановить порядок проведения мероприятия. При этом должны соблюдаться принципы личной безопасности и правомерности действий. Необходимо оперативное взаимодействие с правоохранительными органами.

функции по координации перемещения участников соревнований и зрителей, наблюдению за происходящим, передаче сообщений лицам, уполномоченным наводить порядок в случае возникновения каких бы то ни было конфликтов и иных угроз безопасности.

При проведении досмотровых мероприятий к осуществлению наружного досмотра, который включает в себя осмотр вещей, внутреннего содержания сумок и рюкзаков, проверку мест возможного проноса запрещенных предметов, могут привлекаться только взрослые сотрудники организации, проводящей мероприятие. Данные лица должны быть официально назначены на выполнение указанных функций, их роль и задачи необходимо закрепить в документе, регламентирующем проведение мероприятия (например в Положении о соревнованиях и т.п.).

В случае возникновения конфликта волонтеры или иные лица, наблюдающие за порядком, незамедлительно сообщают об этом сотруднику, руководящему деятельностью по обеспечению безопасности. Он может сделать замечания нарушителю, в корректной форме рекомендовать прекратить нарушать порядок. Если этого оказывается недостаточно или ситуация требует охранительных дей-

ствий, выходящих за рамки его полномочий, он должен вызвать наряд полиции для разрешения конфликта и фиксации противоправных действий.

Таким образом, становится очевидным, насколько важно заранее определить лиц, отвечающих за безопасность, из числа сотрудников организации, проводящей физкультурно-спортивное мероприятие, привлечь достаточное количество волонтеров, четко сформулировать задачи каждого из субъектов мероприятия, указать места их нахождения в помещении или на объекте, где проходит соревнование, составить алгоритмы их действий в случаях нарушения порядка и возникновения угроз безопасности.

В таблице 2 мы представили алгоритмы действий организаторов в некоторых ситуациях нарушения общественного порядка, возникновение которых наиболее вероятно при проведении спортивных мероприятий. Данные ситуации могут возникнуть в ходе физкультурно-спортивных мероприятий как в школьной, так и студенческой среде, угроза причинения физического, морального и материального вреда может исходить как от представителей этой среды (участников соревнования, тренеров, официальных представителей команд, зрителей и т.д.), так и от посторонних для нее лиц.

Итак, есть все основания констатировать, что обеспечение мер безопасности при проведении спортивных мероприятий, характеризующихся большим скоплением людей - разных по статусу, национальности, особенностям поведения, различающихся уровнем полученного воспитания, социальным положением, - является крайне важным и необходимым. При этом очевидно, что, несмотря на требования действующих законодательных актов к обеспечению безопасности, на практике соответствующие меры не реализуются в должном объеме. Поэтому считаем необходимым разработать универсальные методические рекомендации по обеспечению безопасности на физкультурно-спортивных мероприятиях. В них следует предусмотреть, что требуется делать для того, чтобы каждый сотрудник организации, проводящей такое мероприятие, участник, зритель находился в безопасности. Мы предлагаем рекомендовать следующее:

1. Раздел «Обеспечение безопасности участников и зрителей» должен иметь место в документах, регламентирующих проведение любого физкультурно-спортивного мероприятия.

2. Должен быть установлен порядок назначения лиц, непосредственно отвечающих за выполнение мер безопасности:

- старшего по безопасности (из числа сотрудников организации, проводящей мероприятие);
- волонтеров (например из числа наиболее подготовленных обучающихся).

3. Необходимо подготовить алгоритмы действий каждого субъекта физкультурно-спортивного мероприятия, включая:

- расстановку наблюдателей (контролеров, помощников судей и т.д.);
- расстановку лиц, которые должны препятствовать попаданию посторонних в места, используемые для проведения мероприятия;
- способы информирования в случаях возникновения угрозы;
- проведение досмотровых мероприятий;
- инструктаж судей, их помощников, иных лиц, обеспечивающих организацию соревнований, по действиям в экстремальных ситуациях;
- соблюдение личной безопасности при выполнении любой функции (безопасная дистанция, корректная речь, использование подручных средств для защиты и т.п.);
- возможность быстро связаться с правоохранительными органами (тревожная кнопка, радиосвязь, телефония);
- схемы перемещения каждого субъекта, участвующего в обеспечении безопасности, в тех или иных ситуациях (рассредоточение, группировка, оцепление и т.п.).

Обеспечение порядка и безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий является важным направлением деятельности их организаторов. Поскольку массовые мероприятия играют особую роль в организации досуга и воспитании обучающихся, имеется необходимость в надлежащей подготовке лиц, ответственных за обеспечение безопасности, для правомерных умелых действий в данной сфере, а также в подготовке сотрудников организаций, проводящих массовые спортивные мероприятия, по тактике и методике действий в ситуациях возникновения угроз безопасности. ■

Библиографический список:

1. Бекетов О.И., Куянова А.В., Сургутсков В.И. и др. Правовые основы и организация деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении международных спортивных мероприятий: Учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 95.
2. Аладьева Н.В. Основные вопросы обеспечения спортивной безопасности в сфере физической культуры и спорта // IX Международная научно-практическая конференция «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы». 2021. Т. 1. № 1. С. 261-266.
3. Казаринова Л.В. Некоторые вопросы организационно-правового механизма обеспечения безопасности в сфере физической культуры и спорта: Проблемы и пути решения // Форум молодых ученых. 2018. № 10 (26). С. 527-531.

ДЕРЕНДЯЕВА Т.М.,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
и инструментальных методов Калининградского
государственного технического университета
derendyaeva.tamara@mail.ru

МУХИНА Г.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, руководитель
основной профессиональной образовательной программы
«Юриспруденция» филиала Санкт-Петербургского института
внешнеэкономических связей, экономики и права в Калининграде
galya-fly@mail.ru

БУРДЕЙНЫЙ В.В.,

кандидат философских наук, научный сотрудник Западного филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
burdeynyy-vv@ranepa.ru

УДК 340.115+347.77

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

**Интеллектуальная
собственность, моделирование,
информационное общество,
правая модель, информационно-
правовое моделирование,
информационное право,
цифровая среда.**

*В статье раскрывается сущность
понятий правовой модели
и правового моделирования,
отражающих изменения,
произошедшие в содержании
понятия интеллектуальной
собственности в условиях
цифровизации современной
экономики. Обосновывается
возможность использования
методологии прогнозного
моделирования в процессе
правового регулирования
результатов интеллектуальной
деятельности в условиях
непрерывных и непредсказуемых
изменений внешней среды.*

Современную социально-экономическую среду можно охарактеризовать как крайне нестабильную, что связано с воздействием множества факторов риска, определяющих возможную траекторию развития большинства хозяйствующих субъектов. К значимым воздействиям, формирующим высокую степень неопределенности и риска в современной экономике, можно отнести факторы, связанные с цифровизацией создания и потребления нематериальных ценностей, изменением структуры отношений в системе производитель - рынок - потребитель, виртуализацией бизнес-среды, внедрением принципиально новых бизнес-идей. Цифровая трансформация и изменчивость окружающей среды в значительной степени стимулируют вынуждающие преобразования социально-правовой действительности и требуют переоценки и переосмысления ее содержательных и методологических особенностей. Поэтому для современного этапа развития общества характерна непрерывно возрастающая значимость процессов целенаправленного воздействия государства на разнообразные взаимосвязи и отношения, возникающие в социальном взаимодействии, связанном с положением и функциями его участников.

Интеллектуальная собственность современной организации, усиливающая ее конкурентные преимущества, является одним из важных факторов, обуславливающих достижение целей и процветание организации. Поэтому в настоящее время результаты интеллектуальной деятельности обретают все большую значимость в функционировании экономико-правового механизма. В связи с этим рассмотрение вариантов и путей совершенствования средств и возможностей защиты интеллектуальной собственности, особенностей типологии объектов, институтов, гражданских

прав, многосложности и уникальности способов защиты прав на товарные знаки приобретает особую актуальность (см., например, научные работы А.А. Ахметова, О.А. Городова, М.В. Гуровой, И.С. Сорокина).

По мнению И.С. Сорокиной, «в современном мире значительной популярностью среди тех, кто желает заняться предпринимательской деятельностью, пользуется приобретение особых разрешений (франшиз) у известных фирм для ведения своего бизнеса под контролем и именем такой фирмы. В этом смысле налицо преимущества такого вида открытия бизнеса, так как пользователь сразу получает готовую концепцию ведения дела; сложившееся за определенное время место на рынке товаров, работ или услуг; сформированную сеть клиентов, партнеров, потребителей и т.д.» [1, с. 142].

Современное гражданское право рассматривает объекты гражданских прав как материальные блага, деньги в наличной и безналичной форме, различные виды ценных бумаг, имущественные права, результаты произведенных работ и оказанных услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, а также нематериальные блага, которые к ним приравниваются. Первостепенную значимость приобретает рассматриваемый в социально-экономической и правовой перспективе вопрос о принадлежности информации кому-либо. В предшествующие годы информация не рассматривалась как самостоятельный вид собственности, а включалась в структуру интеллектуальной собственности. Реалии хозяйственной деятельности обусловили необходимость более детального рассмотрения смыслового содержания собственности как результата интеллектуальной деятельности с экономической и правовой точек зрения. Признанное большинством правоведов определение интеллектуальной собственности определяет сущность не столько совокупности прав автора, сколько права субъектов, которые осуществляют финансирование, позволившее стать общественным достоянием результатам творческой деятельности во всех ее проявлениях [2, с. 47].

Более глубокое постижение смысла результатов интеллектуальной деятельности и своеобразия прав собственности на нее как экономико-правового понятия, выражающего некоторые совпадающие признаки, качества, свойства и связи явлений материального и нематериального мира, совпало с введением в научную терминологию понятия невещественной собственности. Хозяйственная деятельность современного предприятия едва ли будет достаточно успешной, если она организована без внедрения результатов интеллектуальной деятельности, способных значительно повысить эффективность производства, рентабельность выпускаемой продукции и увеличить инновационный и научно-технический потенциал организации. Необходимость регулирования результатов интеллектуальной деятельности подразумевает реализацию такого принципа хозяйственной деятельности, как «максимум прибыли при минимуме затрат», что может обеспечить поступательное развитие интеллектуального потенциала организации, рост конкурентоспособности и рентабельности его

продукции. В связи с этим целью написания нашей статьи является поиск теоретических предпосылок, необходимых для применения моделирования как перспективного, но еще в недостаточной степени освоенного метода правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности.

Поступательная и целенаправленная модернизация производства за счет инноваций и использования результатов интеллектуальной деятельности в значительной мере зависит от профессионального юридического обеспечения, которое, в свою очередь, обусловлено наличием актуальных и своевременных инструментов правотворческой деятельности. Интенсификация производства зависит от возможностей своевременного регулятивного воздействия юридического инструментария на социально-экономические объекты. Очевидно, что обогащению юридической практики и неуклонной модернизации ее гносеологического инструментария способствует наличие острой потребности в соответствующем когнитивном оружии, используемом в юриспруденции и являющимся активным побудителем его постоянного совершенствования. На протяжении всей истории становления и развития правового научно-практического знания интерес к совершенствованию методов и средств его постижения и углубления неизменно возрастал.

В научно-исследовательскую практику юристов нередко вовлекались теоретические и прикладные средства и методы, заимствованные из смежных сфер деятельности. В процессе исследования явлений объективной реальности ни одному экспериментатору, том числе и в сфере юриспруденции, не избежать применения метода моделирования. Практическая деятельность по разработке и применению метода моделирования в различных областях науки имеет богатую историю, начинающуюся еще со времен античности [3, с. 65]. Наиболее эффективно сочетание традиционных, привычных для юридической практики исследовательских подходов с обновленными механизмами и инструментальными средствами познания. Подобный симбиоз позволит получить дополнительные возможности в ходе привлечения юридического инструментария к процессу исследования данных социально-правовой действительности. Таким современным инструментом является метод моделирования.

В настоящее время понятие правовой модели глубоко внедрилось в понятийный аппарат общей теории права. При этом необходимо отметить значительные различия интерпретаций понятия процесса моделирования и сущности самой модели в трудах исследователей в области правоведения [3, с. 65]. В связи с этим актуальной остается необходимость в специфическом правовом исследовании сущности этого понятия. Потребность в очередном обращении к исследованию проблемы применения метода моделирования в правовой практике продиктована тем, что использование данной категории является общепринятым и обыденным применительно к естественнонаучному знанию, в то время как в области юриспруденции разработка правовых моделей требует соответственной научно-теоретической подготовки.

Прежде всего это объясняется комплексной ориентированностью процесса моделирования при исследовании правовых процессов и явлений. Это означает, что их эффективность почти невозможно определить путем применения известных в математике и экономической теории формул. Помимо всего прочего, иногда бывает непросто достигнуть общности восприятия идентичных правовых моделей разными субъектами права в силу различия их представлений об окружающей действительности, разнообразия точек зрения, убеждений и даже в силу их индивидуального опыта. Кроме того, можно добавить, что имеют место различия в протекании познавательных процессов в естественно-научном и социально-гуманитарном знании, некоторые несовпадения в специальной научной терминологии, которые позволяют усомниться в результативности применения методов моделирования в правовой науке.

На наш взгляд, моделирование можно рассматривать как весьма перспективный метод юридической науки и практики, что подтверждается все возрастающим уровнем адекватного отражения данного вопроса в научной литературе. Заметный интерес к проблеме использования метода моделирования в правовой практике отечественные и зарубежные исследователи обнаружили в 80-е годы XX века. Следует полагать, что в значительной мере к этому привело бурное развитие прикладных математических дисциплин. Процесс внедрения электронно-вычислительной техники в основные сферы жизнедеятельности человека, зарождение процессов, направленных на построение и развитие телекоммуникационной инфраструктуры, стимулировали формирование и практическое использование более эффективных приемов и методов исследования в юридической практике, появление общенаучной терминологии. Но, как свидетельствовала дальнейшая научно-исследовательская правовая статистика, метод моделирования не сразу вошел в арсенал юридической науки. В итоге, к началу 20-х годов XXI века моделирование активно используется специалистами в области юриспруденции, но до сих пор нет оснований утверждать, что имеет место единство мнений ученых в понимании роли и места правовой модели в исследовании различных социально-правовых явлений. По этой причине возникает необходимость более углубленного изучения и научно-теоретического осмысления возможностей использования правовых моделей в качестве инструмента правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности.

Согласно мнению В.С. Плетникова, правовая модель - это «интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития» [4, с. 121]. А.С. Безруков уделяет внимание определению модели как необходимого инструмента юридической науки. Под моделью он подразумевает созданную в результате абстрак-

ции, идеализации или наблюдения форму отражения правовой действительности, находящуюся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащую средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления или наглядности в описании объектов материального мира, несущую информацию об объекте или выполняющую специальную описательную или демонстрационную задачу [5, с. 8].

Мы полагаем, что правовую модель можно рассматривать как одно из возможных упрощенных, внутренне непротиворечивых воплощений правовой действительности, несущих недоступную другим образом информацию об объекте исследования. Сущность правовой модели состоит в интеллектуально-волевом описании исследуемых объектов, процессов или явлений государственно-правовой жизнедеятельности [5]. Для нематериальных объектов правовая модель создается в результате идеализации на основе принципов аналогии и абстрагирования. При этом форма отражения окружающей правовой действительности, находящаяся в соответствии с исследуемыми результатами интеллектуальной деятельности, несет информацию об объекте исследования или выполняет специальную демонстрационную или описательную задачу.

Правовая модель дает возможность внешнего выражения и нормативного установления взаимосвязанной и внутренне структурированной системы признаков исследуемого объекта. Полезные результаты интеллектуальной деятельности, отражая реальные закономерности в существовании и развитии ранее не имевших места правовых явлений, могут рассматриваться в качестве методологических ориентиров в процессе познания и преобразования взаимосвязанных явлений социально-правовой жизни с применением правовых моделей [2]. Специфические характеристики правового моделирования как метода правового исследования обуславливаются особым алгоритмом проектирования данной модели и переносом выявленных с ее помощью взаимосвязей на всю систему в целом. Правовая модель способна реализовывать различные функции: программирующую, описательную, демонстрационную, преобразовательную, организационно-проективную.

Правовая модель не только представляет собой средство познания правовых явлений, но и оказывает влияние на качественное состояние правовой действительности. По мнению Д.А. Медведева, одной из заметных причин нечеткого соблюдения законов является их недостаточно высокий качественный уровень, вероятно, по причине того, что правовой каркас новой экономической системы создавался в короткие сроки. В то время как эффективная правовая охрана интеллектуальной собственности имеет особую значимость для процесса производства новой продукции¹. Следствием глобализации мировой экономической системы, а также увеличения информационных и телекоммуникационных потоков стало обострение межстрановой конкуренции за владение не только миро-

¹ Дмитрий Медведев принял участие в первом Международном форуме «Антиконтрафакт-2012» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 22.10.2012 // URL: <http://archive.government.ru/docs/21201/>.

выми природными, финансовыми ресурсами, но и результатами интеллектуальной деятельности.

Рассматривая алгоритм построения правовой модели, в том числе касающейся результатов интеллектуальной деятельности, можно выявить три возможных способа его осуществления:

- проектирование авторской правовой модели, определяющей распределение прав на результаты интеллектуальной деятельности;

- выбор максимально результативного и достоверного инструмента из имеющихся моделей регулирования результатов интеллектуальной деятельности;

- определение оптимальной из апробированных моделей с учетом индивидуальных характеристик результатов интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем в процессе реализации и апробации модели часто случаются неожиданности, возникают проблемы. Разработанная модель может оказаться неэффективной и не пригодной для использования. Сложность в том, что заимствованная модель не всегда может эффективно функционировать с уже достигнутыми результатами данной конкретной интеллектуальной деятельности данной конкретной страны. Существуют факторы, которые определяют неодинаковость восприятия правовых моделей различными субъектами права: это, во-первых, субъективная индивидуальность когнитивных процессов; во-вторых, терминологическая размытость, которая отличает социальные и гуманитарные науки; в-третьих, принадлежность к различным правовым школам.

Несмотря на объективные трудности в применении рассматриваемого феномена, следует заметить, что использование инструментария моделирования в процессе исследования правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности особенно результативно в ходе анализа сложных социальных явлений, затрагивающих, в частности, интересы авторов (в том числе тогда, когда имеется вероятность нанесения им морального или материального ущерба). Упомянутые аргументы, безусловно, подчеркивают актуальность использования правового моделирования результатов интеллектуальной деятельности.

Система социально-правовых знаний является динамической системой, находясь в постоянном развитии, она пополняется новыми фактами, обогащается новыми закономерностями, что ведет к формированию ранее неизвестных теоретических положений. По определению В.А. Леванского, моделирование - это «метод познания и преобразования действительности, диалектически сочетающий в себе абстрактно-логические и эмпирические аспекты и основанный на процессе постепенного проникновения в сущность исследуемых целостных системных объектов, называемых оригиналами, путем последовательного создания, анализа и применения концептуальных, информационных, математических и иных систем, называемых моделями и отражающих те свойства систем-оригиналов, учесть которые необходимо и достаточно для достижения целей и решения задач исследователя, для получения новых знаний об оригиналах» [6].

В науке существует большое количество апробированных исследовательских подходов. Однако возникают и такие ситуации, когда исследователь должен прибегнуть к инструментам моделирования. Это имеет место в тех случаях, когда объект реальности не может быть использован для проведения изысканий в силу этических норм, технических возможностей и других причин. На практике правовые модели применяются в целях прогнозирования поведения субъекта права в определенной правовой ситуации, которая подпадает под действие законодательства.

Мировой опыт свидетельствует, что для превращения результатов интеллектуальной деятельности в финансовый ресурс необходимо предварительно в рамках закона интерпретировать их согласно следующей последовательности: знания - права - нема-

DERENDYAEVA T.M.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Docent of
the Department of Instrumental
Methods in Economics and
Management of the Kaliningrad
State Technical University

MUKHINA G.A.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Head of the
Main Professional Educational
Program «Jurisprudence» of the
Branch of the Saint-Petersburg
Institute of Foreign Economic
Relations, Economics and
Law in Kaliningrad

BURDEYNY V.V.,
PhD in Philosophical Sciences,
Researcher of the Western Branch
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

MODELING AS A TOOL FOR LEGAL REGULATION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE SOCIO-ECONOMIC ENVIRONMENT

**Intellectual property, modeling,
information society, information-
legal modeling, information law,
legal model, digital environment.**

The article reveals the essence of the concepts of the legal model and legal modeling, reflecting the changes that have occurred in the content of the concept of intellectual property in the context of digitalization of the modern economy. The possibility of using the methodology of predictive modeling in the process of legal regulation of the results of intellectual activity in the conditions of continuous and unpredictable changes in the external environment is substantiated.

териальные активы - интеллектуальный капитал - товар - деньги. Стремление специалистов в области экономики социализма напрямую обращать новые знания в ликвидный товар и деньги привело к пресловутому обесцениванию результатов труда, недостаточно высокой конкурентоспособности отечественной продукции и сложностям выхода российского производителя на мировой рынок. Очевидным и общепризнанным механизмом преобразования знаний в финансовый ресурс являются результаты интеллектуальной деятельности, которые в наши дни стали одним из объектов пристального внимания и эффективным инструментом российского права.

Интеллектуальная собственность как один из мощных экономических факторов стремительного развития рыночной экономики является эффективной основой современных высоких технологий, которые всегда востребованы инновационной бизнес-средой. Результаты интеллектуальной деятельности, действующие в рамках правовых норм, обладая высокой конкурентоспособностью, в состоянии обеспечивать устойчивую прибыль их собственнику.

Можно констатировать, что к настоящему времени сформирована самостоятельная, единая система знаний о нематериальных ценностях, базирующаяся на результатах интеллектуальной деятельности, что позволяет логически верно структурировать и применять методы моделирования любых сложных систем в экономике, юриспруденции, социологии и других областях знаний. В настоящее время высокий уровень востребованности общественно-правовых знаний привел к тому, что мировое сообщество достигло такого состояния, когда доходы от информационного бизнеса во всем мире превысили совокупные доходы от традиционно привычного производства материальной продукции.

Вопросы использования в условиях сферы коммерции интеллектуальной собственности как продукта творческой деятельности человеческого разума до настоящего времени не имеют глубокой теоретической проработки. Институт интеллектуальной собственности формировался лишь в качестве формально и неформально установленных правил и норм, регламентирующих социальные связи и отношения относительно интеллектуальных ресурсов и результатов интеллектуальной деятельности, а также инструментов принуждения к соблюдению установленных правил, как юридический инструмент справедливого распределения прав и капитала в инновационной сфере. В связи с этим представляет некоторую сложность обоснование сущности результатов творчества и интеллектуальной деятельности.

Правоприменительная практика использования норм, касающихся интеллектуальной собственности, в России, к сожалению, несколько запаздывает по сравнению с соответствующей практикой наиболее прогрессивных с точки зрения технологического развития государств. Современные социально-правовые тенденции свидетельствуют о том, что в ближайшие годы развивающиеся быстрыми темпами профессиональные юридические услуги начнут претерпевать глубокие качественные изменения за счет широкого внедрения новейших технологий, реализуемых в виде регуляторных экспериментов, цифровых информационно-правовых моделей, использования элементов искусственного интеллекта и юридических онтологий. Овладение новейшими технологиями может свидетельствовать о степени конкурентоспособности и профессиональной пригодности юристов в непрерывно и непредсказуемо изменяющейся социально-экономической сфере и имеющем тенденцию к усложнению нормативно-правовом пространстве. ■

Библиографический список:

1. Сорокин И.С. Особенности предмета договора коммерческой концессии в гражданском праве России // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2017. С. 142-144.
2. Дерендяева Т.М., Мухина Г.А. Проблемы коммерческого использования и охраны интеллектуальной собственности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 47-51.
3. Тринитка Д.Г. Моделирование в праве как способ познания правовых явлений // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). С. 61-77.
4. Плетников В.С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 121-135.
5. Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 151 с.
6. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М.: Наука, 1986. 160 с.

ИНЖИЕВА Б.Б.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Калмыцкого
государственного университета (г. Элиста)
inbuinta@mail.ru

УДК 349.6

О РОЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА РОССИИ К «ЗЕЛЁНОЙ» ЭКОНОМИКЕ¹

**«Зелёная» экономика,
окружающая среда,
страхование, устойчивое
развитие, аудит, договор,
климат, загрязнение,
экосистема, вред.**

В статье представлены некоторые результаты исследования истории и современного этапа развития экологического страхования в России. Автор рассматривает его взаимосвязь с другими правовыми категориями, включая категории «устойчивое развитие» и «зелёная» экономика. Анализируются различные мнения о понятии экологического страхования и его месте в системе других видов страхования. Предлагается принять федеральный закон «Об экологическом страховании», в котором закрепить узкое понимание термина «экологическое страхование» - страхование риска гражданско-правовой ответственности субъектов, осуществляющих опасную для окружающей среды деятельность на объектах I-II категории.

Традиционно считается, что охрана окружающей среды должна осуществляться посредством установления различных ограничений и запретов. В сфере экологии такие меры и правда могут быть весьма эффективными. Между тем исторически, почти с самого начала формирования экологического законодательства, зародился и продолжает развиваться диспозитивный метод охраны окружающей среды, предполагающий возможность заключения различного рода гражданско-правовых договоров, касающихся отдельных аспектов охраны окружающей среды. Составить какой-либо исчерпывающий перечень таких договоров сегодня едва ли возможно, однако не вызывает особых сомнений существование договора купли-продажи, квот на выброс парниковых газов, договора на вывоз твердых коммунальных отходов, договоров экологического туризма, экологического аудита и экологического страхования. О последнем договоре и пойдет речь далее.

Сам по себе договор страхования известен как минимум со времен античности, однако современные формы он приобретает с середины XIV века в виде морского страхования². Свое развитие он получил и в Российской империи, хотя и с большим отставанием от европейских стран - первое страховое общество в Российской империи было создано в 1765 г. в Риге и называлось «Рижское общество взаимного страхования от пожаров»³. Постепенно развиваясь, договор страхования в России охватывал все новые и новые сферы общественных отношений, и к концу XX века очередь дошла и до экологического страхования.

За всю свою недолгую историю существования договор экологического страхования не получил значительного развития в Российской Федерации. Дело в том, что в отличие от «классического» договора страхования, когда страховые случаи хорошо известны и предсказуемы, при экологическом страховании это не всегда так. В данном случае загрязнение окружающей среды может происходить постепенно, а негативные явления накапливаться и проявлять себя внезапно и непредсказуемо, причем такие экологические последствия далеко не всегда поддаются точной оценке и

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Волга - Каспий: Право и зелёная экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

² Буркова Н., Капогузов Е. Страхование // Энциклопедия Кругосвет // URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/STRAHOVANIE.html (дата обращения: 10.08.2022).

³ Цуцкиридзе М. История развития страхового дела в России // Онлайн издание «Журнал ТКБ Инвестмент Партнерс». 22.07.2020 // URL: <https://journal.tkbip.ru/2020/07/22/insurance/> (дата обращения 10.08.2022).

прогнозу. Исследование договора экологического страхования как разновидности «классического» гражданско-правового договора страхования представляет интерес не только с точки зрения гражданского права, уточняя особенности этого вида договора, но также и с позиций экологического права, поскольку экологическое страхование обеспечивает реализацию сразу нескольких концепций охраны окружающей среды.

Во-первых, экологическое страхование является важнейшей гарантией реализации права граждан на благоприятную окружающую среду, поскольку позволяет полноценно компенсировать вред, нанесенный окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан. Во-вторых, данный договор является важнейшим элементом перехода России на стандарты «зелёной» экономики. В условиях развития глобальной низкоуглеродной экономики создание передового страхования рисков, связанных с окружающей средой, относится к числу главных целей страховой отрасли и всего общества [1, с. 2604]. Одним из проявлений перехода на стандарты «зелёной» экономики является усиление диспозитивных начал, позволяющих активизировать экологическое предпринимательство. Без этого невозможно ни увеличить производство и повысить качество обслуживания ветрогенераторов или солнечных батарей, ни обеспечить полноценное развитие экологического туризма и аудита. В-третьих, экологическое страхование вносит свой вклад в реализацию концепции устойчивого развития. Из 17 целей устойчивого развития¹ наибольший вклад экологическое страхование вносит в достижение целей № 6 (чистая вода и санитария), № 7 (недородостоящая и чистая энергия), № 13 (борьба с изменением климата и его последствиями), № 14 (сохранение морских экосистем) и № 15 (сохранение экосистем суши). В рамках стремления к достижению цели № 13 развитие экологического страхования позволяет компенсировать экологический вред и осуществить превентивные меры, снижающие выбросы парниковых газов, что означает и вклад в деятельность по уменьшению глобального изменения климата. Последнее обстоятельство обусловило обсуждение в научной литературе концепции «климатического страхования» [2].

Согласно одной из существующих точек зрения экологическое страхование начало формироваться в 50-60 годы прошлого века после появления современного экологического права и института ответственности (возмещения вреда) за экологические правонарушения. Именно тогда во многих развитых странах мира появилось страхование гражданско-правовой ответственности за загрязнение окружающей среды вследствие деятельности промышленных предприятий [3, с. 21]. На осознание необходимости развития экологического страхования повлияла техногенная катастрофа, случившаяся 18 марта 1967 г., когда в результате крушения либерийского танкера «Торри Каньон» на поверхности океана образовалось огромное нефтяное пятно. Это была не первая авария танкера в истории мореплавания, но она привлекла к себе наи-

большее внимание общественности и стала причиной немедленной реакции Межправительственной морской консультативной организации. Она по требованию британского правительства созвала специальную сессию для обсуждения возникших в связи с этой катастрофой проблем, в частности, правовых проблем, касающихся ответственности и компенсации за ущерб, причиненный загрязнением океана нефтью. Одним из результатов сессии стало принятие Конвенции о гражданской ответственности за загрязнение нефтью и Конвенции о создании международного фонда для компенсации ущерба, вызванного загрязнением нефтью. Создание этого фонда положило начало развитию страхования в сфере охраны природы и природопользования - как на национальном, так и международном уровне [4, с. 113].

В России речь об экологическом страховании ведется начиная с 90-х годов XX века, когда в Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды» впервые было закреплено добровольное и обязательное страхование юридической ответственности физических и юридических лиц на случай экологических и стихийных бедствий, аварий и катастроф (ст. 23). Однако, несмотря на появление этой правовой нормы, долгое время было непонятно, как именно следует обеспечивать механизм ее реализации. В 1994-1996 гг. в 19 регионах России был проведен эксперимент по развитию экологического страхования (в соответствии с приказом Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации от 26 июля 1994 г. № 233). Эксперимент проводился лишь в нескольких субъектах федерации в целях отработки модели компенсации пострадавшим от аварийного загрязнения окружающей среды, получения дополнительных финансовых средств для осуществления природоохранной деятельности, создания условий для прогнозирования, предотвращения и ликвидации последствий экологических катастроф и т.д. Достижение этих целей предполагало, кроме прочего, и внедрение элементов обязательного экологического страхования на региональном уровне. И хотя о каких-либо итогах этого эксперимента публично объявлено не было, в отдельных регионах фиксировалась положительная динамика в сфере охраны окружающей среды.

Вместе с тем эксперимент показал, что правовая база экологического страхования не должна быть ограничена только одной статьей закона. Однако ничего не изменилось и после принятия Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», действующего и сегодня. В него включена всего лишь одна статья, касающаяся экологического страхования. Это ст. 18, которая определяет, что экологическое страхование осуществляется в целях защиты имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков, и устанавливает возможность осуществления в России обязательного государственного экологического страхования. Примечательно, что в ст. 1 названного федерального

¹ Цели устойчивого развития закреплены в Декларации Генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

закона, в которой перечисляются основные используемые в нем понятия, нет дефиниции «экологическое страхование» (в отличие, например, от экологического аудита). Гражданский кодекс Российской Федерации содержит целую главу, посвященную страхованию: в гл. 48 ГК РФ регламентируется порядок заключения, исполнения и прекращения действия договора страхования. Однако кодекс не раскрывает специфических особенностей именно экологического страхования, которые, по нашему мнению, должны быть в идеале урегулированы специальным законом.

Попытки его принятия предпринимались уже неоднократно. Так, еще в 2007 г. на сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации была опубликована Концепция проекта Федерального закона «Об обязательном экологическом страховании». Здесь обстоятельно описывалось представление об экологическом риске, а экологическое страхование (в широком смысле) понималось как использование механизма страхования для защиты от экологических рисков. В адрес концепции было высказано много замечаний. Отмечалось, что в ней не всегда удачно использовалась специальная эколого-правовая терминология, например при упоминании термина «экосистема». Как указывает С.В. Злобин, авторы концепции упустили, что «при наступлении страхового случая может произойти и уничтожение в целом природных комплексов и природных ландшафтов, а не только пострадать экосистема, а вред также может быть причинен и гражданину. При этом не следует забывать, что страхование - это гражданско-правовой институт, и при заключении договоров страхования страховые компании (являющиеся коммерческими организациями) будут прежде всего исходить из возможности получения прибыли, и только уже во вторую очередь их будет заботить охрана природы. Недаром основное развитие как вид получило страхование гражданской ответственности за вред, причиненный загрязнением окружающей среды, а остальные виды страхования даже и не рассматривались страховыми компаниями» [5, с. 128-129].

В результате столь непростой динамики протекания процессов, связанных с развитием договора экологического страхования, на данный момент в России сложилась следующая ситуация. Экологическое страхование является одной из разновидностей страхования, однако правового механизма заключения договора экологического страхования нет. Это пробел в праве, при том что признается существование обязательного и добровольного экологического страхования. Непонятны отличия собственно договора экологического страхования от смежных видов подобных договоров, нет стимулов развития добровольного экострахования, равно как нет и перечня случаев обязательного экологического страхования.

В итоге обязательное страхование получило развитие в трех сферах общественных отношений, считающихся смежными с экологическими. Во-первых, это обязательное страхование гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии гидротехнического сооружения

(ст. 15 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений»). Во-вторых, это обязательное страхование гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии или инцидента на опасном производственном объекте (ст. 15 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»). В-третьих, это морское страхование, которое, в частности, применяется при перевозке морским путем опасных грузов (ст. 249 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ) [6, с. 134-135].

В свою очередь, добровольное экологическое страхование в России представлено лишь несколькими случаями по причине отсутствия надлежащей нормативно-правовой базы, а также нехватки у хозяйствующих субъектов свободных денежных средств, которые можно было бы аккумулировать в виде страховых отчислений на случай непредвиденных экологических событий. Тем не менее по-прежнему действует Типовое положение о порядке добровольного экологического страхования в Российской Федерации, утвержденное Минприроды 3 декабря 1992 г. и Российской государственной страховой компанией 20 ноября 1992 г.

Таким образом, за три десятилетия в постсоветской России во многих институтах экологического права произошли грандиозные изменения. Однако они никак не коснулись договора экологического страхования, который продолжает оставаться пробельным как в части правовой регламентации его заключения и исполнения, так и в части определения самого его понятия.

Отсутствие официальной (нормативной) дефиниции привело к высказыванию самых различных точек зрения российских ученых относительно данной договорной конструкции. В Гражданском кодексе проводится различие добровольного и обязательного страхования, а также имущественного и личного страхования (ст. 927 ГК РФ). При этом разновидностями имущественного страхования являются риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества; риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также ответственности по договорам - риск гражданской ответственности; риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентом предпринимателя или изменения условий этой деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам, включая риск неполучения ожидаемых доходов (предпринимательский риск). Исходя из этого, некоторые ученые предлагают акцентировать внимание на различных аспектах личного и/или имущественного страхования, которые, по их мнению, должны быть отражены в конструкции специального вида договора страхования - договора экологического страхования.

Первая группа авторов считает, что экологическое страхование - это страхование имущества (имущественных интересов), в том числе природных объектов как имущества, а также страхование

гражданско-правовой ответственности предприятий (источников повышенной опасности) от внезапного (аварийного) загрязнения окружающей среды, обеспечивающее компенсацию причиняемых при этом убытков, создающее дополнительные источники финансирования природоохранных мероприятий и гарантирующее экологическую безопасность [7]. Вторая группа авторов ограничивает сферу экологического страхования только страхованием гражданско-правовой (имущественной) ответственности субъектов, осуществляющих опасную для окружающей среды деятельность, способную причинить вред окружающей природной среде, жизни и здоровью людей, имуществу физических и юридических лиц вследствие аварийного или постепенного загрязнения, обусловленного этой деятельностью [8, с. 2]. Третья группа авторов понимает под экологическим страхованием страхование лишь «имущественных интересов юридических и физических лиц при наступлении определенных страховых случаев (экологических рисков) за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков» [9, с. 142]. Об этом же пишет И.А. Игнатьева, отмечая, что экологическим является страхование, которое защищает имущественные интересы лиц в случае причинения вреда природной среде [10]. Таким образом, экологическое страхование в этом случае не будет охватывать личное страхование. Четвертая точка зрения об объекте экологического страхования представлена работами ряда авторов, которые включают в него не только страхование ответственности за причиненный экологический вред и страхование имущества, но еще и личное страхование граждан на случай стихийного бедствия, аварий и катастроф [11, с. 228]. С этим не согласна И.В. Баскакова, утверждающая, что «если объектом страховой защиты является жизнь и здоровье человека, то речь идет о личном страховании как виде общегражданского страхования, но не страхования экологического» [12, с. 53]. Данный перечень можно продолжить.

На наш взгляд, экологическое страхование должно иметь узкую (локальную) цель, и потому отграничиваться от всех остальных видов страхования. Если мы обратимся к ст. 4.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды», то обнаружим, что все объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, закон четко подразделяет на четыре категории (I-IV), связывая с этим вполне определенные правовые последствия. Установлены и четкие критерии, позволяющие отнести тот или иной промышленный объект к одной из четырех категорий. Например, к I категории относятся объекты по добыче сырой нефти, добыче и/или обогащению железных руд, производству химических веществ и продуктов и т.д. Упомянутые правовые последствия означают установление разного дополнительного коэффициента платы за негативное воздействие на состояние окружающей среды с превышением разрешенного объема (ст. 16.3), обязательность разработки технологических нормативов для объектов I категории (ст. 23), необходимость получения комплексного экологи-

ческого разрешения для эксплуатации объектов I категории (ст. 31.1), регламентацию особенностей осуществления экологического контроля (надзора) на таких объектах и т.д.

В этом просматривается определенная логика законодателя: обозначить критерии, поставить на учет производственные объекты и предусмотреть различные экологические требования к ним в зависимости от степени их негативного воздействия на окружающую среду. В рамках такой логики представляется, что обязательное экологическое страхование должно распространяться только на объекты I и II категории, а для объектов III и IV категории экологическое страхование может иметь добровольный характер. Таким образом, речь идет только о страховании гражданско-правовой ответственности за вред, который может быть причинен в результате техногенной аварии и катастрофы. Страхование от природных катастроф (наводнений, землетрясений), страхование природных объектов, личное страхование сюда не относится. Специально подчеркнем - эти виды страхования не должны никак ограничиваться, однако на них должны распространяться общие правила, установленные Гражданским кодексом Российской Федерации.

Лучше всего было бы отразить специфику экологического страхования в специализированном федеральном законе - «Об экологическом страховании». В случае если законодатель поддержит такую инициативу, законопроект мог бы включать в себя следующее определение:

«Обязательное экологическое страхование - это страхование риска гражданско-правовой (имущественной) ответственности субъектов, осуществляющих опасную для окружающей среды деятельность на объектах I-II категории, способную причинить вред окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан (имуществу юридических лиц) в результате аварийного выброса загрязняющих веществ, обусловленного этой деятельностью».

Как уже отмечалось выше, в настоящий момент развитие в России экологического страхования сталкивается с рядом препятствий. Рассмотрим основные из них и возможности по их преодолению.

1. Создание страховых пулов. Экологические риски носят не только непредсказуемый характер, но и часто проявляют себя через значительный промежуток времени. Для того чтобы обезопасить себя от банкротства, страховщики вынуждены повышать страховые тарифы, что делает экологическое страхование нерентабельным. Столкнувшись с этой проблемой ранее, многие страны мира (Япония, Франция, Италия, Нидерланды, Швеция, Англия) начиная с рубежа 70-80-х годов прошлого века пошли по пути создания добровольных объединений страховщиков (страховых пулов), которые заключают между собой соглашения, где каждый принимает на себя оговоренную долю в рисках определенного вида (например риска ядерного загрязнения и др.) [13, с. 85]. В этом случае страховые выплаты осуществляет широкий круг участников пула, и это уже не будет для них столь риторическим. Подобные попытки предприни-

мались в 1990-х годах в России. Однако не удалось добиться каких-либо заметных результатов: как в виду отсутствия поддержки государства, так и по причине неразвитости экологического страхования как такового (в силу пробелов в праве).

2. В рамках существующих правовых традиций в России государство нередко участвует в тех или иных видах страхования, поддерживая тем самым сферы деятельности, представляющие повышенный государственный интерес. Наиболее типичным примером является сельскохозяйственное страхование. Как следует из положений Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»», существует порядок предоставления и распределения предусмотренных федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховых премий по заключенным договорам сельскохозяйственного страхования (ст. 3). Подобные меры государственной поддержки были бы весьма ценны и в сфере охраны окружающей среды.

3. Для того чтобы добровольное экологическое страхование полноценно проявило себя, потребуется принятие пакета мер императивного и диспозитивного характера. Чтобы предприятия добровольно начали страховать свою ответственность, она должна быть неотвратима, а ее размер должен делать игнорирование экологических рисков нерентабельным. Однако по имеющимся экспертным оценкам, число наказаний за экологические правонарушения год за годом продолжает снижаться. Такое положение дел препятствует стимулированию предпринимателей инвестировать в охрану природы, поскольку бизнесу дешевле заплатить штрафы, чем соблюдать экологические нормативы. Отдельный вопрос - о необходимости увязывать систему штрафов с наличием у страхователя полиса экологического страхования, в том числе уменьшать штрафные санкции за нарушение природоохранного законодательства, если предприятие реально внедряет механизм экологического страхования [14]. Только в этом случае предприниматели начнут вступать в страховые правоотношения рассматриваемого нами вида.

4. Россия является федеративным государством, а в любой федерации необходимо четко регламентировать участие ее субъектов в решении общегосударственных задач, в том числе и в сфере охраны окружающей среды. В 1990-2000 годы субъекты Российской Федерации предпринимали попытки принятия собственных законов об экологическом страховании, однако по требованию прокуратуры все они были признаны утратившими силу. Основным аргументом против этих законов было утверждение, что страхование является гражданско-правовым институтом, а в силу ст. 71 Конституции Российской Федерации гражданское законодательство - это предмет исключительного ведения Российской Федерации (в отличие от экологического, которое представляет собой предмет совместного ведения федерации и ее субъектов). Между тем «стерильных» законодательных актов, которые бы принадлежали только к одной отрасли законодательства, в России давно нет - все они имеют комплексный характер и включают в себя нормы различной отраслевой принадлежности [15]. В этой ситуации требуется расширение полномочий субъектов Российской Федерации (в том числе в сфере экологического законодательства), нормативное закрепление их права принимать законы по широкому кругу вопросов при пробельности федерального законодательства.

INZHIEVA B.B.,
PhD in Juridical Sciences,
Docent of the Department
of Civil Law and Procedure
of the Kalmyk State
University (Elista)

ON THE ROLE OF ENVIRONMENTAL INSURANCE IN THE MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION DURING RUSSIA'S TRANSITION TO A «GREEN» ECONOMY¹

«Green» economy, environment, insurance, sustainable development, audit, contract, climate, pollution, ecosystem, harm.

The article presents some results of a study of the history and the current stage of development of environmental insurance in Russia. The author examines its relationship with other legal categories, including the categories of «sustainable development» and «green» economy. Various opinions about the concept of environmental insurance and its place in the system of other types of insurance are analyzed. It is proposed to adopt a federal law «On Environmental Insurance», which fixes a narrow understanding of the term «environmental insurance» - insurance of the risk of civil liability of entities carrying out environmentally hazardous activities at objects of categories I-II.

¹ The article was written within the framework of the «Volga-Caspian: Law and Green Economy» project of the Development Program of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov for 2021-2030.

Таким образом, есть основания констатировать, что в настоящее время экологическое страхование в России развито слабо, что затрудняет ее переход на стандарты «зелёной» экономики. Отсутствует само понимание экологического страхования, не сформировано четких представлений о его объек-

тах, рисках и т.д. На наш взгляд, сфера экологического страхования должна быть достаточно узкой и включать в себя обязательное страхование только объектов I и II категории. Данное предложение может быть учтено при разработке проекта Федерального закона «Об экологическом страховании». ■

Библиографический список:

1. Qingbiao D., Zijia P. Extenics-Based Evaluation of China's Insurance Ecological Environment // *Energy Procedia*. 2011. Vol. 5. P. 2604-2609.
2. Kimengsi J.N., Azibo B.R. How prepared are Cameroon's cocoa farmers for climate insurance? Evidence from the south west region of Cameroon // *Procedia Environmental Sciences*. 2015. Vol. 29. P. 117-118.
3. Харнахоева Л.А. Сравнительный анализ страхования экологической ответственности на примере страховых продуктов России и США // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2009. № 2. С. 20-23.
4. Вылегжанина Е.Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского союза: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 255 с.
5. Злобин С.В. Актуальные вопросы развития экологического предпринимательства в России // *Пробелы в российском законодательстве*. 2011. № 2. С. 126-130.
6. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Экологическое право: Учебник. М.: Юрайт, 2022. 428 с.
7. Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография / А.В. Габов, В.Н. Литовкин, О.В. Гутников и др. М.: Инфра-М, 2014. 320 с.
8. Ахвердян Э.С. Правовые аспекты внедрения института экологического страхования в Республике Армения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2016. 20 с.
9. Каратаев О.Г., Амелин Л.А. Экологическое страхование в Российской Федерации // *Журнал университета водных коммуникаций*. 2011. № 3. С. 141-146.
10. Игнатьева И.А. Экологическое страхование: содержание и возможности правового регулирования // *Государство и право*. 2005. № 11. С. 52-61.
11. Козлова О.Н., Хайдарова А.В. Экологическое страхование в системе защиты имущественных интересов и окружающей среды // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. Т. 2. № 4. С. 227-231.
12. Баскакова И.В. Гражданско-правовые средства обеспечения охраны окружающей среды: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
13. Фюттик И.Г. Страхование экологического риска в России и за рубежом // *Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции*. Энгельс, 2016. С. 81-87.
14. Цыганов А.А., Крутова Л.С. Перспективы имплементации экологического страхования в России // *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 3. С. 97-111.
15. Кванина В.В., Макарова Т.И. Системные проблемы в правовом обеспечении экологического страхования на федеральном и региональном уровнях // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2021. № 39. С. 159-173.

ЛАМПАДОВА С.С.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник
управления учебно-методической работы
Санкт-Петербургского университета МВД России
s.lampadova@mail.ru

УДК 342.95

ИНСТИТУТ КВОТИРОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ США)

Квота, иммиграция, долгосрочная миграция, трудовые мигранты, семейная миграция, вынужденная миграция, беженцы, селективная иммиграционная политика, вид на жительство, резидентство.

В статье рассматриваются отдельные проблемы отечественного механизма квотирования долгосрочной миграции. В целях поиска новых решений исследуются наиболее распространенные виды квот, применяемых в североамериканской иммиграционной политике. Анализируется опыт дифференцированного подхода к отбору иностранных трудовых мигрантов с акцентированием внимания на ключевых критериях отбора. Исследуются не применяемые в отечественной практике механизмы квотирования семейной миграции. Представляются селективные подходы к вынужденной миграции.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет два вида (режима) легального (законного) долгосрочного нахождения иностранных граждан в России: временное проживание и постоянное проживание. Этим же нормативным правовым актом установлено, что разрешение на временное проживание выдается иностранному гражданину в пределах квоты, ежегодно утверждаемой Правительством Российской Федерации. При этом с точки зрения закона, прибыл данный гражданин в Российскую Федерацию на основании визы или в безвизовом порядке, значения не имеет. Квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание формируется на основе предложений исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте федерации и его возможностей по обустройству иностранных граждан. Вместе с тем миграционное законодательство не содержит механизмов распределения квоты внутри субъекта Российской Федерации. Нормативно не закреплены критерии оценки иностранного гражданина с точки зрения целесообразности выделения ему квоты. Сложившееся положение обуславливает подчас неэффективное расходование квоты на временное проживание иностранных граждан и, как следствие, не способствует решению долгосрочных задач государственной миграционной политики Российской Федерации. В целях поиска путей решения обозначенной проблемы целесообразно обратиться к международному опыту и проанализировать механизмы обеспечения селективности долгосрочной миграции в государствах с богатой миграционной историей.

В качестве критериев селекции долгосрочной миграции в мировой практике в разные исторические периоды выделяются этническая принадлежность, законопослушность, состояние здоровья, финансовое благополучие, образованность (грамотность). Большинство стран придерживается матричного подхода, выстраивая систему требований, предъявляемых к конкретной категории иностранных граждан в зависимости от цели их въезда в страну. Она представляет собой своего рода шаблон, по которому сверяются качественные характеристики потенциального нового жителя страны. При соблюдении всех условий (совпадении с матрицей) государство (Германия, США, Франция¹) санкционирует проживание иностранного гражданина на своей территории. Принцип такого селекционного отбора можно сформулировать

¹ См. об этом подробнее: Петелин Б.В., Кожевников В.В. Особенности миграционной политики ФРГ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 72-74; Корьякина Е.Ю. Особенности миграционной политики Германии на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015.

следующим образом: «Иммигрировать можно всем, кому не запрещено».

Такой способ управления миграцией эффективен в отношении конкретных ее видов. При бизнес-иммиграции (инвестиционной) необходимость осуществлять отбор кандидатов, их ранжирования не проводится. Это вид миграции можно назвать единичным. Ощутимые экономические выгоды заставляют в таких случаях государство ограничиваться контролем за соответствием кандидата формальным, как правило, финансовым, требованиям. Не представляется возможным выстраивание рейтингов кандидатов на переселение в рамках семейной или вынужденной миграции. С правовой точки зрения каждый имеет право на защиту жизни и здоровья, на воссоединение семьи. Эти права принадлежат всем в равной степени. И при условии принятия решения о признании лица, находящимся в статусе вынужденного или семейного иммигранта, ему гарантируется резидентство.

Среди государств с традиционной системой селекционной иммиграции особо выделяются Соединенные Штаты Америки. США по праву считаются государством с богатейшей миграционной историей. Американское законодательство о миграции формировалось на протяжении нескольких столетий. В разные времена последовательно наращивались ограничительные меры в отношении миграции в страну. На смену им приходили периоды так называемой «оттепели».

В конце XIX века впервые в США принимается закон, запрещающий въезд в страну китайским рабочим [1, с. 106-107]. Позднее список нежелательных этнических групп пополняется индейцами и японцами. В Законе о квотах устанавливались ограничения на количество принимаемых в год иностранных граждан в отдельности по каждой этнической группе. В середине прошлого века, когда миграция уже рассматривается не столько как угроза национальной безопасности, сколько как механизм обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, принимается ряд законов, поощряющих национальную миграцию. Так, Закон о привлечении брасеро предусматривал финансовую поддержку штатам в целях поощрения трудовой миграции мексиканцев [2, с. 73]. В дальнейшем поощрительные меры устанавливаются в отношении ранее признававшихся «нежелательными» китайских мигрантов. Они приобретают право на получение американского гражданства вне квот и ограничений.

В XIX веке был принят акт, в котором сформулированы ограничения на въезд в США для отдельных категорий лиц. К таковым относились преступники, мигранты, больные инфекционными и другими тяжелыми заболеваниями. Под ограничения попали также иностранные граждане, неспособные подтвердить наличие средств к существованию на новом месте проживания.

Наиболее тяжело в миграционное законодательство США входили нормы, устанавливающие требования, касающиеся грамотности иностранных граждан. Несмотря на неоднократные законодательные инициативы, эти предложения отклонялись главой государства вплоть до начала XX века.

Тенденции отбора, прочно укоренившиеся в современном американском законодательстве, берут начало в Законе об иммиграции и национальности 1952 года. В нем были зафиксированы квоты для разных категорий иммигрантов [3]. Подчеркивалось, что преимуществом обладают переселенцы - близкие родственники граждан США и высококвалифицированные специалисты. Аналогичный закон 1990 года окончательно сформулировал правила миграции в США, действующие по настоящее время. В нем получил закрепление принцип этнического разнообразия. Его суть сводится к особым предпочтениям для представителей редких для Соединенных Штатов этнических групп переселенцев.

В связи с этим интересна введенная в действие в 1990 году лотерея миграционных виз США. Следует отметить, что это не первый опыт решения общегосударственных задач откровенно популистскими методами. Аналогично в XIX веке, согласно «Хомстед акта», сельскохозяйственные земли периодически передавались государством в свободный оборот за символическую цену в 18 долларов. Для того чтобы получить такой участок, соискателю требовалось оказаться удачливее других. Необходимо было первым по сигналу занять участок, обозначив свое владение воткнутой в землю флагом.

Современная визовая лотерея направлена на привлечение в страну иностранных граждан из стран с незначительным уровнем эмиграции в США. Участвовать в лотерее могут лица, происходящие из страны, из которой в Соединенные Штаты за последние пять лет в совокупности эмигрировало менее пятидесяти тысяч человек. Иностранному гражданину, кроме того, должен иметь среднее образование или два года опыта работы по профессии, по которой требуется более двух лет подготовки. Представителем одного и того же географического региона присваивается специальный код. Это делается для того, чтобы жители каждого региона соревновались лишь друг с другом, а не с жителями других географических зон, за то количество виз, которое отводится именно их региону. Компьютерная программа методом случайного распределения ежегодно выбирает из числа соискателей пятьдесят пять тысяч человек, получающих визы для постоянного проживания в США в качестве лотерейного приза [4]. Благодаря лотерее Соединенные Штаты сохраняют авторитет полиэтнического государства, развивают непопулярную миграцию и создают вокруг институтов резидентства и гражданства США «ореол мечты», желанного приза, что, безусловно, способствует миграционной привлекательности страны.

№ 3 (63). Т. 2. С. 124-128; Коробков А. Миграционная политика США: уроки для России // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. С. 27-40; Цапеко И.П. Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (5). С. 101-129; Стрельцова Я. Современная миграционная политика Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 8. Т. 64. С. 119-126. Саркисян Ж.М. Современные миграционные тенденции во Франции // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 302-311.

Лотерея - нетрадиционный, можно сказать, исключительный, способ отбора мигрантов для проживания в США. Общими основаниями для получения статуса резидента являются родственные связи с гражданами или резидентами Соединенных Штатов, устройство на постоянную работу, получение убежища. Как правило, по каждому из оснований получения разрешения на проживание в США устанавливаются квоты. Подтверждение перечисленных статусов требует от соискателя серьезной подготовки, предусматривающей прохождение промежуточных стадий легализации, которые, в свою очередь, также предполагают селекцию и квотирование. Несмотря на то, что институт квотирования семейной миграции не может рассматриваться как механизм селекции, интересна практика его применения с точки зрения возможности имплементации в российскую миграционную политику, основывающуюся на квотировании по некоторым направлениям ее реализации.

В долгосрочной иммиграционной политике США делают ставку на международный принцип поощрения воссоединения семей. В целях расстановки приоритетов количество выдаваемых по данному основанию разрешений на проживание и сроки варьируются в зависимости от степени родства.

К группе первой степени родства относятся совершеннолетние дети гражданина США в возрасте от двадцати одного года и старше. Для этой категории лиц ежегодно выдается двадцать три тысячи четыреста виз на постоянное проживание. Срок ожидания такой визы составляет от года до пяти лет.

Группу второй степени родства образуют близкие родственники (супруги, малолетние дети, не состоящие в браке дети в возрасте до 21 года) резидента США (законно постоянно проживающего в стране лица). Это наиболее многочисленная категория семейной миграции. Для таких лиц ежегодно предусмотрена выдача почти восьмидесяти тысяч виз. Сроки ожидания, как правило, варьируются от года до четырех лет.

В группу третьей степени родства включены состоящие в браке дети граждан США. Аналогично первой категории ежегодно таким иностранцам выдается до двадцати трех тысяч четырехсот виз на постоянное проживание. Сроки ожидания этих виз достигают десяти лет [4].

Группу четвертой степени родства составляют сестры и братья гражданина США в возрасте старше 21 года, их супруги и несовершеннолетние дети. Количество ежегодно выделяемых по этому основанию виз достаточно велико - до шестидесяти тысяч. Однако желающих получить такие визы настолько много, а процедуры подтверждения родства столь сложны, что сроки ожидания оказываются весьма продолжительными - до десяти лет.

Примечательно, что неиспользованные в той или иной категории квоты могут перераспределяться среди мигрантов других групп.

Следует подчеркнуть, что установленные ограничения касаются лишь некоторых конкретных категорий родственников. Они не затрагивают долгосрочную иммиграцию прямых родственников граждан США, к числу которых относятся супруги, не состоящие в браке дети в возрасте до 21 года,

родители взрослых детей, являющихся гражданами США, вдовы и вдовцы граждан США.

Для семейной долгосрочной миграции принципиальным является наличие ходатайства от родственника (спонсора).

Характеризуя механизм квотирования семейной миграции в США, отметим, что он не предполагает дифференциацию или какой-либо рейтинг внутри каждой конкретной группы. Очередь из кандидатов на получение визы на постоянное проживание формируется по мере подачи ими и рассмотрения уполномоченными органами пакета документов, предусмотренных законодательством. Если решение положительное, а квота на текущий год по данной категории родства израсходована, то соискателям, согласно очередности, может быть предоставлена виза на постоянное проживание посредством перераспределения квот из другой категории родства либо позднее. Таким образом, в данной категории долгосрочной миграции дифференцировать механизм расходования квот не представляется возможным. С точки зрения семейной миграции все соискатели в своей категории родства равны и рано или поздно получают визу на постоянное проживание. В период ожидания получения визы им необходимо уведомлять миграционные органы об изменении своих персональных данных, а также обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность постоянного проживания на территории США. Отслеживать продвижение очередности получения визы соискатели могут по публикациям в журнале «Визовый бюллетень» Государственного департамента США.

Рассматривая критерии отбора в рамках трудовой миграции в США, следует отметить, что иностранный гражданин имеет право работать в стране при наличии визы. Рабочие визы делятся на временные и постоянные. Временная виза, как правило, выдается по ходатайству работодателя и позволяет работать только у него. По окончании срока действия временной визы иностранец должен покинуть страну. В отличие от временной трудовой визы постоянная дает право получения вида на жительство, а в последствии ходатайствовать о приобретении гражданства.

Механизм выдачи постоянной рабочей визы в США связан с квотированием. Количество выдаваемых разрешительных документов для всех категорий таких лиц не может превышать сто сорок тысяч в год. Примечательно, что совокупная квота виз семейной миграции составляет около двухсот тысяч в год, что свидетельствует о большей ориентации американской миграционной системы на адаптированную миграцию.

На стадии оформления документов соискатель визы должен подтвердить намерение работодателя нанять его на работу (приглашение, договор и т.д.). От обязанности подтверждать наличие потенциального работодателя освобождаются иностранные граждане, трудовая деятельность которых осуществляется в сферах, имеющих особое значение для реализации национальных интересов США. К числу таковых законодательство относит: развитие экономики; улучшение условий труда и занятости населения; улучшение образования детей и взрос-

LAMPADOVA S.S.,
PhD in Juridical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Educational and
Methodological Work
of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

THE INSTITUTION OF QUOTING AS AN INSTRUMENT OF MANAGING MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF THE USA)

**Quota, immigration,
long-term migration,
labor migrants, family
migration, forced
migration, refugees,
selective immigration
policy, residence
permit, residency.**

The article deals with certain problems of the domestic mechanism for quoting long-term migration. In order to find new solutions, the most common types of quotas used in North American immigration policy are examined. The experience of a differentiated approach to the selection of foreign labor migrants is analyzed with a focus on key selection criteria. The mechanisms for quoting family migration that are not used in domestic practice are studied. Selective approaches to forced migration are presented.

лых; создание комфортных жилищных условий для молодежи, безработных, бедных и пенсионеров; улучшение экологии государства. Впоследствии такой переселенец не «привязан» к конкретному работодателю и в случае потери работы не обязан покидать территорию страны.

Важным моментом в процедуре получения визы является прохождение согласования в Департаменте труда. На этом этапе проводится проверка на предмет выявления кандидатов на вакансию из числа граждан США или иностранных граждан, уже постоянно проживающих на территории государства. Так же, как и в Российской Федерации, в Соединенных Штатах имеется список приоритетных профессий, в представителях которых в первую очередь нуждается экономика страны. Кандидат, намеревающийся устроиться на работу по специальности, входящей в этот список, освобождается от обязанности проходить согласование в Департаменте труда.

Кроме того, в рамках рассмотрения ходатайств о предоставлении постоянных трудовых виз преимуществом обладают и некоторые другие иностранные граждане, в первую очередь относящиеся к категории неординарных личностей, достигшие значительных высот в бизнесе, науке, образовании, спорте или искусстве. Поощрение данного вида миграции способствует усилению авторитета США в научной, культурной, спортивной сферах.

Вместе с тем законом поощряется иммиграция в США лиц, имеющих степень магистра; обладающих исключительными способностями (лица, достижения которых не могут рассматриваться как выдающиеся, но явно выделяющиеся среди равных); получивших диплом бакалавра на территории США (в зависимости от времени получения); служащих культуры; инвесторов (для данной категории установлено требование о вложении в американскую экономику от пятисот тысяч до миллиона долларов США). Об исключительных способностях иностранного гражданина могут свидетельствовать: высокий уровень образования; наличие научных трудов; награды за достижения в области профессиональной деятельности. В качестве доказательств исключительных способностей властями, как правило, рассматриваются: рекомендательные письма от организации, в которой работал заявитель; дипломы и свидетельства о полученном образовании; лицензия, дающая право работать в выбранной профессиональной области; сведения о повышенной зарплате; членство в творческих союзах и объединениях; свидетельства признания заслуг в развитии искусства или других областях деятельности [4].

Следует также упомянуть, что преимущество предоставляется не любому инвестору. Действие льготных условий распространяется на предпринимателей, вкладывающих средства в аграрный сектор либо в развитие предприятий, находящихся в кризисных с точки зрения экономики регионах. Дополнительным требованием к деятельности такой категории лиц является создание не менее десяти рабочих мест для представителей постоянного населения страны.

Серьезным потенциалом в обеспечении селективности долгосрочной миграции обладает образовательная миграция. Само по себе обучение в образовательных организациях США дает право лишь на получение на период учебы временной визы. Вместе с тем по окончании срока ее действия (не ранее чем через год и не позднее чем через три года) иностранный гражданин, получивший образование в Соединенных Штатах, имеет право подать заявку на получение статуса постоянного резидента [5]. Образовательная миграция, и это признается всеми странами, обладает серьезнейшим потенциалом в решении миграционных, демографических и социально-экономических проблем. Остающиеся в государстве по окончании обучения студенты полностью адаптированы с точки зрения имеющегося образования к местным условиям и наиболее характерным для экономики сферам производства, что способствует обеспечению рынка труда квалифицированной рабочей силой. Немаловажным аспектом является и то, что за период обучения они уже освоились в окружающем их социуме и не нуждаются в дополнительных мерах адаптации и социальной поддержки.

Самостоятельным основанием получения разрешения на постоянное проживание на территории США является признание беженцем. Ежегодно Президент Соединенных Штатов утверждает количественные

показатели для принимаемых в стране беженцев. При Р. Рейгане в 80-е годы прошлого века квота на прием беженцев достигала двухсот семнадцать тысяч человек в год. При президентах Дж. Буше-младшем и Б. Обаме такие квоты колебались от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек в год. В 2016 году в США по этой программе перебравшись почти девяносто пять тысяч человек¹. В 2018 году, по информации Государственного департамента США, из трехсот десяти тысяч заявок одобрено было не более тридцати тысяч при законодательно установленной годовой квоте в сорок пять тысяч². В 2019 году квота составила тридцать тысяч человек. На 2022 год лимит приема беженцев в США был увеличен с шестидесяти двух с половиной тысяч до ста двадцати пяти тысяч человек³.

Примечательно, что, помимо общей квоты на переселение беженцев, существуют и лимиты, устанавливаемые для каждого мирового региона отдельно. В 2016 году 51% квоты был выделен странам Южной Азии; 28% - Африки; 14% - Восточной Азии; 4% - Европы и Центральной Азии; 3% - Латинской Америки и Карибского бассейна. В 2018 году лимиты такого рода для регионов с наибольшей вынужденной миграцией были перераспределены. Доля квоты для страны Южной Азии была уменьшена до 39%, а для стран Африки увеличена до 42%⁴.

Сам по себе статус беженца автоматически не ведет к предоставлению разрешения на постоянное проживание. Однако представители данной миграционной группы могут претендовать на право постоянного жительства в США спустя год после получения разрешения на въезд в качестве беженца.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в Соединенных Штатах достаточно активно используется механизм квотирования долгосрочной миграции. К соискателям статуса резидента предъявляются жесткие требования, предусматривающие документальное подтверждение соответствия им и длительные проверки. После прохождения всех необходимых процедур потенциальный переселенец становится в очередь за искомой квотой. Как такового ранжирования списков соискателей законодательством США не предусмотрено. Вместе с тем существует ряд категорий лиц, для которых установлено «преимущественное право получения разрешения на проживание».

Селекционный механизм применяется в стране исключительно в сфере экономической миграции.

Несмотря на богатый опыт Соединенных Штатов в сфере управления процессами переселения, селективную миграционную политику американского государства тем не менее нельзя назвать стабильной. В 2017 году администрация Президента США в очередной раз обратилась к вопросам обосуждения миграционной повестки.

Среди существенных изменений в миграционной политике, произошедших в последнее время, можно упомянуть ограничение на въезд в страну для жителей ряда стран. В этот список вошли граждане Ирана, Йемена, Ливии, Сирии, Сомали, КНДР, Чада, а также некоторые категории граждан Венесуэлы [3]. Официальным предлогом введения таких ограничений названа необходимость обеспечения национальной безопасности государства. На самом деле за таким решением усматривается мотив оказания политического давления на перечисленные страны. В связи с этим рассматривать данное решение как способ обеспечения селективности миграции объективно невозможно.

Осознавая уникальность североамериканской системы квотирования иммиграции, следует все же усомниться в возможности ее использования в российских реалиях. Россия исторически сложилась как многонациональное государство. В этих условиях представляется невозможным выстроить систему, основывающуюся на поощрении или ограничении иммиграции представителями отдельных народов (наций). Вместе с тем имеется возможность оценить потенциал организованного отбора иностранных граждан, желающих получить статус временно проживающего на территории Российской Федерации лица, посредством установления четких критериев такого отбора. Перспективной видится также идея формирования «листа ожидания квоты» из иностранных граждан, ходатайствующих о получении разрешения на временное проживание на территории Российской Федерации. Этот механизм устранил существующую сейчас стихийность в распределении квот, придаст отечественной миграционной политике более управляемый и системный характер. ■

Библиографический список:

1. Гарусова Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 104-117.
2. Божко Л.П. Зарубежная практика регулирования межрегиональной трудовой мобильности // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 72-74.
3. Апанович М.Ю., Пареньков Д.А. Иммиграционная политика США: история развития вопроса // URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Рассказова Л. Закон США для новых иммигрантов. Как иммигрировать и жить в США. М., 1998.
5. Иванов М.М. США: правовое регулирование иммиграционного процесса (условия и процедуры приобретения статуса постоянного жителя США). М.: Международные отношения, 1998.

¹ США не будут предоставлять статус беженца жертвам бытового насилия и преступности // Официальный сайт ТАСС. 12.06.2018 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5284252>.

² США в полтора раза снизит квоту на прием беженцев // Коммерсант. 18.09.2018 // URL: <https://www.kommersant.ru/archive/apps/77/47?intervalttype=4&date=2018-09-18>.

³ Президент Байден намерен увеличить квоту на переселение беженцев в США // Официальный сайт ООН. 21.09.2021 // URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1410272>.

⁴ Информация с официального сайта Службы гражданства и иммиграции США // URL: <https://www.uscis.gov/>.

БАЛАНДИН А.А.,

старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
alexseibalandin91@mail.ru

УДК 351.74+37.018.46

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОХРАННО-КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ПРИМЕНЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ В СИТУАЦИЯХ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Полиция, подразделения охраны и конвоирования, профессиональная подготовка полицейских, физическая подготовка, ситуационное обучение, ситуационный метод, типовая ситуация.

Деятельность сотрудников подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых непосредственно связана с применением физической силы. В настоящее время недостаточно полно изучены средства, методы и формы обучения сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции эффективному применению физической силы в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Целью исследования, некоторые результаты которого излагаются в статье, является разработка и апробация технологии такого обучения, основанной на использовании комплекса типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников указанных подразделений.

В своей профессиональной служебной деятельности сотрудники подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых (далее - ОиКПиО) при осуществлении задач, связанных с содержанием, охраной и конвоированием задержанных или заключенных под стражу лиц, часто сталкиваются с необходимостью применения физической силы и специальных средств. Статистика свидетельствует, что в 2021 году физическая сила и специальные средства сотрудниками указанных подразделений применялись в 2319 случаях, сотрудниками патрульно-постовой службы полиции - в 1165 случаях, сотрудниками по контролю за оборотом наркотиков - в 710 случаях. В большинстве случаев (92%) сотрудниками ОиКПиО применялись средства ограничения подвижности (наручники БР-С).

Повседневная служебная деятельность, связанная с непосредственным взаимодействием со «спецконтингентом» (подозреваемыми и обвиняемыми), требует от сотрудника охранно-конвойных подразделений полиции высокого уровня физической и моральной подготовки, поскольку в любой момент со стороны подозреваемого (обвиняемого) может возникнуть угроза нападения на полицейского, может быть совершена попытка побега либо завладения табельным оружием. При возникновении таких экстремальных ситуаций сотрудник ОиКПиО должен уметь незамедлительно применить свои профессиональные навыки, физическую силу и специальные средства.

Стоит подчеркнуть, что специфика деятельности сотрудников подразделений ОиКПиО связана с применением физической силы и специальных средств в условиях ограниченного пространства (например, в специализированном автомобиле для перевозки подозреваемых и обвиняемых, на лестничном марше здания суда, в помещении камерного блока изолятора временного содержания и т.д.). Применяя боевые приемы в таких условиях, необходимо существенно корректировать технику их выполнения: перемещения при защите от атакующих действий становятся менее свободными, расслабляющие удары - менее амплитудными. Кроме того, достаточно сложно спрогнозировать развитие ситуации при нападении на сотрудника полиции, для того чтобы применить наиболее эффективные меры для отражения такого нападения с использованием физической силы и специальных средств.

В связи с этим и с учетом специфики служебной деятельности сотрудников подразделений ОиКПиО возникает необходимость в разработке технологии их профессионального обучения, способствующей эффективному совершенствованию специальных двигательных умений и навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы.

Отметим, что образовательные технологии широко применяются для практико-ориентированной подготовки специалистов в различных странах мира. Одни исследователи считают, что использование образовательных технологий, в частности информационных и коммуникативных, должно быть обязательным в образовательном процессе высшей

школы¹. Другие ученые обосновывают необходимость замены вербального подхода к обучению интерактивным обучением².

В педагогической науке термин «технология» в 50-х годах XX века был заимствован из сферы промышленного производства, где обозначал наиболее эффективный способ изготовления продукции. В то время педагогическая технология заключалась в использовании в образовательном процессе аудиовизуальных средств. Затем смысл данного понятия постепенно изменялся: программное обучение (1960-е годы), заранее подготовленный учебный процесс с гарантированным результатом (четко поставленные цели) (1970-е годы), использование информационных технологий обучения (1980-е годы) [1, с. 15]. Сегодня в педагогической науке технология обучения характеризуется совокупностью специальных форм, методов, способов и приемов обучения, способствующих наиболее эффективному достижению результата.

На сегодняшний день профессиональное обучение сотрудников подразделений ОиКПиО осуществляется по основным программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», в соответствии с которой на освоение дисциплины «Физическая подготовка» отводится 70 часов аудиторной работы под контролем преподавателя и 20 часов самостоятельной работы слушателя. Отведенное время позволяет лишь сформировать у обучающихся умения демонстрировать технику выполнения боевых приемов борьбы в спортивном зале без привязки к ситуации оперативно-служебной деятельности. Сформировать у них навык применения физической силы и боевых приемов борьбы за такой короткий период обучения практически невозможно.

На основании вышеизложенного нами была сформулирована проблема, которую необходимо решить в рамках научного исследования. Это противоречие между необходимостью эффективного формирования у сотрудников подразделений ОиКПиО навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности и недостаточной разработанностью технологии обучения, которая в условиях дефицита учебного времени обеспечивала бы эффективное формирование навыка применения физической силы и боевых приемов борьбы.

На наш взгляд, для решения обозначенной проблемы в рамках учебно-тренировочного процесса первоначальной подготовки слушателей необходимо использовать технологию ситуативного обучения. Такое обучение ориентировано на «погружение» слушателей в конкретную ситуацию, максимально приближенную к ситуациям служебной деятельности, с целью практического применения полученных ранее теоретических знаний. В основе ситуативного обучения лежит ситуационный метод, или метод ситуационного моделирования. Исходя из проблемы исследования, нами была сформулирована его цель - разработка и апробация технологии

обучения на основе использования комплекса типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников подразделений ОиКПиО.

В настоящее время поиску эффективных форм, средств и методов совершенствования навыков применения физической силы и специальных средств посвящается значительное количество научных работ. Так, В.Ф. Лигута, В.С. Кшевин и В.А. Серебряников в результате своего исследования, проведенного на основе социологического опроса, выявили необходимость освоения и совершенствования сотрудниками охранно-конвойной службы навыков применения боевых приемов борьбы в условиях ограниченного пространства [2, с. 130]. Е.И. Троян теоретически обосновывает эффективность использования в процессе обучения сотрудников охранно-конвойной службы боевым приемам борьбы комплексных занятий на основе внутривидеоматериала в условиях специализированных учебных полигонов [3, с. 239]. Н.А. Алексеевым, Н.Б. Кутергиным, П.Н. Войновым, П.Н. Воротиным предложено использовать в рамках подготовки полицейских комплексные учения, организованные по схеме «преступник - сотрудник», с целью отработки приемов задержания в условиях ограниченного пространства [4, с. 36]. О.А. Мальцева указывает на необходимость внедрения в процесс обучения сотрудников органов внутренних дел профессионально-ориентированных технологий, способствующих формированию у сотрудников профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей [5, с. 88]. Е.И. Витютнев и Р.С. Ахметов обосновывают необходимость междисциплинарной интеграции дисциплин физическая подготовка, тактико-специальная подготовка и административная деятельность с целью эффективного формирования профессиональных компетенций будущих сотрудников полиции [6, с. 52].

В связи со сменой образовательной парадигмы - от формально-знаниевой к личностно-деятельностной, в основе которой лежит компетентностный подход, - в ведомственной педагогике все чаще предлагается использовать в ходе учебно-тренировочного процесса по физической подготовке практико-ориентированные, активные методы обучения, направленные на формирование навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы. При этом многие исследователи практико-ориентированного подхода к обучению сотрудников органов внутренних дел считают наиболее эффективным методом совершенствования навыков применения физической силы ситуационный метод. Так, В.А. Синянский, Р.В. Романов и С.В. Кравцов теоретически доказывают эффективное влияние метода ситуационного моделирования на формирование профессиональных компетенций будущих полицейских [7, с. 169]. А.В. Малиновский, О.В. Красилов и С.В. Мананников приходят к выводу о том, что использование в рамках прикладной физической подготовки сотрудников полиции ме-

¹ См., например: Stošić L. The importance of educational technology in teaching. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2015. Т. 3. № 1. P. 111-114.

² См., например: Arbona Xhemajli. The role of the teacher in interactive teaching. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2016. Т. 4. № 1. P. 31-38.

тогда ситуационного моделирования повышает эффективность формирования навыков правомерного применения полицейскими физической силы в экстремальных ситуациях [8, с. 303]. Е.И. Троян, В.А. Богданова и В.В. Насонов теоретически и практически обосновывают эффективность применения ситуационного метода в физической подготовке сотрудников полиции [9, с. 180]. Однако, на наш взгляд, возможности применения ситуационного метода в рамках обучения сотрудников подразделений ОиКПиО исследованы далеко не в полном объеме.

В результате анализа и обобщения материалов научных источников, содержащих сведения об эффективных средствах и методах обучения применению физической силы, а также практического опыта профессионально-служебной деятельности сотрудников рассматриваемой должностной категории нами были выявлены наиболее часто случающиеся в служебной их деятельности ситуации, связанные с необходимостью применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы:

1) пресечение осуществления подозреваемым (обвиняемым), находящимся в защитной кабине в зале судебных заседаний, попытки членовредительства;

2) пресечение попытки суицида подозреваемого (обвиняемого), находящегося в помещении камерного блока;

3) пресечение неповиновения требованиям сотрудников подразделений ОиКПиО о выходе подозреваемого (обвиняемого) из специализированного автомобиля типа «А3»;

4) пресечение нападения подозреваемого (обвиняемого) на сотрудника подразделения ОиКПиО при конвоировании на лестничном марше в здании суда;

5) пресечение попытки побега подозреваемого (обвиняемого) при конвоировании;

6) пресечение группового нападения подозреваемых (обвиняемых) на сотрудника подразделения ОиКПиО в помещении камерного блока.

С учетом этого нами был сформирован учебный комплекс типовых ситуаций применения физической силы. Данный комплекс положен в основу технологии обучения сотрудников подразделений ОиКПиО применению физической силы. В комплексном задании, моделирующем применение сотрудниками физической силы и боевых приемов борьбы, типовые ситуации выстраивались по принципу от более простой - к более сложной. Комплексное задание сформировано из трех типовых ситуаций.

Ситуация 1. Применение физической силы и боевых приемов борьбы при невыполнении лицами, совершившими преступление, требований конвоя о выходе из специального автомобиля для перевозки лиц, совершивших преступление.

Место проведения: учебно-тренировочная площадка «Оперативно-служебный автомобиль типа «А3» для перевозки подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Фабула ситуации: подозреваемый (обвиняемый) отказывается выходить из служебного автомобиля типа «А3».

Задача: вывести подозреваемого (обвиняемого) из автомобиля с целью сопровождения его в зал судебного заседания.

Действия сотрудника:

1. Под болевым воздействием на правую руку (вариант скручивания руки внутрь) вывести подозреваемого (обвиняемого).

2. Ограничить свободу его перемещения и приготовить к сопровождению его в зал судебного заседания под воздействием болевого приема.

Ситуация 2. Пресечение нападения подозреваемого (обвиняемого) на сотрудника подразделения ОиКПиО при конвоировании на лестничном марше в здании, в котором располагается зал судебных заседаний.

Место проведения: лестничный марш учебного полигона «Изолятор временного содержания».

Фабула ситуации: сотрудники полиции конвоируют подозреваемого (обвиняемого). Пройдя лестничную площадку, подозреваемый (обвиняемый) бьет ударом ногой назад в живот сотрудника полиции и пытается ударить рукой сотрудника, находящегося рядом.

Задача: используя болевые приемы на локоть подозреваемого (обвиняемого), прижать его к стене и ограничить свободу его перемещения; взаимодействуя, сопроводить подозреваемого (обвиняемого) в защитное ограждение в зале судебного заседания.

Действия сотрудников:

1. Сотруднику (оцениваемому), находящемуся сбоку от подозреваемого (обвиняемого), после удара подозреваемого (обвиняемого) ногой назад по сотруднику, идущему сзади, быстро выполнить болевое воздействие на ближайшую руку подозреваемого (обвиняемого) и прижать его к стене.

2. Сотруднику, идущему сзади, оказать помощь в задержании и сопровождении.

Ситуация 3. Пресечение группового нападения подозреваемых (обвиняемых) на сотрудника подразделения ОиКПиО в помещении камерного блока.

Место проведения: камерный блок специального учреждения для содержания лиц, совершивших преступление или административное правонарушение, на учебном полигоне «Изолятор временного содержания».

Фабула ситуации: в камере находятся три подозреваемых (обвиняемых). Один из них ложится на пол, имитируя боль в животе, и зовет сотрудников полиции, просит оказать ему помощь. В момент, когда в камеру входит полицейский, двое подозреваемых (обвиняемых) начинают бить его руками и ногами.

Задача: используя боевые приемы борьбы, защититься от нападения во взаимодействии с подоплевыми на помощь сотрудниками; используя болевые приемы ограничить свободу передвижения подозреваемых (обвиняемых), сковать их наручниками.

Действия сотрудников:

Сотруднику, подвергнутому нападению, в единоборстве с подозреваемыми (обвиняемыми) использовать следующие тактические приемы: по возможности отбить удары ближайшего противника и, не вступая с ним в единоборство, переместиться

Таблица 1.

Ранжирование результатов представителей КГ и ЭГ в начале эксперимента

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8			2,3		3		3,3		3,3		3,6	4		4	4,3
Контр. гр.	7	2	2,3		2,6		3,3		3,3		3,6			4		
Rэ				2,5		5		7,5		8,5		10,5	12		13,5	15
Rк		1	2,5		4		7,5		8,5		10,5			13,5		

Таблица 2.

Ранжирование результатов представителей КГ и ЭГ в конце эксперимента

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8								8,6	8,6	9	9,3	9,3	9,7	10	10
Контр. гр.	7	4,3	4,3	4,6	5	5	5,3	5,3								
Rэ									8	9	10	11	12	13	14	15
Rк		1	2	3	4	5	6	7								

к дальнему нападающему и неожиданно для него атаковать ударом рукой в голову или ногой в живот; продолжая перемещаться, рывком за одежду или руку развернуть дальнего правонарушителя так, чтобы он оказался между сотрудником и первым нападающим; толкнуть ближнего нападающего на дальнего, после чего сразу же выполнить удар рукой в голову или ногой в живот дальнего нападающего.

В ходе исследования в работе с испытуемыми экспериментальной группы использовалась технология обучения, основанная на ситуационном методе, сущность которой заключается в обучении слушателей технике боевых приемов борьбы, адаптированной под конкретную смоделированную типовую ситуацию служебной деятельности и состоящей из элементов освоенных ранее базовых боевых приемов борьбы. Данная технология обучения позволила реализовать основные принципы формирования навыков применения боевых приемов борьбы: объем повторения и вариативность выполнения. Для эффективной реализации ситуационного метода решение комплекса типовых ситуаций осуществлялось на специализированных полигонах в условиях, максимально приближенных к условиям реального несения службы.

Апробация комплекса типовых ситуаций осуществлялась с июля по октябрь 2022 года на практических занятиях со слушателями курса профессиональной подготовки сотрудников охранно-конвойной службы, проходивших обучение в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России. В пилотном эксперименте принимали участие 15 слушателей мужского пола в возрасте до 25 лет, которые путем случайной выборки были распределены по двум группам: 7 - в контрольную группу (далее - КГ), 8 - в экспериментальную группу (далее - ЭГ).

С целью выявления исходного уровня владения навыками применения боевых приемов борьбы испытуемые были протестированы по освоенным ими темам дисциплины «Физическая подготовка»: «Болевые приемы», «Освобождения от захватов и обхватов», «Защита от ударов». Навыки, приобретаемые в результате освоения этих тем, наиболее актуальны при действиях полицейских в ситуациях, свойственных их служебной деятельности. Эффективность владения навыками применения боевых приемов борьбы оценивалась в баллах по шкале от 1 до 10 комиссией из трех преподавателей.

По итогам исходного тестирования средний балл представителей ЭГ составил 3,47, у представителей КГ он оказался ниже - 3,01. Полученные баллы были проранжированы в общем ряду в возрастающем порядке, каждому баллу был присвоен соответствующий ранг (ме-

BALANDIN A.A.,
Senior Lecturer of the
Department of Physical
Training of Employees of the
Internal Affairs Bodies of the
Tyumen Institute for Advanced
Training of Employees of the
Ministry of Interior of Russia

**TECHNOLOGY FOR
TRAINING EMPLOYEES
OF SECURITY AND
ESCORT POLICE UNITS
IN THE USE OF PHYSICAL
FORCE IN SITUATIONS
OF OFFICIAL ACTIVITY**

**Police, security and escort
units, police training,
physical training, typical
situation, situational training,
situational method.**

The activities of the officers of the subdivisions for the protection and escort of suspects and accused are directly related to the use of physical force. At present, the means, methods and forms of training employees of the security and escort police units on the effective use of physical force in situations of operational activities have not been fully studied. The purpose of the study, some of the results of which are presented in the article, is to develop and test the technology of such training, based on the use of a set of typical situations of operational activities of employees of these departments.

сто). При определении суммы рангов (мест) в КГ получено значение 47,5, в ЭГ - 74,5. Для установления достоверности различий в группах мы сравнили наименьшую сумму рангов (47,5) с табличным значением Т-критерия Уайта для количества испытуемых контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_э = 8$) при 5% уровне значимости (38) и выявили, что на данном этапе группы однородны, уровень владения навыками применения боевых приемов борьбы в группах практически одинаков (см. таблицу 1).

После выявления исходного уровня владения навыками применения физической силы и боевых приемов борьбы в работе с испытуемыми ЭГ в рамках учебно-тренировочного процесса использовался разработанный нами комплекс типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности. В свою очередь, слушатели КГ обучались по стандартной общепринятой методике проведения занятий. Для выявления эффективности применения ситуационного метода в учебно-тренировочном процессе слушателей ЭГ, а также установления уровня различий в формировании навыков применения боевых приемов борьбы в конце эксперимента нами было проведено итоговое тестирование представителей обеих групп. На итоговом тестировании средний балл, рассчитанный на основании оценок, полученных представителями ЭГ за выполнение боевых приемов борьбы в типовых ситуациях служебной деятельности, оказался равным 9,31. Представители КГ прошли это испытание со средним баллом 4,82. Полученные результаты свидетельствуют о повышении уровня владения навыками применения боевых приемов борьбы как в

контрольной, так и в экспериментальной группе. После ранжирования полученных баллов в возрастающем порядке и присвоения соответствующих рангов (мест) была вычислена сумма рангов в КГ и ЭГ. При суммировании рангов (мест) в КГ получено значение 28, в ЭГ - 92 (см. таблицу 2).

Для установления достоверности различий мы сравнили наименьшую полученную сумму рангов с известным табличным значением Т-критерия Уайта для имеющегося количества испытуемых ($n_k = 7$ и $n_э = 8$) при уровне значимости 5%. Установлено, что сумма рангов (28) меньше табличного значения (38). Отсюда следует, что выявленные различия в уровне сформированности навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы между группами являются достоверными.

Таким образом, в результате исследования нами было установлено, что использование в учебно-тренировочном процессе комплекса типовых ситуаций служебной деятельности эффективно влияет на развитие и совершенствование навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности полиции, а следовательно, обеспечивает оптимальную и качественную подготовку квалифицированных сотрудников подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, способных эффективно действовать в экстремальной ситуации. В дальнейшем планируется разработка и апробация комплексов типовых ситуаций служебной деятельности, связанных с применением сотрудниками указанных подразделений не только физической силы и боевых приемов борьбы, но и специальных средств. ■

Библиографический список:

1. Троян Е.И. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел к комплексным силовым действиям в оперативно-служебных ситуациях: Монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019. 84 с.
2. Лигута В.Ф., Кшевин В.С., Серебрянников В.А. Применение физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками полиции охранно-конвойной службы Дальневосточного федерального округа // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 11 (153). С. 126-130.
3. Троян Е.И. Внутрипредметная интеграция физической подготовки сотрудников охранно-конвойной службы полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 238-240.
4. Алексеев Н.А., Кутергин Н.Б., Войнов П.Н., Воротник А.Н. Некоторые аспекты подготовки сотрудников полиции к действиям по задержанию преступника в условиях ограниченного пространства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 33-37.
5. Мальцева О.А. Особенности профессионально-прикладной подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-1. С. 86-88.
6. Витютнев Е.Е., Ахметов Р.С. Междисциплинарные практические занятия по специальной физической и тактико-специальной видам подготовки и административной деятельности как активная форма формирования профессионально важных компетенций у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Физическая культура, спорт - наука и практика. 2018. № 2. С. 49-53.
7. Синянский В.А., Романов Р.В., Кравцов С.В. Роль метода ситуационного моделирования в формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 167-169.
8. Малиновский А.В., Красилов О.В., Мананников С.В. Использование метода ситуационного моделирования на занятиях по профессиональной прикладной физической подготовке в образовательных организациях системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 384-389.
9. Троян Е.И., Богданова В.А., Насонов В.В. Ситуационный метод как способ реализации практико-ориентированного подхода в физической подготовке сотрудников ОВД // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 179-185.

ИВАНЮК А.М.,

старший преподаватель кафедры тактико-специальной
огневой и физической подготовки Калининградского
филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
ebelweis_1973@mail.ru

УДК 351.74+355.541.1

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ТАБЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ИЗ-ЗА УКРЫТИЯ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

**Огневая подготовка,
сотрудник полиции,
табельное оружие, стрельба
из пистолета, стрельба из-за
укрытия, обучение стрельбе,
положение для стрельбы,
личная безопасность
сотрудника полиции.**

В статье рассматриваются приемы и способы стрельбы из пистолета из-за укрытия, позволяющие повысить точность ведения огня сотрудником полиции и обеспечить его личную безопасность во время стрельбы. Автор обращает внимание на достоинства и недостатки различных приемов и способов такой стрельбы. Описываются некоторые элементы методики выбора сотрудником полиции укрытия, из-за которого наиболее эффективно и безопасно вести огонь из пистолета.

Стрельба из-за укрытия специфична, она отличается рядом особенностей. Но, как и любая другая стрельба, имеет недостатки и преимущества. Стрельба из-за укрытия обладает свойствами, которые для одних сотрудников полиции не представляют сложности, а для других оказываются проблемой. Главное при стрельбе из-за укрытия, как представляется, понимать, что стрелок стеснен в своих действиях: он имеет ограниченный угол обзора и ограниченный радиус передвижения. Вместе с тем важно обратить внимание на то, что каким бы ни было укрытие, существует ряд общих правил, способов и приемов, которые способствуют эффективности ведения огня и обеспечению личной безопасности сотрудника полиции при стрельбе из-за укрытия.

Для того чтобы стрелять из-за укрытия необходимо создать опору руками об укрытие. Так стрелок обретает более удобное положение и точку опоры не только для рук, но и для всего тела. Если укрытие вертикальное, то предплечье невооруженной руки создает опору на уровне глаз. Кисть и запястье могут выступать пределы укрытия. Впрочем, при хорошей видимости, отличном зрении у правонарушителя, он может увидеть руки сотрудника полиции с оружием. Поэтому при стрельбе из-за укрытий, по нашему мнению, целесообразно надевать перчатки, маскирующие руки под обстановку и цвет укрытия, что позволит рукам слиться с ним. Вторая рука опирается сверху на запястье или предплечье невооруженной руки, а сбоку - на вертикальную поверхность укрытия [1, с. 56]. Таким образом сотрудник полиции обеспечивает себе устойчивое положение и безопасную стрельбу из-за укрытия. Однако в данном случае существует вероятность, что правонарушитель своим выстрелом повредит невооруженную руку полицейского, которая создает опору для руки с оружием.

Существует несколько видов устойчивых положений, принимая которые стрелок может обеспечить себе безопасность. Выбирать из них положение для стрельбы следует исходя из сложившейся обстановки, условий местности, особенностей укрытия и других факторов. При этом сотруднику полиции необходимо помнить о том, что в реальных условиях, намереваясь открыть огонь из-за укрытия, он не во всех случаях сможет «определить количество противников (возможно, один из них скрыт какими-либо элементами помещения или появиться только в процессе огневого контакта). Следовательно, его задача максимально сократить площадь своего силуэта, выглядывающего из-за укрытия» [2, с. 240].

Чтобы определить, в каких ситуациях целесообразно применять то или иное положение, считаем необходимым коротко рассмотреть основные из них. Первое - поперечный упор согнутой кистью поддерживающей руки в тыльную сторону укрытия (иллюстрации 1 и 2). Невооруженная рука упирается костяшками

Иллюстрация 1. Демонстрация положения рук с оружием при опоре костяшками пальцев кисти на укрытие (вид спереди).

Иллюстрация 2. Демонстрация положения рук с оружием при опоре костяшками пальцев кисти на укрытие (вид из-за укрытия).

Иллюстрация 3. Демонстрация положения рук с оружием при опоре на боковую сторону укрытия (вид спереди).

Иллюстрация 4. Демонстрация положения рук с оружием при опоре на боковую сторону укрытия (вид из-за укрытия).

пальцев кисти в вертикальное укрытие на уровне глаз. Вооруженная рука опирается сверху на пальцы и запястье поддерживающей руки. При такой изготовке существует вероятность того, что руки стрелка может повредить своим выстрелом противник. Но вероятность эта незначительна, так как площадь видимого силуэта рук, выступающих из-за укрытия, небольшая. Второе положение - продольный упор тыльной стороной ладони поддерживающей руки в боковую сторону укрытия (иллюстрации 3 и 4). Невооруженная рука располагается на уровне глаз, опираясь о вертикальное укрытие сбоку запястьем и наружной стороной кисти, пистолет поддерживается сбоку. Вооруженная рука опирается сверху на внутреннюю часть кисти поддерживающей руки [3, с. 21]. Кроме того, возможен вариант положения рук, при котором в тыльную сторону укрытия упирается раскрытая ладонь поддерживающей руки. Невооруженная рука упирается ладонью в укрытие вертикально вдоль его

ребра, пальцы направлены вверх, большой палец выдвигается за габариты укрытия. Запястье вооруженной руки опирается сверху на большой палец поддерживающей руки. Большой палец руки, удерживающей пистолет, опирается на боковую поверхность укрытия сбоку [4, с. 34].

При выборе изготовки для стрельбы из-за укрытия стрелку следует действовать с учетом особенностей сложившейся обстановки и придерживать заранее подготовленного плана (особенно важно это при действиях в группе). Необходимо объективно оценивать свои возможности, поступать разумно и с наименьшим риском для жизни и здоровья - своих, других участников групповой операции, посторонних лиц.

При возникновении угрозы огня на поражение со стороны противника и при отсутствии возможности уйти за вертикальное укрытие следует принять «дуэльную» изготовку к стрельбе с упором плеча в укрытие. Фронтальная изготовка с упором спиной

о вертикальное укрытие принимается в тех случаях, когда нет угрозы открытия противником огня. Данное положение не только дает возможность для принятия дальнейших решений, но и позволяет в некоторой степени передохнуть. Помимо повышения устойчивости системы «стрелок - оружие», опора корпусом о вертикальное укрытие уменьшает площадь поражения. Можно использовать опору плечом вооруженной руки о вертикальное укрытие для увеличения устойчивости этой системы.

Для максимально быстрого ухода с линии встречного огня противника из положения для стрельбы «стоя из-за укрытия» целесообразнее всего использовать упор ногой об укрытие. Это позволяет выполнить отгалкивание от него, что ускоряет уход с линии огня, тем самым обеспечивается личная безопасность сотрудника [5, с. 42].

При стрельбе поверх капота или багажника автомобиля, для того чтобы положение стрелка было более устойчивым, используют опору руками о горизонтальное укрытие.

В положении для стрельбы «лёжа на животе» с двух рук с упором рук в вертикальное укрытие под встречный огонь попадают кисти рук, предплечье и верхняя часть головы сотрудника, поэтому такая стрельба крайне опасна для жизни. К такому положению следует прибегать только в случаях, когда в сложившейся ситуации невозможно принять другое положение.

При нахождении сотрудника за укрытием в положении «лёжа» имеется возможность ведения огня слева и справа от укрытия, в зависимости от того, с какого фланга появится правонарушитель. В этом случае могут выполняться перекаты для занятия правильного положения за укрытием с нужной стороны. Стрельба может вестись из положения «лежа на боку». Не следует забывать о том, что при выполнении перекатов, необходимо быть уверенным в том, что на поверхности нет каких-либо предметов, которые могли бы ранить сотрудника (осколки стекла, острые камни, гвозди и т.д.).

В положении для стрельбы «с колена» с двух рук с опорой рук об укрытие под встречный огонь попадают кисти рук и выступающая из-за укрытия часть головы. Устойчивость оружия в данном случае обеспечивается за счет поддержки вооруженной руки и опоры кисти поддерживающей руки об укрытие. Уход из-под обстрела возможен перемещением за укрытие.

В положении для стрельбы «стоя» с двух рук с опорой руками о вертикальное укрытие под встречный огонь попадают кисти рук, предплечье и часть головы. Устойчивость положения обеспечивается за счет опоры поддерживающей руки об укрытие. Уход из-под обстрела обеспечивается перемещением за укрытие [6, с. 15].

Таким образом, чтобы обезопасить себя, сотруднику полиции в боевой ситуации следует соблюдать ряд правил, которые позволяют наиболее эффективно выполнять стрельбу из-за укрытия без излишнего риска для своих жизни и здоровья:

1) максимально уменьшить площадь силуэта, выступающего из-за укрытия;

2) сначала из-за укрытия должна появляться рука с оружием, а потом уже сам сотрудник;

3) наиболее эффективно в боевой обстановке производить короткие, резкие выпады из-за укрытия для зрительного контроля помещения или иного места, в направлении которого будет вестись стрельба;

4) при возникновении необходимости ведения огня в целях обеспечения личной безопасности следует производить либо одиночный выстрел из-за укрытия, либо короткую серию из двух выстрелов в сторону предполагаемой цели, для сокращения времени пребывания стрелка на линии ответного огня стрельба ведется неприцельно, «навскидку», после выстрела (выстрелов) требуется быстро вернуться в исходное положение за укрытие;

5) вбросив подручный предмет в проверяемое помещение, можно отвлечь находящегося внутри противника и после этого произвести выстрел из-за укрытия;

6) находясь за укрытием, для того чтобы сохранять мобильность, не стоит присаживаться за него полностью.

В ходе выполнения оперативно-боевых задач независимо от того, какой вид оружия применяется, целесообразно использовать укрытия, если таковые имеются, поскольку укрытия повышают уровень обеспечения безопасности сотрудников полиции. Tактической ошибкой является ведение огня с выглядыванием поверх укрытия, так как под встречным огнем оказываются голова, плечи, верхняя часть туловища стрелка, что приводит к неблагоприятным последствиям.

Во время ведения огня из-за укрытий перемещаться следует против часовой стрелки. Это позволит создать условия, которые будут вынуждать противника использовать «неудобные» для него позиции, для открытия огня ему придется выходить из-за укрытия и «подставлять» под обстрел голову и туловище, что способствует эффективному выполнению задач, стоящих перед сотрудником полиции: полицейский будет находиться в безопасности, а правонарушитель окажется в неблагоприятных для него условиях¹.

В ситуации, когда противник находится в оконном проеме, чтобы добраться до него, двигаться нужно короткими перебежками от одного укрытия к другому. В этом случае сотрудник полиции будет иметь преимущество, так как правонарушитель для открытия огня будет вынужден выходить из-за укрытия и подставлять себя под встречный огонь.

Разумеется, при любых обстоятельствах следует занимать идеальные укрытия (то есть те, которые максимально обезопасят сотрудника полиции от прицельных выстрелов противника). Но это не всегда это оказывается возможным, поскольку служебные задачи, как правило, приходится выполнять в ограниченное время. Обычно сотрудникам приходится использовать ближайшее к себе укрытие, и потому у них не всегда есть возможность оценить его соответствие ключевому требованию - обеспечение защиты от поражения встречным ог-

¹ Наставление по стрелковому делу. 9-мм пистолет Макарова (ПМ). М., 1986. С. 103.

IVANYUK A.M.,
Senior Lecturer of the
Department of Special-
Tactical, Firing and Physical
Training of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

**ON THE FEATURES
OF FIRING FROM
SERVICE WEAPONS
FROM BEHIND COVER,
TAKING INTO ACCOUNT
THE REQUIREMENTS
FOR ENSURING THE
PERSONAL SAFETY
OF A POLICE OFFICER**

**Fire training,
police officer, service
weapon, pistol shooting,
shooting from behind
cover, shooting training,
shooting position, personal
safety of a police officer.**

The article discusses the techniques and methods of firing a pistol from behind cover, which make it possible to increase the accuracy of firing by a police officer and ensure his personal safety during the shooting. The author draws attention to the advantages and disadvantages of various techniques and methods of such shooting. Some elements of the methodology for choosing a shelter by a police officer are described, because of which it is most effective and safe to fire from a pistol.

нем. Вместе с тем при выборе укрытия стоит обращать внимание не только на его защитные свойства, но и на неблагоприятные факторы, связанные с его использованием, такие как возможность поражения осколками стекла, древесиной щепой, обломками металла или камня, срикошетившей пулей.

При выборе позиции для стрельбы из-за укрытия необходимо принимать во внимание, что правше удобнее будет вести огонь, если укрытие окажется слева от него (в зоне возможного поражения выстрелом противника окажется меньшая площадь силуэта, выступающего из-за укрытия), а левше лучше использовать правый край укрытия.

Сотрудник должен учитывать такие выдающие его местонахождение факторы, как тень (может указать противнику на то, что за углом кто-то есть), звуки, которые слышатся на близком расстоянии (шуршание одежды, скрип обуви, возбужденное дыхание и т.д.). Поэтому никогда нельзя терять бдительности, даже тогда, когда кажется, что опасность миновала и ничто не угрожает жизни и здоровью сотрудника полиции и другим людям.

Не следует вжиматься плотно в укрытие плечом. Необходимо оставлять место для маневра за укрытием, в том числе и для того, чтобы выносить оружие для стрельбы из-за укрытия. Желательно, чтобы расстояние от плеча до укрытия составляло не менее длины руки. В этом случае вынос оружия на линию огня будет максимально быстрым при любом исходном положении стрелка [7, с. 76].

Если сотрудник полиции ростом ниже, чем высота укрытия, следует встать боком по отношению к нему. Принятие такой позиции позволит обезопасить от попаданий большую часть поверхности тела. Не имеет значения, какой глаз является ведущим при осуществлении прицеливания (хотя желательно, конечно, уметь прицеливаться обоими глазами): если укрытие находится слева от стрелка, то огонь необходимо вести с правой руки, прицеливаясь правым глазом, и наоборот, если укрытие - справа, то стрелять целесообразно, удерживая пистолет в левой руке и прицеливаясь левым глазом (в противном случае придется подставить под встречный огонь корпус и голову, как это показано на иллюстрации 5). Разумеется, для этого требуется соответствующее обучение, поскольку далеко не все могут без длительной предварительной подготовки стрелять с обеих рук одинаково эффективно.

Исходя из того, что в любой ситуации самое главное - это личная безопасность сотрудника, можно сформулировать ряд правил, которые необходимо соблюдать при выглядывании из-за укрытия:

- 1) прежде чем выглянуть из-за укрытия, следует присесть за ним, чтобы противник не смог определить приблизительный рост сотрудника полиции;
- 2) тактически верно перед тем, как выглянуть, отвлечь противника, например, бросив в сторону от него какую-нибудь вещь (камень, куртку, шапку);
- 3) выглядывать стоит одновременно с выносом готового к стрельбе оружия, чтобы не тратить дополнительного времени на подготовку и прицеливание;
- 4) не следует выглядывать из-за укрытия без оружия, так как в этом случае можно не успеть прикрыть себя огнем или уйти за укрытие;
- 5) смену укрытий необходимо производить сразу же после того, как произведены выстрелы, прикрывающие перемещение, если, конечно, укрытий несколько и такая возможность действительно имеется.

Ни в коем случае нельзя врывать в помещение, особенно если существует вероятность, что там скрывается вооруженный правонарушитель. Если дверь в помещение закрыта, то прежде всего следует ее немного приоткрыть для получения возможности изучить, что за ней находится. При этом если сотрудников полиции двое, то правильно помещение изучать по диагонали, прикрывая друг друга на случай внезапного нападения.

Очевидно, что необходимо заранее продумывать действия, которые помогут обеспечить личную безопасность сотрудника полиции, в том числе определить запасные огневые позиции, находящиеся за удобными укрытиями, подобрать укрытия в непосредственной близости от основного и быть готовым укрыться за ними, если то требует меняющаяся обстановка. Конечно, невозможно предугадать все направления развития событий, но полицейскому будет проще ориентироваться в пространстве (особенно незнакомом для него), если он будет знать тактические характеристики помещения.

При выполнении боевых задач во взаимодействии с другими сотрудниками полиции менять позицию, перемещаясь из-за одного укрытия за другое, следует только тогда, когда есть полная уверенность в том, что другой полицейский понимает это намерение и готов прикрывать перемещение огнем. Смена укрытий осуществляется поочередно: первый полицейский прикрывает действия партнера, а затем тот, оказавшись в безопасной позиции, прикрывает перемещение первого. Такие операции следует тщательно подготавливать, необходимо систематически проводить учебные занятия для повышения качества командной работы сотрудников полиции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что выработке навыков стрельбы из табельного оружия из-за укрытий следует уделять особое внимание в рамках профессиональной служебной подготовки полицейских. При этом необходимо обращать внимание на неукоснительное соблюдение требований по обеспечению личной безопасности сотрудников полиции, поскольку малейшее их нарушение, равно как и произвольное отступление от заранее продуманной тактики действий в условиях огневых контактов, может привести не только к ранению или гибели сотрудника полицейского и его сослуживцев. Следует проводить занятия с сотрудниками полиции в группах, чтобы они тренировались взаимодействовать друг с другом, в том числе в боевой обстановке при необходимости использования укрытий различных видов. Впрочем, конечно, нельзя забывать и о психологических особенностях конкретного полицейского, которые могут оказывать на него влияние в ситуациях, требующих применения табельного оружия. И в частности, ситуациях стрельбы из-за укрытия.

Библиографический список:

1. Баин С.В., Кабардин А.В., Кузнецов С.И. и др. Огневая подготовка: Учебник. М.: Военное издательство, 2008.
2. Светличный Е.Г., Шанько В.В., Жамборов А.А. Формирование навыков стрельбы из-за укрытия у обучающихся образовательных организаций МВД // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2. С. 239-242.
3. Вайнштейн Л.М. Стрелок и тренер. М.: ДОСААФ, 1977.
4. Лощилев А.К. Огневая подготовка. М.: Воениздат, 1969.
5. Мальшев А.А. Основы стрельбы из служебного оружия. М., 1992.
6. Маркович В.Е. Ручное огнестрельное оружие. М., 1996.
7. Щипин А.И. Огневая подготовка в органах внутренних дел: Учебное пособие. М., 2010.

Иллюстрация 5. Неправильное положение при стрельбе из-за укрытия, расположенного справа от стрелка.

В завершение подчеркнем, что, к сожалению, в настоящее время преподаваемые в вузах МВД России дисциплины «Огневая подготовка» и «Тактико-специальная подготовка» практически не выделяют времени для изучения рассматриваемой нами темы. И это несмотря на то, что уверенное владение навыками стрельбы из-за укрытий сегодня весьма актуально для сотрудников силовых структур в целом и органов внутренних дел в частности. Умение стрелять из-за укрытия необходимо каждому полицейскому в рамках его профессиональной компетентности. Невозможно предугадать, какие ситуации могут возникнуть во время несения службы. Поэтому считаем, что требуется ввести в учебные планы и программу профессиональной служебной подготовки дополнительные часы для получения навыков стрельбы из-за укрытий, увеличить количество практических занятий, проводимых на полигонах, чтобы обучающиеся могли отработать приобретаемые навыки в условиях, приближенных к условиям реальной служебной деятельности, в которых возможен огневой контакт с правонарушителем. ■

КОКУШЕВ А.Б.,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России
azamatkokusev@gmail.com

УДК 343.98

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ КАК СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕТНО- РЕГИСТРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**Информационная система,
идентификационная система,
криминалистическая регистрация,
учетно-регистрационная деятельность,
региструемый объект, оперативно-
криминалистическое подразделение.**

Информационные системы как инструмент учетно-регистрационной деятельности оперативно-криминалистических подразделения МВД Республики Казахстан обладают двойственной природой, что обусловлено разнонаправленностью их функционального предназначения. С одной стороны, являясь инструментом формирования и ведения криминалистических учетов, информационные системы позволяют реализовывать мероприятия по информационному обеспечению процесса раскрытия и расследования преступлений. С другой стороны, они выступают в качестве одной из форм представления криминалистически значимой документальной и фактографической информации. Существующие в настоящее время определения информационных систем, применяемых криминалистическими (экспертными) подразделениями, не учитывают в достаточно полном объеме их целевое предназначение, специфику и многообразие регистрируемой информации. В статье рассмотрены предметный и функциональный подходы к сущности информационной системы и предложено авторское определение такой системы.

Применение информационных систем в повседневной деятельности общества не относится к числу изобретений XXI века. Возможности накопления, обработки и распределения конкретных данных в соответствии с принятыми параметрами систематизации, облегчающими последующий поиск необходимых сведений, использовались и ранее, задолго до появления электронно-вычислительного оборудования. Внедрение в сферу систематизации и распределения данных современных информационных коммуникационных технологий позволило использовать функциональные возможности информационных систем на принципиально новом уровне. Информационные системы предназначены для эффективного анализа и прогнозирования потоков разнородной информации, оптимизации способов ее представления и хранения, создания процедур и технических средств автоматизации процесса получения необходимых данных, создания информационно-поисковых систем и информационно-коммуникационных сетей хранения, обработки и передачи информации¹.

Общие и специальные определения сущности и содержания информационных систем нашли свое отражение в законодательстве, нормативно-технической документации, ведомственных нормативных правовых актах, а также в теории различных предметных областей знаний.

Сопоставление исследуемых понятий, представленных в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан, позволяет констатировать определенное совпадение ключевых элементов, составляющих структуру и содержание информационных систем. Однако следует отметить, что определение, представленное в российском законодательстве, имеет более общий характер и достаточно краткую формулировку: информационная система - это «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»². В свою очередь, понятие, используемое в законе Республики Казахстан, более широко рассматривает техническое обеспечение элементов, включенных в содержание понятия: «... совокупность информационно-коммуникационных технологий, обслуживающего персонала и технической документации, реализующих опре-

¹ Информатика: Энциклопедический словарь для начинающих / Сост. Д.А. Поспелов. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 13-14.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022).

деленные технологические действия посредством информационного взаимодействия и предназначенных для решения конкретных функциональных задач»¹. Однако, несмотря на более широкое представление средств работы с системой, указание на субъектов ее эксплуатации, документацию, объект информатизации и функциональное предназначение, упоминания самой информации как предмета систематизации в данном определении не содержится.

Различные определения понятия информационной системы содержатся в международной и государственной нормативной технической документации. В частности, в п. 4.452 межгосударственного стандарта ГОСТ 33707-2016 (модифицированного по отношению к международному стандарту ISO/IEC 2382:2015) «Информационные технологии. Словарь» («Information Technologies - Vocabulary», MOD) имеется лаконичное определение рассматриваемого нами понятия: «... система, организующая обработку информации о предметной области и ее хранение». Здесь подчеркивается исключительно техническая составляющая цифрового продукта без детализации предметной области применения, но с указанием основных функций системы.

На основе действующего законодательства и стандартов разработаны и утверждены ведомственные нормативные правовые акты, обеспечивающие единую трактовку реализуемых информационных процессов и применяемых цифровых продуктов для всей системы правоохранительных органов. В Казахстане таким документом является Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 410 «Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования информационных систем, информационно-коммуникационных и телекоммуникационных сетей, сетей связи». Документ содержит определение понятия ведомственной информационной системы, являющееся кратким аналогом законодательной формулировки: «... совокупность информационных технологий, технических средств, вычислительного и коммуникационного оборудования, программного обеспечения, а также системного персонала, обеспечивающего его работу». Следует отметить, что в этом определении техническое обеспечение информационных процессов превалирует над непосредственным осуществлением информационных процессов, предусматривающих занесение, обработку, а главное, получение результатов функционирования систем, обеспечивающих предоставление исходящей информации для

последующего использования в целях информационного сопровождения раскрытия и расследования преступлений.

Понятийные подходы к термину «информационная система» неоднократно становилось объектом теоретических и практических исследований в сфере философии², информатики³, экономики⁴, криминалистики⁵, оперативно-разыскной деятельности⁶ и иных научных областях. Результаты проведенного нами сопоставления наиболее часто используемых в законодательных актах и научных работах определений понятия «информационная система»⁷ позволяют констатировать, что в них используются формулировки: «совокупность (комплекс) программно-аппаратных средств (технического и программного обеспечения, вычислительных и коммуникационных технологий)» - более 60%; «(организационно упорядоченная, организационно-техническая) совокупность информации (документов, персональных и иных данных)» - менее 40%. Последние чаще встречаются в документах и исследованиях правового характера. Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей склоняются к первичности применяемых технологий, рассматривая информационную систему в качестве передающей среды, преобразовывающей конкретные виды объектов окружающего мира (факты, события, сведения о них) в электронный формат, при этом содержание информации в данных подходах является вторичным.

Между тем функциональное предназначение любых информационных систем предусматривает обеспечение пользователя необходимой, актуальной, систематизированной информацией. Разница заключается лишь в применяемом техническом и программном обеспечении, а также вариативности критериев запросов, по которым используемые технические средства систематизируют и распределяют видовую первичную информацию с целью обеспечения последующего поиска и предоставления необходимых данных.

Говоря о спектре предназначений ведомственных информационных систем, следует отметить, что они обеспечивают различные направления деятельности правоохранительных органов, ключевыми из которых являются организационная, управленческая, архивная, учетно-регистрационная деятельность.

Информационные системы рассматриваются в рамках криминалистической регистрации как основные инструменты, а также выступают наибо-

¹ Закон Республики Казахстан от 24.11.2015 № 418-V «Об информатизации» (с изм. и доп. по сост. на 18.11.2022) // Информационная система «ПАРАГРАФ» // URL: <https://www.prg.kz>.

² Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: Учебное пособие. М.: Проспект, 2014. С. 107.

³ Чудинов И.Л., Осипова В.В. Информационные системы и технологии: Учебное пособие. Томск: ТПУ, 2013. С. 12.

⁴ Юрченко Т.В. Информационные системы в экономике и управлении: Учебное пособие. Н.Новгород: ННГАСУ, 2013. С. 7.

⁵ Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.

⁶ Осищенко А.Л. Оперативно-разыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. № 4 (75). 2019. С. 38-46.

⁷ Для выявления наиболее часто встречающихся составных частей определений понятия «информационная система» были проанализированы определения, закрепленные в законодательстве Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь и Кыргызской Республики, а также более 50 авторских дефиниций, нашедших отражение в научных исследованиях различных отраслевых сфер.

лее часто используемым способом систематизации информации в учетно-регистрационных массивах и справочно-информационных фондах. Оперативно-криминалистические подразделения МВД Республики Казахстан (далее - ОКП РК) в качестве функциональной задачи реализуют одно из направлений структурной системы криминалистической регистрации - формирование, кодирование, систематизацию, хранение и использование криминалистических учетов с применением многофункциональных возможностей информационных систем. Объекты, содержащиеся в электронных формах ведения криминалистических учетно-регистрационных массивов, относятся к числу находящихся на хранении уникальных источников криминалистически значимой информации. Следует отметить, что каждый элемент, входящий в состав электронного массива, дублирует материальный носитель источника первичной информации, оптимизируя тем самым процессы хранения, обработки, передачи и использования учетных данных. Способность информационных систем преобразовывать и структурно систематизировать данные о качественно-количественных комплексах признаков многообразных объектов позволяет использовать их как в процессе информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, так и в научно-методической работе, направленной на развитие учения о криминалистической регистрации, а также при обучении действующих и будущих сотрудников [1, с. 54], в том числе и сотрудников ОКП РК.

Между тем анализ положений ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих существование и содержание информационных систем, предназначенных для формирования, ведения и использования криминалистических учетно-регистрационных массивов, а также содержания научно-прикладных исследований в рассматриваемой нами сфере, показал, что вопросы разработки точного определения информационных систем, применяемых криминалистическими (экспертными) подразделениями, ранее не являлись предметом теоретических и практических исследований. Установлено, что в большинстве работ интересующее нас понятие раскрывается опосредованно, с использованием общих формулировок ведомственных нормативных правовых актов.

Специфичность объектов, регистрируемых и обрабатываемых с применением специализированных технических средств и программно-аппаратных комплексов, система требований к форме и способам передачи данных об индивидуализирующих признаках объектов регистрации, а также квалификации субъектов, осуществляющих функции операторов и администраторов информационных систем, обуславливают необходимость формирования специализированного подхода к понятию «информационная система» и соответствующему термину, используемому в учетно-регистрационной деятельности ОКП РК. Такой подход, по нашему мнению, требует изучения предметного значения первичного понятия «информация».

Информация в условиях стремительного развития технологий ее обработки и передачи приоб-

рела статус самостоятельного предмета управленческих, производственных, личностных и иных отношений, в том числе и правовых. В современном правовом понимании информация рассматривается как независимые от формы представления сведения (сообщения, данные), являющиеся материальным или нематериальным объектом различных отношений¹. Распространяя данный подход на процесс раскрытия и расследования преступлений, информацию можно рассматривать как конкретные данные, помещенные в контекст событийного фактографического явления, осмысление которых придает им значимость и актуальность. При этом под «данными» целесообразно понимать первичные необработанные и не интерпретированные результаты наблюдений, метрических измерений, описаний, фото- и видеоизображения материально фиксированных следов, пригодные для последующей единообразной обработки и систематизации по установленным критериям. Изучение и оценка представленных данных посредством использования специальных знаний и применения соответствующих методов и средств трансформируют их в информацию, предназначенную для принятия решений. Совокупность информации о событии преступления, способе его совершения, лицах, его совершивших, предметах преступного посяательства, орудиях преступления и иных обстоятельствах [2, с. 224], полученных по результатам анализа первичных данных о конкретном событии, формирует его информационную модель.

В свою очередь, совокупность информации о типовых объектах учетно-регистрационной деятельности, размещенных в базах (банках) данных, формирует видовые информационные системы, представленные в форме бумажных и электронных картотек, коллекций, альбомов. В данном случае информационные системы являются регламентированной ведомственными нормативными правовыми актами формой представления криминалистически значимой информации. При этом ведомственный подход МВД Республики Казахстан к сущности самой информации, содержащейся в криминалистических учетах, предлагает рассматривать ее как совокупность криминалистически значимых признаков объекта учета, выявляемых и фиксируемых с использованием специальных знаний, криминалистических методов и средств. К числу объектов криминалистических учетов отнесены живые лица, трупы, предметы, следы, вещества, обладающие индивидуальной криминалистической информацией, пригодной для закрепления и последующего использования в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности, расследования уголовных и административных правонарушений. Ключевой задачей проверки по криминалистическим учетам является установление группового или индивидуального тождества новой информации с ранее размещенными данными. При этом определение группового тождества предусматривает решение ряда диагностических задач, таких как установление типажного сходства, единого источника происхождения по технологическим и конструктивным особенностям, способу

¹ Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 495.

изготовления, однородности и пр. Индивидуальное тождество предусматривает идентификацию слеодообразующего объекта по отображению криминалистически значимых признаков, представленных в виде биологических, габитоскопических, дактилоскопических, трасологических, баллистических и иных объектов.

Применение для обеспечения работы с большими массивами данных современных информационных технологий связано с использованием специализированного, централизованно поставляемого оборудования и программно-аппаратных комплексов, которые обеспечивают занесение, кодирование, систематизацию и формирование результатов проверки по заданным критериям поиска. Таким образом, информационные системы с технической точки зрения могут являться одним из элементов информационных коммуникационных технологий, выступающих в качестве инструмента занесения, обработки и систематизации информации о материально фиксированных следах (предметах, веществе, отображениях) совершенного преступления.

Криминалистическая информация, размещаемая в информационных системах ОКП РК, должна соответствовать следующим требованиям:

- содержать структурированный и детальный набор сопроводительных сведений об обстоятельствах и условиях выявления объекта учета, отражение результатов исследования его пригодности для обеспечения целей регистрации;

- обладать высоким уровнем детализации признаков, фиксируемых методами описания, дактилоскопирования, фотографирования, видеозаписи, аудиозаписи, сканирования, в том числе с применением 3D-технологий, позволяющих решать широкий спектр диагностических и идентификационных задач;

- содержать сведения о размещении, дислокации предметов, относящихся к криминалистическим коллекциям, сопровождающим ведение криминалистических учетов.

Основные правила и принципы построения криминалистических информационных массивов, их предназначение, иерархия функционирования, а также применяемые методы и средства работы по формированию, ведению и использованию содержащейся в них информации предусматривают четкое нормативное закрепление. Регламентированы требования к квалификации персонала, который может быть допущен к работе с информационными системами, в том числе наличие квалификационного свидетельства на право производства исследований, соответствующих виду регистрируемых объектов, и работы в качестве оператора (администратора) той или иной конкретной разновидности информационной системы, выдаваемого Криминалистической квалификационной комиссией при оперативно-криминалистических департаментах МВД Республики Казахстан после прохождения утвержденных нормативными актами процедур обучения и контроля знаний и навыков.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в основу дефиниции информационных систем ОКП РК как элементов информационно-коммуникационных технологий, стоящих на вооружении МВД Республики Казахстан, должны быть положены законодательный и ведомственный подходы к исследуемому нами понятию, с учетом рассмотрения информационных систем в качестве инструмента криминалистической регистрации. Информационные системы, эксплуатируемые ОКП РК, обладают рядом важных признаков, отражающих их научную и практическую сущность:

- 1) являются взаимосвязанной совокупностью специализированных средств и методов, ориентированных на осу-

KOKUSHEV A.B.,
Adjunct of the Volgograd
Academy of the Ministry
of Interior of Russia

THE CONCEPT OF INFORMATION SYSTEMS AS A MEANS OF ENSURING ACCOUNTING AND REGISTRATION ACTIVITIES OF OPERATIONAL AND FORENSIC DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Information system, identification system, forensic registration, accounting and registration activities, registered object, operational forensic unit.

Information systems as a tool for accounting and registration activities of the operational and forensic divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan have a dual nature, which is due to the multidirectional nature of their functional purpose. On the one hand, being a tool for the formation and maintenance of forensic records, information systems make it possible to implement measures for information support of the process of detecting and investigating crimes. On the other hand, they act as one of the forms of presentation of forensically significant documentary and factual information. The currently existing definitions of information systems used by forensic (expert) units do not sufficiently take into account their intended purpose, the specifics and diversity of the information being recorded. The article considers the subject and functional approaches to the essence of the information system and proposes the author's definition of such a system.

ществование информационных процессов по размещению, кодированию, систематизации и получению искомой оперативной информации;

2) содержат документальную и криминалистически значимую информацию об объектах учета и их индивидуальных признаках, обеспечивающих возможность установления их групповой принадлежности и индивидуального тождества с проверяемыми объектами;

3) обеспечивают предоставление рекомендательных списков объектов, наиболее соответствующих параметрам поиска, оценка которых осуществляется сотрудниками ОКП РК, имеющими необходимую для этого квалификацию;

4) результаты их использования способствуют установлению лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также иных обстоятельств, имеющих значение для решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных и административных правонарушений.

Таким образом, дефиниция информационных систем ОКП РК может быть представлена в следующем виде: совокупность информационных технологий, сетевого оборудования, технических и программно-аппаратных средств, обеспечивающих информационные процессы обработки и хранение данных о зарегистрированных и проверяемых объектах, реализуемые сотрудниками ОКП РК в целях информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Предложенное нами определение информационных систем, рассмотренных в качестве инструмента учетно-регистрационной деятельности, может способствовать установлению однозначности понимания сущности таких систем, стоящих на вооружении ОКП РК, четкому определению их положения и статуса в системе криминалистической регистрации и установлению единообразного толкования соответствующего термина в нормативных документах и работах научно-практического характера. ■

Библиографический список:

1. Дронова О.Б., Рыжков И.В. Понятие натурального объекта как элемента системы криминалистической регистрации // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 53-60.
2. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2012. 463 с.

Образовательный процесс и учебно-методическое мастерство

ПЛОТНИКОВ В.В.,

доктор социологических наук, профессор
кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
inkognito13@inbox.ru

КУЧМЕЗОВ Р.Н.,

кандидат юридических наук, старший научный
сотрудник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
rustam.kuchmezov.90@mail.ru.

БИЧАН В.А.,

аспирант Балтийского федерального
университета имени И. Канта
valera_i_k@mail.ru

УДК 378.147

ИГРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

**Педагогика, образовательная
организация, высшее образование,
образовательный процесс,
преподаватель, педагогическая
деятельность, обучающийся,
игра, мотивация.**

Игра относится к числу недооцененных, и потому слабо исследованных аспектов жизни человека. Несмотря на усилия в области культурологии, психологии и антропологии, в исследовании игрового аспекта деятельности человека сохраняется много «белых пятен». Вместе с тем уже сейчас исследователи обратили внимание на уникальные особенности игры как процесса, связанного с высоким уровнем вовлеченности играющего в осуществляемую им деятельность. Одной из областей, где обнаруживается перспективность внедрения игровых практик, является педагогическая деятельность высшей школы. Это связано с сохраняющей свою остроту проблемой недостатка вовлеченности учащихся в образовательный процесс и необходимостью поиска путей преодоления сложившихся неблагоприятных тенденций в образовательной сфере. В статье анализируется значение игры как фактора формирования мотивации, анализируются возможности и границы применения игрового подхода в образовательной среде высших учебных заведений.

С табильность любого общества зависит от того, насколько эффективными и сбалансированными между собой являются основные его институты. При этом в рамках теории структурного функционализма еще в середине XX века было достигнуто понимание того, что основные общественные институты тесно связаны между собой, ввиду чего улучшение условий функционирования одного общественного института может в конечном счете оказать благотворное влияние на состояние смежных с ним институциональных сфер [1]. К числу институтов, оказывающих глубокое и разноплановое влияние на состояние общества, относится институт образования. В связи с этим закономерно, что исследование условий повышения эффективности образовательной деятельности является одним из важных направлений научно-исследовательских работ. Особое значение в данном случае имеет осмысление факторов повышения эффективности вузовской подготовки.

Если рассмотреть функцию высших учебных заведений, становится видно, что основная цель образовательной деятельности состоит в формировании профессиональной компетенции обучающихся. Это, в свою очередь, определяет то, что обучающиеся вузов должны прилагать существенные усилия для того, чтобы успешно накапливать знания, формировать необходимые профессиональные навыки и становиться высококачественными специалистами в тех областях, в которых они проходят профессиональную подготовку. Таким образом, наличие высокого уровня мотивации к осуществлению учебной деятельности со стороны обучающихся, по идее, логично проистекает из тех целей, которые ставят для себя они сами.

Вместе с тем в рамках современной образовательной деятельности все более актуализируется проблема формирования в среде обучающихся мотивации к осуществлению учебной деятельности. На первый взгляд, ситуация парадоксальна: люди проходят вступительные испытания и в дальнейшем тратят значительную часть личного времени на деятельность в сфере, которая не входит в область их личных интересов, осуществляя учебную деятельность посредственно. Однако, несмотря на всю нелогичность подобного рода поведения, многие обучающиеся действительно не проявляют должного рвения в

учебной деятельности, итогом чего становится снижение качества образовательного процесса и сравнительно невысокий уровень профессиональной компетенции у некоторых выпускников высших учебных заведений.

Это связано с тем, что на практике многие обучающиеся используют вузы для реализации личных целей, которые не имеют никакого отношения к получению реального образования. Такой целью может быть, например, получение отсрочки от призыва на срочную службу в вооруженных силах, приобретение опыта студенчества, продление детства (ведь по факту решение многих вопросов, связанных с обеспечением материальных потребностей обучающегося, ложится на его родственников и государство) и т.д. Проблема заключается в том, что многие из тех, кто проходит обучение по той или иной специальности, не будучи заинтересованным в ее получении, в дальнейшем могут трудоустроиться по профессии, которой в вузе не обучались. В этих ситуациях проявляется ряд негативных последствий некачественного осуществления такими людьми образовательной деятельности, поскольку, будучи недостаточно компетентными, данные работники в лучшем случае выполняют свои обязанности недостаточно продуктивно, в худшем - могут совершать серьезные ошибки, приводящие к разрушительным последствиям.

Приведенные выше рассуждения иллюстрирует очень важную мысль: в современной системе образования педагог зачастую не является эксклюзивным источником востребованного знания, к которому обращаются заинтересованные в этом знании обучающиеся. В настоящее время педагог зачастую бывает вынужден применять специальные приемы для того, чтобы вызвать у обучающихся интерес к изучению преподаваемого педагогом предмета. Подобного рода методы привлечения внимания к учебной деятельности, формирования мотивации к ее осуществлению сегодня уверенно закрепляются в практике работы преподавателей высших учебных заведений.

Остановимся подробнее на таком явлении, как утрата преподавателем вуза особого статуса в глазах обучающихся. На протяжении длительного времени фактор преэминентности профессионального знания мог быть реализован именно в рамках образовательной среды (в отдельных ситуациях - на уровне института личного ученичества). При этом преподаватель выступал в роли специалиста, обладающего эксклюзивными знаниями в той или иной сфере и способного этими знаниями поделиться. Учебная литература представляла собой обширный набор источников информации по изучаемому предмету, способствующих достижению широты познаний обучающегося, а преподаватель в силу высокого уровня своего профессионализма и глубокого владения тематикой, способствовал существенному углублению понимания изучаемого предмета. И этот момент повышения качества знания (по отношению к тому, которое по силам приобрести самостоятельно) через квалификацию педагога воспринимался обучающимися как эксклюзивная возможность.

В последние десятилетия в условиях активного развития информационных технологий и, в част-

ности, в связи с тем, что информация стала более доступной, ценность знания в представлении членов общества существенно снизилась, сформировался стереотип о том, что практически любую информацию можно получить посредством поискового запроса в Интернете. Распространению этого мифа существенно поспособствовало появление многочисленных информационных ресурсов образовательного характера, по большей части содержащих компиляцию сведений из существующей учебной литературы, а также многочисленные реферативные материалы, перепечатки курсовых и дипломных работ и т.д. По сути, качество познавательной информации, доступной для рядового пользователя в Интернете, в данном случае мало чем отличается от качества информации, доступной в библиотеках (зачастую информация, размещенная в Интернете, куда ниже качеством, нежели информация, доступная на уровне учебной литературы). При этом многие обучающиеся допускают мысль о том, что помощь преподавателя им не нужна в силу того, что они и сами умеют находить информацию.

В настоящее время ввиду изменения характеристик отношения обучающихся к учебному процессу возник ряд актуальных запросов в отношении педагогического знания, связанных с необходимостью заинтересовать обучающихся, мотивировать их к обучению, самостоятельному освоению учебного материала и т.д. Одним из методов, активно внедряемых в рамках образовательной деятельности, становится геймификация образования - привнесение в образовательную практику элементов игры (соревновательности, специфического ролевого деления, формирования рейтингов и промежуточных оценок участников, дающих им те или иные преференции и т.д.).

Феномен геймификации имеет сравнительно долгую историю, причем применение игровых методов получило активное распространение именно ввиду того, что привнесение в ту или иную сферу деятельности игрового момента способствует повышению мотивации включенных в данную сферу деятельности людей. Одним из направлений, в которых активно применяется игровой подход, является экономическая деятельность. Во многом именно благодаря повышению эффективности экономических показателей предприятий, применявших геймификацию трудовой деятельности, в дальнейшем произошло ее распространение в других сферах деятельности.

Обратимся к вопросу о значении игровых практик как инструмента повышения эффективности образовательной деятельности. Рассмотрение игрового аспекта педагогической деятельности осуществляется нами в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, на протяжении длительного времени игра как форма активности человека подвергалась существенной недооценке, в результате чего сегодня научный анализ тематики игры во многом носит фрагментарный характер (что уже свидетельствует о ценности осуществления исследовательской деятельности, направленной на раскрытие тех или иных аспектов феномена игры). И, во-вторых, в настоящее время наблюдается тенден-

ция привнесения в образовательный процесс элементов игры, что происходит как в условиях профильных образовательных учреждений, так и на многочисленных корпоративных тренингах, ориентированных на того, чтобы добиться большей эффективности работы сотрудников посредством повышения уровня их профессионализма и компетентности [2]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что относительно слабо изучена практика повышения эффективности образовательного процесса с применением метода геймификации, внедрение которого продикутовано, в частности, задачами по формированию высокого уровня мотивации к учебной деятельности и, соответственно, интенсивного вовлечения обучающихся в образовательный процесс. Очевидно, что изучение данного метода представляет значительный интерес в контексте описанного нами выше комплекса проблем.

Прежде чем приступить к рассмотрению специфики игровых практик в вузовском образовании, отметим, что наиболее исследованной тематика перспектив образовательной деятельности, реализуемой в игровой форме, является применительно к сферам дошкольного и начального школьного образования. Это связано, с одной стороны, с высокой степенью эффективности применения игровых практик в рамках взаимодействия с детьми, с другой стороны - с недооценкой возможностей игры по отношению к «серьезным» сферам деятельности. Последнее обстоятельство, обусловленное весьма распространенным предубеждением, которое активно оспаривал еще в прошлом веке знаменитый нидерландский философ, исследователь культуры Й. Хейзинга, серьезно препятствует развитию многих игровых практик.

Следует отметить, что игра представляет собой область деятельности, характеризующуюся высоким уровнем вовлечения участвующих в ней субъектов. Исследователи приводят многочисленные данные, свидетельствующие о том, что игра как форма деятельности обладает серьезным мобилизационным потенциалом, что проявляется в высокой степени актуальности для играющего всех тех явлений, которые имеют место на уровне игрового процесса. Именно поэтому Й. Хейзинга утверждал, что игры, вопреки расхожему суждению, представляют собой одну из наиболее серьезных областей активности человека (если рассматривать характер отношения включенных в игровой процесс людей во временной период, когда они непосредственно заняты игрой) [3].

Для того чтобы проиллюстрировать специфику применения игровых практик в образовательной деятельности, следует для начала обратить внимание на то, что сам по себе феномен игры многообразен (достаточно сравнить в данном случае спортивные, азартные и компьютерные игры, различающиеся по целому ряду критериев). Соответственно, и проявления игры в образовательной деятельности многообразны. Мы можем выделить следующие разновидности использования игры в рамках образовательной деятельности:

- использование элементов игры в организации взаимодействия обучающихся на практических занятиях (создание специфической системы их ролевого взаимодействия);
- подача материала преподавателем в игровой форме;
- использование специально разработанных игр (как настольных, так и компьютерных) для организации учебной деятельности; в этом случае весь образовательный процесс оказывается встроенным в игровую систему взаимодействия, на уровне которой обучающиеся добиваются тех или иных достижений, соревнуются между собой, устанавливают личные рекорды и т.д.

Следует отметить, что игра как форма деятельности характеризуется наличием привлекательных для субъекта активности элементов, способствующих повышению его вовлеченности в осуществляемый процесс. Собственно говоря, применение игровых практик в различных областях деятельности как раз и связано с необходимостью повышения вовлеченности членов общества в различные аспекты неигровой деятельности (трудовая актив-

PLOTNIKOV V.V.,
Doctor of Sociology, Professor
of the Department of Philosophy
and Sociology of the Krasnodar
University of the Ministry
of the Interior of Russia

KUCHMEZOV R.N.,
PhD in Juridical Sciences,
Senior Researcher of the
Research Department of
the Krasnodar University
of the Ministry of the
Interior of Russia

BICHAN V.A.,
Postgraduate Student
of the Immanuel Kant
Baltic Federal University

GAME AS A FACTOR OF EFFECTIVENESS OF HIGHER EDUCATION PEDAGOGY

**Pedagogy, educational
organization, higher
education, educational
process, teacher,
pedagogical activity,
student, game, motivation.**

The game is one of the underestimated, and therefore poorly explored aspects of human life. Despite the efforts in the field of cultural studies, psychology and anthropology, there are many «blank spots» in the study of the game aspect of human activity. At the same time, researchers have already drawn attention to the unique features of the game as a process associated with a high level of involvement of the player in the activities carried out by him. One of the areas where the prospect of introducing game practices is found is the pedagogical activity of higher education. This is due to the persistent problem of the lack of student involvement in the educational process and the need to find ways to overcome the current unfavorable trends in the educational sphere. The article analyzes the importance of the game as a factor in the formation of motivation, analyzes the possibilities and limits of the application of the game approach in the educational environment of higher educational institutions.

ность, образовательная деятельность, саморазвитие и т.д.) [4]. По этой причине игра представляет собой мощный фактор повышения эффективности образовательной деятельности, что обусловлено преимущественно психологическими особенностями действий людей, участвующих в игровом процессе.

Вместе с тем в реализации игровых практик в рамках образовательной деятельности существует и ряд ограничений, определяющих необходимость внимательной оценки конкретной ситуации и невозможность применения игровой формы как универсального варианта организации образовательного процесса. Эти ограничения связаны, во-первых, с тем, что игра предполагает добровольность участия в ней, возможность чего сомнительна в рамках институциональной структуры системы образования. В таких условиях вместо вопроса о вовлечении обучающихся в учебную деятельность актуализируется другой вопрос - о методах вовлечения в игру, реализуемую в рамках образовательного процесса. Как результат, мы приходим к противоречивой ситуации, когда для того, чтобы вовлечь обучающихся в те или иные формы образовательной деятельности, преподаватель должен сначала как-то вовлечь их в другую деятельность, непосредственно функционально связанную с образованием.

Обратим внимание на то, что игровые практики нагружают общую систему подачи учебного материала, снижая уровень «полезной нагрузки» в рамках образовательного процесса, что в отдельных случаях ставит под вопрос эффективность применения игровой методологии в образовательной деятельности. Поясняя вышесказанное, отметим, что реализация образовательного процесса предполагает передачу преподавателем знания в чистом

виде в рамках лекционных курсов, организацию самостоятельной работы обучающихся и проверку их знаний на практических занятиях. Привнесение игровых элементов может способствовать углублению в определенные темы на лекциях или в ходе семинарских занятий, однако это реализуется за счет общего запаса времени, который есть у педагога. Поэтому данный подход может быть оценен в качестве перспективного и эффективного только при условии, если подобного рода игровые практики способствуют стимулированию обучающихся к самостоятельной учебной деятельности.

В то же время имеется и другой аспект критики применения игровых практик в образовательной сфере. Некоторые исследователи ставят под вопрос перспективность внедрения игровых практик в вузах с учетом консерватизма ряда преподавателей, не склонных к внедрению инноваций [5] (однако обладающих при этом высоким уровнем знаний в той сфере, в которой они преподают).

Подведем итог. В современной педагогической деятельности введение элементов игровых практик может существенно повысить качество образовательного процесса, преимущественно за счет повышения уровня вовлеченности обучающихся в этот процесс. Вместе с тем внедрение игровых практик в сферу высшего образования сопряжено с рядом ограничений, что обуславливает необходимость углубленного анализа условий, при которых игра может стать эффективным инструментом педагогической деятельности в высших учебных заведениях. Это определяет значимость осуществления исследований, направленных на углубление и детализацию знания, связанного с тематикой применения игрового подхода в системе высшего образования. ■

Библиографический список:

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
2. Муслимова Н.Н., Егорова С.Н. Деловые игры в последипломном образовании провизоров-организаторов // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 5. С. 219-223.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс - Традиция, 1997. 416 с.
4. Чистякова А.В., Хохрякова Ю.М. Геймификация образования: проблема терминологической неопределенности // Пермский педагогический журнал. 2018. № 9. С. 207-211.
5. Чагин С.С. Геймификация профессионального образования: стоит ли игра свеч? // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1 (44). С. 26-35.

ВОРОНЦОВА Ю.А.,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин Белгородского
юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru

ХОРОШКО Е.Ю.,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин Белгородского
юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина
e-let@mail.ru

УДК 378.147+811.161.1.06

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

**Профессиональная речь,
лексика, лексические
категории, профессионально
маркированные лексические
единицы, коммуникативная
компетенция, лексическая
компетенция, профессионально
ориентированное обучение,
дидактический материал.**

В статье характеризуются особенности формирования лексической компетенции на специально отобранном языковом и речевом материале. Представлена содержательная модель организации обучения, ориентированная на развитие и интеграцию лексических навыков, связанных с решением профессиональных задач. Делается вывод о том, что при создании образовательной модели, в основе которой лежит компетентностный подход, использование профессионально ориентированного учебного материала способствует формированию лексической компетенции. Результатом обучения должно быть формирование навыков использования русского языка в профессиональной речевой деятельности.

Актуальность изучения в образовательных организациях МВД России профессионально ориентированных лексических категорий определяется необходимостью осуществления продуктивного речевого общения в профессиональной деятельности сотрудников полиции. Отнесенность языковых средств к типическим коммуникативным актам, закрепленным узусом за установленными социально-ролевыми позициями коммуникантов, является одним из основных ориентиров профессиональной речи¹. Отметим, что профессиональная речь сотрудников полиции осуществляется в процессе служебной деятельности в соответствии с особенностями правовой коммуникации, языковыми стандартами официально-делового стиля, основанными на профессионально маркированных лексических единицах. При этом подчеркнем, что профессиональная речь может проявляться в многочисленных разновидностях, и под идеальной речью следует понимать общение специалиста со специалистом, а при взаимодействии специалиста и неспециалиста перед нами предстает другой вариант профессиональной речи. На функционирование профессиональной речи оказывают влияние различные факторы, такие как ситуация общения, коммуниканты общения и т.п.

В современной модели обучения компетентностный подход стал актуальным концептуальным ориентиром². Основная цель

¹ См. об этом: Гарбовский Н.К. Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // Функционирование системы языка в речи: Сб. статей. М., 1989. С. 27-38; Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 14-35; Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: на материале русского и французского языков. М., 2022. 142 с.

² Различные аспекты компетентностного подхода и его базовые категории «компетенция» и «компетентность» составляют проблемное поле различных научных исследований. См. об этом: Зимняя И.А. Компетентностный подход: Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20-26; Фадеева В.В. Дидактические основы профессиональной подготовки инженеров

применения такого подхода в системе организованного обучения русскому языку - формирование специальных умений и навыков, значимых для практической деятельности, с ориентацией на максимальное приближение образовательной ситуации к условиям профессиональной среды. Данный подход определил основные принципы организации работы по формированию, развитию и совершенствованию лексической компетенции в процессе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России при изучении дисциплин «Русский язык в деловой документации. Культура речи», «Русский язык в профессиональной служебной деятельности».

Формирование коммуникативной компетенции, включая все ее компоненты (лингвистический, социолингвистический, социокультурный), находится в прямой зависимости от успешности овладения лексической компетенцией¹. Теоретические и дидактические основы, методика, принципы, структура, условия, этапы формирования лексической компетенции являются объектом многочисленных научных исследований и методических работ (Н.В. Баграмова, В.С. Бронская, Е.Н. Горбунова, К.С. Кричевская, А.К. Магомедова, Н.И. Павлова, Я.В. Пискун, Г.В. Рогова, В.М. Ростовцева, В.В. Семина, С.А. Трофименко, А.Н. Шамов, С.Ф. Шатилов и другие авторы²). Однако методические аспекты формирования, развития и совершенствования профессионально ориентированной лексической компетенции обучающихся не так часто выбираются в качестве предмета изучения и опи-

сания (Т.Б. Вепрева, О.И. Жданько, О.В. Наумова, Н.Ю. Фёдорова и ряд других авторов)³.

Лексическая компетенция рассматривается нами как готовность и способность обучающихся выявлять и понимать предметно-понятийное содержание слова; сопоставлять в контексте лексические единицы с точки зрения сферы, ситуации общения, стилистической окраски; использовать основные лексические категории в различных речевых ситуациях. Сформированность лексической компетенции помогает эффективно осуществлять профессиональное общение и составляет основу практической деятельности сотрудников полиции. В данной статье мы обратимся к особенностям формирования лексической компетенции на профессионально ориентированном учебном материале в системе профессиональной подготовки сотрудников полиции при изучении дисциплин «Русский язык в профессиональной служебной деятельности», «Русский язык в деловой документации. Культура речи».

Лексическая работа - это всегда планируемая преподавателем деятельность обучающихся. Формированию лексических навыков способствует профессионально направленный дидактический материал, комплекс полифункциональных практических заданий, при этом все составляющие лексической работы должны быть взаимосвязаны и реализовывать поставленную цель обучения.

«Важной особенностью профессионально направленной речи, - по мнению Л.В. Нестеровой, - является ограниченная избирательность лексики. Речь на профессиональные темы требует владения

в морском вузе: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Калининград, 2009. 39 с.; Назмутдинов В.Я., Юсупова Г.Р. Компетентностный подход в обучении // Ученые записки КГАВМ им. Н.Э. Баумана. 2013. № 1. С. 181-185; Елизова Е.И. Компетентностный подход в системе лингвокоммуникативной подготовки студентов вуза // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 3. С. 11-15; Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Формирование, развитие и совершенствование речевой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365). С. 39-44; Машиньян А.А., Кочергина Н.В. О компетентности и компетенциях в образовании // Перспективы науки и образования. 2015. № 5 (17). С. 43-46; Сиваева С.Л. Компетентностный подход в образовании // Молодой ученый. 2018. № 3 (189). С. 208-210; Лахова Б.М. Компетентностный подход в современном образовательном процессе // Colloquium-journal. 2020. № 1 (53). С. 106-109 и др.

¹ Профессиональная коммуникация сотрудника полиции характеризуется целенаправленным использованием разнообразных лексических средств, с помощью которых в юридических текстах можно квалифицированно описать любые объекты и действия. Главное в языке правоохранительной деятельности - точность выражения смысла, экспликация не индивидуального, а нормативного, поэтому искажение семантической основы информации не допустимо.

² См. об этом, например: Бронская В.С. Теоретические основы формирования лексической компетенции у школьников // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 705-706; Павлова Н.И. Методы формирования лексической компетенции // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (42). С. 168-171; Трофименко С.А. Структура и содержание лексической компетенции // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2019. С. 165-173; Пискун Я.В. Лексические навыки и особенности их формирования на ранней стадии обучения иностранному языку // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII. С. 314-319 и др.

³ При этом большинство работ посвящено способам обучения профессиональной лексике и, как следствие, вопросам формирования иноязычной лексической компетенции. Например: Жданько О.И. Комплекс упражнений для формирования профессионально ориентированной лексической компетенции // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 10. С. 65-68; Вепрева Т.Б. Обучение профессионально-ориентированной иноязычной лексике студентов неязыковых специальностей на основе интегрированного курса: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2012. 25 с.; Фёдорова Н.Ю. К вопросу о способах оптимизации обучения профессионально ориентированной лексике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 7. Филология. 2014. № 1. С. 180-190; Наумова О.В. Обучение иноязычной профессионально-ориентированной лексике как средство формирования и развития коммуникативной компетенции аспирантов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: периодический сборник научных статей. Т. 7. М., 2015. С. 293-308; Жданько О.И. Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции обучающихся в техническом вузе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2016. 24 с.

совершенно определенным набором лексических единиц, без которых профессиональное общение невозможно» [1, с. 183]. Использование профессионально ориентированного лексического материала диктуется современной концепцией образования и является мотивирующим фактором процесса обучения. Поэтому отбор содержания лексического материала осуществляется с учетом особенностей будущей профессиональной служебной деятельности обучающихся.

Систематическое накопление и расширение профессионально ориентированного словарного запаса является одной из главнейших задач при обучении русскому языку. Это развивает умение извлекать необходимую информацию и использовать ее в ситуациях служебной деятельности. Указанное положение определяет основные направления, приемы и способы работы по формированию соответствующих лексических навыков. Приведем примеры заданий, способствующих развитию необходимых умений и навыков¹:

Используя толковые словари, определите значения следующих слов и словосочетаний, их смысловые и стилистические особенности.

1. Помощник, пособник, соучастник, участник, партнер, фигурант, сообщник, компаньон.
2. Вменение, вменяемый.
3. Потерпевший, пострадавший, жертва преступления.
4. Место происшествия, место преступления.
5. Вина, виновность, виноватый.
6. Осознанно, умышленно, специально, преднамеренно, неосторожно.
7. Злоумышленник, правонарушитель, преступник.

Назовите термины, которым соответствуют данные определения.

1. Имущество, переходящее в порядке наследования от умершего (наследодателя) к наследникам.
2. Состояние, в котором лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического или временного психического расстройства.
3. Предъявление конкретному лицу обвинения в совершенном преступлении.
4. Факт нахождения подозреваемого вне места совершения преступления.
5. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Подберите к словам иноязычного происхождения синонимичные слова и словосочетания: идентификация, алиби, фальсификация, презумпция, преюдиция, секвестр, рекогносцировка, дискриминация, плагиат.

Особое место отводится изучению специальной лексики. В разнообразных научных исследованиях

понятия «специальная лексика» и «терминологическая лексика» рассматриваются как синонимичные². Мы придерживаемся позиции С.В. Гринева-Гриневица, который рассматривает специальную лексику как «совокупность лексических единиц ... специальных областей знания, образующую особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [2, с. 5]. При этом терминологизации подвергается лексика общеупотребительного языка, например: *защитник, подделка, уговор, жертва, обвинение, жалоба, вещи, собственность, владение, бабушка, дедушка, отец, мать, сын, дочь* и т.д. Граница между терминологической и общеупотребительной лексикой «нестабильна и имеет не исторический, а функциональный характер» [2, с. 26].

Подчеркнем, что изучение специальной лексики является одним из самых важных компонентов в формировании профессионально ориентированных лексических навыков. Содержательная модель организации обучения должна определяться спецификой практической деятельности сотрудников полиции. Сущность данного процесса «заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности» [3, с. 4]. Поэтому тематический спектр специальной лексики представлен лексическими единицами из разнообразных отраслей права, например: *садизм, пострадавший, правовая защита, оценка ущерба* и т.п.

Формирование умений работы с профессионально ориентированными текстами (конструирование и изложение текста, употребление специальной лексики при создании связного высказывания) осуществляется с помощью заданий, составленных по типу предложенного ниже.

Изложите текст с учетом особенностей официально-делового стиля, устранили нарушение словоупотребления.

1. На контрольно-пропускном пункте стадиона во время досмотра супруга отвлеклась и забыла там сумочку, в которой были все наши деньги, документы, банковские карточки, обратные билеты на поезд. Жена спохватилась через несколько минут, когда мы вернулись, сумочку мы не нашли. Естественно, что мы пошли к полицейским, дежурившим на входе в стадион.

2. Пятеро подростков украли болотоход у бати и хасанят на нем по деревне Демидово, что под Гусь-Хрустальным. Тормоза выжили из чата, поэтому спиди-рейсеров ловили сотрудники МВД. Все живы, пострадала только обочина. На юнца завели протокол за вождение без прав, а на отца - за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

3. Возбуждено уголовное дело в отношении 43-летнего мужчины, который обматерил сотрудников поли-

¹ Система практических заданий более полно представлена в следующих работах: Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Русский язык для юристов (Практический курс): Учебное пособие. Белгород, 2012. 176 с.; Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Русский язык в деловой документации. Культура речи: Учебное пособие. М., 2015. 256 с.; Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Языковая подготовка полицейских (для обучающихся по программам профессиональной (первоначальной) подготовки): Учебное пособие. Белгород, 2020. 140 с.; Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Русский язык в деловой документации: Практикум. Белгород, 2020. 72 с.; Профессиональная подготовка полицейских: Учебник в 4 ч. / Под общ. ред. В.Л. Кубышко. М., 2020. Ч. 1. С. 194-251.

² См., например: Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.; Супранская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2012. 248 с.

ции после того, как его задержали за нарушение общественного порядка.

Подобные задания вырабатывают навык правильного использования специальной лексики для продуцирования собственного высказывания.

Не менее важным является изучение вопросов, связанных с правилами лексической сочетаемости, так как валентность - это один из основных признаков слова. При отборе лексического материала необходимо учитывать, что сочетаемость слов (как лексическая, так и грамматическая) может быть относительно свободной, широкой (хотя и ограниченной предметно-логически) и узкой, то есть ограниченной языковой системой (лексическим или грамматическим контекстом, определенной формой слова или синтаксической функцией). Усвоению норм лексической сочетаемости способствуют задания типа приведенных далее.

С данными существительными составьте словосочетания, характерные для официально-делового стиля. К существительным первой группы подберите прилагательные, к существительным второй группы - глаголы.

1. Ответственность, лицо, меры, блага, вред, взыскание, причины, улика, объяснение, право, следы, приговор, жалоба, заявление, действия, рассмотрение, наказание, полномочия, правонарушение.

2. Протокол, обязанности, приказ, выговор, замечание, обыск, порицание, выемка, порядок, рассмотрение, задержание, воздействие, расследование, дознание, дисциплина, меры, следы.

Выберите слово из скобок, учитывая нормы лексической сочетаемости.

1. Выговор, замечание, порицание (объявить, вынести, сделать).

2. В судебной практике (разъяснялось, объяснялось, истолковывалось, растолковывалось, пояснялось, втолковывалось), что, по смыслу закона, под похищением человека следует (постигать, смыслить, понимать) противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым (завладением, захватом) живого человека.

3. При назначении (наказания, кары, возмездия, расплаты) за преступление, совершенное в соучастии, учитывается роль каждого соучастника в совершении преступления.

Необходимо уделять особое внимание основным лексическим категориям, к числу которых относятся семантические (антонимия, синонимия и другие), формальные (омонимия), формально-семантические (паронимия). Лексические категории не только составляют необходимую часть языкового материала, но и во многом определяют содержание обучения. Отметим, что основные лексические категории описываются в специальных лингвистических словарях.

Включение в процесс обучения заданий, связанных с синонимами, определяется особенностями их употребления в правовой сфере. Такие задания помогают обучающимся понять семантическое и стилистическое различие синонимов, например: кража, хищение, грабеж, воровство, хапание, лиходейство, прикарманивание, присвоение, растрата; конфискация, изъятие, отчуждение, лишение, отбирание. Некоторые термины могут вступать в синонимиче-

ские семантические отношения: процесс - действие; криминальный - уголовный - преступный; вердикт - решение; вред здоровью - травма - телесные повреждения - физический вред; порча имущества - повреждение имущества.

Особенности употребления синонимов в профессиональной речевой деятельности демонстрируют задания такого типа:

Подберите к данным глаголам синонимичные словосочетания: украсть, ударить, обыскать, уличить, допросить, задержать, осмотреть.

При этом следует обращать внимание обучающихся на то, что в правовой коммуникации употребление синонимических единиц ограничено, так как обусловлено требованием смысловой точности (участие - членство; товары, работы, услуги - гражданский оборот; несовершеннолетний - малолетний), а также на то, что устойчивые сочетания типа: совершить нападение, произвести арест, оказать содействие и т.п. - обычно не замещаются соответствующими глаголами: напасть, арестовать, содействовать и т.д.

Пониманию того, что антонимы называют различные семантические признаки одного и того же понятия (опровержимая / неопровержимая преюдиция), что правовая коммуникация характеризуется частотным использованием антонимических комплексов, так как они опосредствуют противоположные интересы (права и обязанности), способствуют задания типа представленного ниже:

Подберите к данным словам и словосочетаниям антонимы: установленное лицо, невиновная сторона, причастность к преступлению, действие, оказание помощи, потерпевший, виновный,отягчающие обстоятельства, алиби, причинение лёгкого вреда здоровью, возмездная основа.

Обязательно включение заданий, демонстрирующих обучающимся различие плана содержания и совпадение плана выражения омонимов, а также особенности их лексической сочетаемости. Например:

Объясните значение выделенных слов, укажите слова-омонимы. В случае затруднения обратитесь к словарю.

Заключение под стражу, предварительное заключение, заключение эксперта, заключение прокурора; болезнь была следствием травмы - следствием установлено; собственная дача - дача показаний; зарегистрированный брак - брак продукции; привести доказательства - привести друга; рейд сотрудников ГИБДД - рейд для разгрузки судов, мотив преступления - веселый мотив - корыстный мотив; привод задержанных - электрический привод; признание иска - признание в содеянном; приготовление к преступлению - приготовление еды; предание суду - семейное предание.

Паронимы (наряду с синонимами, антонимами, омонимами) являются неотъемлемым атрибутом правовой коммуникации. Поэтому при выполнении заданий необходимо уделить внимание тому, что лексические значения компонентов паронимической пары разграничиваются, что в правовой коммуникации паронимы могут приобретать терминологический характер. Способствуют распознаванию паронимов задания, составленные по примеру приведенного далее:

С данными словами составьте словосочетания.

Понятие - понимание, образованность - образование, вина - виновность - виноватый, вменение - вменяемый, подпись - роспись, останки - остатки, опасный - опасливый, законодательный - законодательский, обвинительный - обвинительский, обоснование - основание.

Вопросы, направленные на идентификацию лексических единиц, могут включать задания типа:

Укажите предложения, в которых есть синонимы, антонимы, омонимы, паронимы.

1. Совершение указанного деяния (действия либо бездействия) для наличия состава преступления должно повлечь наступление последствия в виде причинения крупного ущерба.

2. Заключение брака не должно производиться, если имеют место обстоятельства, препятствующие вступлению в брак... Отнесение потерь от брака продукции на стоимость незавершенного производства, как правило, не допускается.

3. Преступное сообщество (преступная организация) - это структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством.

4. Способы проникновения в жилище могут быть как открытыми, так и тайными.

5. Вопросы внутреннего и внешнего взаимодействия подразделений собственной безопасности ОВД.

Коммуникативно-речевые умения оцениваются с помощью заданий, связанных с анализом речевых фактов на предмет их соответствия литературным нормам. Например:

Найдите и исправьте лексические ошибки.

1. В результате произошедшей драки тяжкие телесные повреждения получили лобовое стекло и капот припаркованного около бара автомобиля.

2. Подростки напали на мужчину с инвалидностью, повалили его на тротуар и стали пинать ногами.

3. Также вину мужчины подтвердило исследование отпечатков пальцев и следов ладоней рук на бутылках, найденных рядом с поврежденным автомобилем и в его салоне.

Тавтология является организующим фактором семантического пространства правовой коммуникации, то есть профессионально маркированным средством обеспечения точности. Большинство юридических текстов манифестированы тавтологическими элементами. Более того, они могут строиться на сквозном использовании тавтологии, например: *получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления*. Данное положение необходимо учитывать при формировании лексических навыков, направленных на осознанное применение речевых средств. Этому способствуют задания, связанные с языковыми наблюдениями в профессионально значимых ситуациях:

Возможно ли исправить тавтологию? Объясните, почему?

1. Процессуальные особенности судебного разбирательства по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ, допускается обжалование в судебном порядке постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

2. Из положений ст. 1100 ГК РФ следует, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ.

VORONTSOVA YU.A.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after I.D. Putilin

KHOROSHKO E.YU.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after I.D. Putilin

PECULIARITIES OF THE FORMATION OF LEXICAL COMPETENCE BASED ON PROFESSIONALLY ORIENTED DIDACTIC MATERIAL

Professional speech, vocabulary, lexical categories, professionally marked lexical units, communicative competence, lexical competence, professionally oriented training, didactic material.

The article characterizes the features of the formation of lexical competence on specially selected language and speech material. A meaningful model of learning organization is presented, focused on the development and integration of lexical skills related to the solution of professional problems. It is concluded that when creating an educational model based on a competency-based approach, the use of professionally oriented educational material contributes to the formation of lexical competence. The result of training should be the formation of skills in the use of the Russian language in professional speech activity.

3. В силу пункта 1 статьи 313 Гражданского кодекса Российской Федерации кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательств возложено на указанное третье лицо.

Как показывает практика, использование профессионально ориентированного лексического материала помогает познакомить обучающихся со специальной лексикой, основными лексическими категориями, повысить уровень владения необходимым терминологическим аппаратом. Систематическая и планомерная работа по формированию лексических навыков способствует развитию и совершенствованию речевых умений в профессиональном аспекте общения.

Итак, нами предложена система разнообразных практических заданий, целями которой являются: закрепление изученного вокабуляра; развитие навыков лексического анализа; систематизация и обобщение изученной лексики; активизация осознанного употребления лексических единиц; развитие семантических связей сочетаемости единиц; применение семантических, формальных и формально-семантических лексических категорий. Использование этой системы в процессе обучения направлено на формирование профессионально ориентированной лексической компетенции.

Как видно, в содержании учебного материала оптимально сочетается лингвистическая и профессионально ориентированная информация, что является основополагающим условием реализации компетентностного подхода к обучению русскому языку. В результате образовательный процесс базируется на реальных коммуникативных потребностях обучающихся. Использование профессионально ориентированного лексического материала подчеркивает отличия между речевой деятельностью на занятиях и реальным профессиональным общением. Вместе с тем значимость профессионально направленного учебного материала заключается еще и в усилении мотивации к изучению дисциплин «Русский язык в профессиональной служебной деятельности», «Русский язык в деловой документации. Культура речи».

Таким образом, есть основания констатировать, что при создании образовательной модели, в основе которой лежит компетентностный подход, использование профессионально ориентированного учебного материала способствует формированию лексической компетенции. Результатом процесса обучения должны стать сформированные навыки практического использования русского языка в профессиональной речевой деятельности. ■

Библиографический список:

1. Нестерова Л.В. Профессионально-ориентированный подход к изучению иностранного языка в неязыковом вузе // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (23). С. 182-187.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
3. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: Учебное пособие. Орел, 2005. 114 с.

СЕРДОБИНЦЕВ К.С.,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
valamo07@mail.ru

УДК 008+94(470+571)

РОССИЯ - ЕВРОПА? АНАЛИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ

Цивилизация, власть, субъект, государство, правящий класс, архетип, служение, институт, капитализм, буржуазия, идентичность.

В статье анализируется российская цивилизация. Автор сосредоточил внимание на ее специфических чертах. Ключевым механизмом в осуществлении центральной властью своих функций является реализация принципа всеобщего служения. Служение как морально-нравственный и поведенческий императив всего населения - от крестьянина до боярина. В периоды российской истории, когда капитализм становился ведущим укладом, капиталистическая социальная система фактически утверждалась в качестве господствующей, принцип всеобщего служения не мог соблюдаться как противоречащий букве и духу капитализма, основанного на частной жизни, частном интересе, частной собственности, на декларации превалирования личных интересов над общественными. Таким образом, капитализм подрывает сакральные основания центральной российской власти. Исследование проведено с позиций исторического подхода и системного анализа. Через рассмотрение генезиса и эволюции различных сторон российской цивилизации автор приходит к выводу о ее антикапиталистическом характере.

Постановку проблемы надо расшифровать. Использованный в названии статьи термин «Европа», по сути, трактуется в узком смысле как Западная Европа. В историко-культурном смысле Европа (если не считать крито-микенскую цивилизацию) была античная, восточная средневековая, вошедшая в историографию под названием Византия, существующая с темных веков по настоящее время Западная Европа и также существующая со времен средневековья северо-восточная Европа, известная под наименованием Россия.

Ясно, что автор считает Россию частью Европы, а заголовок статьи вопрошает, является ли Россия частью Западной Европы. Россия - часть Европы, потому что субъект, из которого выросла Россия, - европейский географически (Восточно-Европейская равнина), этнически (основу создали славянские народы), культурно (преимущественно христианская страна). Но является ли Россия частью Западной Европы? На взгляд автора - нет. Россия и Западная Европа - это две разные цивилизации, но обе европейские.

Существенные, хотя, наверное, еще не цивилизационные различия между Западной Европой и русскими землями можно отчетливо видеть уже в домонгольский период. В социально-политической структуре это выразилось в существенно более весомой роли народных масс. В Западной Европе IX-XII веков они играли гораздо меньшую роль. Русские земли были фронтиром земледельческих народов у границ Великой Степи, поэтому народ был вооружен, а вооруженный народ - плохой объект для эксплуатации. Разоружить его князья не могли по той простой причине, что их дружины были слишком малочисленны и не могли защитить от набегов кочевников. Требовалось вооруженное народное ополчение.

В православии Священное писание было переведено на славянский язык, и доля грамотных людей, понимающих его, была значительно выше, чем у католиков, где требовалось знание как минимум латыни, а лучше еще и древнегреческого и древнееврейского языков. Интересны различия в фольклоре. Герои русских былин, как правило, - представители народа, и крестьянин оказывается сильнее витязя, а представители правящего сословия немногочисленны и уступают в силе, уме и доблести простым людям. В западноевропейском фольклоре героями являются представители правящего слоя, рыцари. Народ появляется лишь эпизодически. Однако в домонгольский период все эти и многие другие различия еще не приобрели цивилизационного характера, ибо цивилизации еще не сформировались.

Основания российской цивилизации сформировались в осевое время русской истории - период монголо-татарского ига. Конечно, отличия русских земель от западноевропейских и в домонгольский период были значительны, но цивилизационные различия оформились именно в этот период и даже немного позднее.

Политическая ткань русских княжеств до нашествия Батые состояла из трех субъектов: князь, бояре, вече. Подчеркиваю, вече

было везде, хотя, конечно, его роль и значимость в Новгороде и во Владимире были разными. Итак, мы имеем политико-властный треугольник - князь / бояре / вече. В разных частях русских земель соотношение сил внутри треугольника было различным, но существовал он везде. На севере и западе русских земель (Новгород и Псков) ведущая и даже главенствующая роль была у вече, на юго-западе (Галицко-Волынская, или Червленная Русь) - у боярства, на северо-востоке (Владими́ро-Суздальская - ядро будущей Великой Руси) - у князя.

Что произошло с этим треугольником в период монголо-татарского ига, его свержения, создания и укрепления Русского централизованного государства? Ответ - он исчез. Вече исчезло. В Москве уже в конце XIV века слово «вечеви́к» стало синонимом «бунтовщик». В XV веке вече (после присоединения к Москве) исчезло и в Новгороде. Боярство как самостоятельный политико-властный субъект тоже исчезло. Два субъекта, бояре и князь, слились в один князь-боярский. Точнее, боярство на правах даже не вассалов, а служилых людей вошло в политико-властный субъект под названием «Князь».

Значение этого события нельзя недооценивать, ибо, выражаясь языком современной науки, правящий класс, в данном случае боярство, перестал быть отделенным от государства и слился с ним. Государство и правящий класс - единое целое в России. Это очень важная особенность российской цивилизации. Такого не было, нет, и не может быть в Западной Европе. Следствием этого стало формирование центральной власти как моносубъекта, причем не имеющего ограничений. Этот моносубъект (довольно многочисленный) олицетворяется персоной правителя. Он как бы растворяется в фигуре правителя, приобретающей сакральные черты. Даже институт государства персонифицируется в одном человеке, власть которого де-факто не ограничивалась ни законом в западноевропейском смысле слова, ни ритуалом, как в Китае, ни обычаями или религиозными нормами, как в других странах.

Тайна российской цивилизации сокрыта в русской власти, характеризующейся моносубъектностью, слитностью правящего класса, фактически чиновничества, бюрократии, с государством, неограниченностью центральной русской (по генезису), российской власти, отождествлением государства и властного моносубъекта с личностью правителя.

Каковы функции центральной власти в России? Во-первых, это властный контроль над территорией. В период формирования Русского централизованного государства процесс политической централизации значительно опережал экономическую интеграцию. В Западной Европе - ровно наоборот. Национальные государства формировались на основе единого экономического пространства, в котором важную роль играло предпринимательство как «активная систематическая самостоятельная и ответственная инновационная деятельность по управлению капиталом, направленная на извлечение прибыли, осуществляемая на условиях риска и неопределенности в рамках общепринятых в конкретной исторической ситуации норм

ведения бизнеса» [1, с. 202]. Вторая задача - поддержание социальной стабильности. Социальная эффективность, понимаемая как относительная удовлетворенность своим положением различных слоев населения, базирующаяся на соблюдении неписанного общественного договора, сутью которого является консенсус в понимании свобод, собственности и служения. Экономическая эффективность в ее западном смысле (то есть имеющая в своей основе в качестве критерия прибыль) не играла существенной роли. Понятие экономической эффективности применимо к России только в том случае, если мы имеем в виду не прибыль, а общественную пользу.

Итак, контроль над территорией и поддержание социальной стабильности, социального согласия. Ключевым механизмом в осуществлении центральной властью этих функций является реализация принципа всеобщего служения. При этом служение понимается как морально-нравственный и поведенческий императив всего населения - от крестьянина до боярина, позже - до министра и т.д. Если все слои служат, социальная гармония сохраняется. Нарушение этого принципа ведет к социальным конфликтам и даже дезорганизации. Нарушение этого принципа Петром III, сохраненное и усиленное Екатериной II, имело далеко идущие, позже катастрофические последствия. Имеется в виду разрешение дворянам не служить. Это подорвало общественное согласие, разрушило неписанный общественный договор. Следует отметить, что в периоды российской истории, в которые капитализм становился ведущим укладом, фактически капиталистическая социальная система утверждалась в качестве господствующей, принцип всеобщего служения не мог соблюдаться как противоречащий букве и духу капитализма, основанного на частной жизни, частном интересе, частной собственности, на декларации превалирования личных интересов над общественными. Таким образом, капитализм подрывает сакральные основания центральной российской власти, являющейся осью и оселком российского социума.

Третьей важнейшей (после контроля над территорией и поддержания общественного согласия, то есть социальной стабильности) функцией российской власти является защита от внешней угрозы, сохранение государственного суверенитета. Это особенно актуально последние четыреста лет, в течение которых утвердившаяся и укреплявшаяся в Западной Европе капиталистическая система требовала расширения, и давление, в том числе военное, на Россию возрастало. Ответом на западную угрозу стали проводившиеся по инициативе власти модернизации-мобилизации, в ходе которых для решения поставленных задач сосредоточивались усилия всего общества.

В условиях институциональной слабости российского общества центральной властью для реализации своих функций иногда использовались внеинституциональные, чрезвычайные органы, играющие в нашей истории роль, которую трудно переоценить. Это тоже специфика российской цивилизации - компенсация институциональной слабости созданием чрезвычайных органов.

Самые крупные примеры - опричнина Ивана IV Грозного и все-российская чрезвычайная комиссия, созданная на заре советской власти. Что такое опричнина с социально-философской точки зрения? Это созданная Иваном IV социально-властная технология, движущим субъектом которой являлся внеинституциональный орган, своеобразная чрезвычайная комиссия. Цель - подавление олигархической (княжеско-боярской) оппозиции ради укрепления центральной власти. Цель была достигнута сравнительно быстро и относительно малой кровью. Неудача опричной политики привела бы, на наш взгляд, к развалу - формальному или только фактическому (как в случае с Речью Посполитой XVI-XVIII веков) - Русского централизованного государства. Решить задачу можно было, только применив новую властную технологию - чрезвычайный орган. Отметим, что после ликвидации опричнины и даже запрета публично употреблять слова «опричнина», «опричник» фактически опричнина никуда не делась, а приобрела статус социального и государственного института, получившего название «государев двор». Слово исчезло, а функция осталась, поэтому остался субъект, реализующий эту функцию.

Всероссийская чрезвычайная комиссия тоже создавалась как временный чрезвычайный орган для защиты безопасности государства и укрепления центральной власти. В самый драматичный момент советской истории она выполнила свою задачу и стала государственным институтом - Главным политическим управлением.

Итак, определенная институциональная слабость (институты требуют длительного периода созревания от зарождения до развитых форм, однако достаточного времени на такое созревание из-за перманентного военного давления Запада не было) приводит к необходимости появления в России время от времени «чрезвычайных комиссий», нередко впоследствии вырастающих в институты. Это тоже особенность российской цивилизации: своеобразное вынужденное ускорение социального времени.

Важной чертой российской цивилизации, вытекающей из уже перечисленных, является ее антикапиталистическая сущность, которая проявилась не только во времена Советского Союза, но и во всей истории последних пяти веков. Однако соседство с агрессивным капиталистическим Западом, в противостоянии с которым Россия смогла отстоять свою независимость и создать высокотехнологичную индустрию, в плане социальной организации имело и имеет негативное следствие: правящий класс России, начиная с Петра I, подвергался вестернизации, и какая-то его часть фактически стала западной с ментальной точки зрения. Это создает проблемы формирования и поддержания российской идентичности, потому что общество расколото на две части: собственно Россию и небольшой численно, но влиятельный российский правящий класс, настроенный прозападно.

Затронув тему ментальности, считаем важным обратить внимание на некоторые архетипы русского народа, формирование которых, по-видимому, завершилось в период татаро-монгольского ига. Это архетип жертвенности, самопожертвования и знаменитый русский фатализм, выражающийся в поговорках «От судьбы не уйдешь», «Судьбу не обманешь», в армейской формуле «Верность Присяге - покорность Судьбе».

Соответственно изложенному выше, следует сделать вывод о том, что взгляд на историю с позиций России и Запада различен, причем каждая сторона характеризует точку зрения оппонента как фальсификацию.

Фальсификация истории - ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее. Цели и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразными: закрепить за тем или иным народом историческое право на определенную территорию, обосновать легитимность правящей династии, обосновать правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику, «облагородить» процесс этногенеза и т.д. [3, с. 3].

SERDOBINTSEV K.S.,
Doctor of Philosophy,
Associate Professor, Head
of the Department of Socio-
Economic and Humanitarian
Disciplines of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

RUSSIA - EUROPE? ANALYSIS OF CIVILIZATIONAL PARADIGMS

**Civilization, power, subject,
state, ruling class, archetype,
ministry, institution, capitalism,
bourgeoisie, identity.**

The article analyzes the Russian civilization. The author focused on its specific features. The key mechanism in the implementation of the functions of the central government is the implementation of the principle of universal service. Service as a moral and behavioral imperative of the entire population - from the peasant to the boyar. During the periods of Russian history, when capitalism became the leading mode, the capitalist social system was actually established as the dominant one, the principle of universal service could not be observed as contrary to the letter and spirit of capitalism, based on private life, private interest, private property, on the declaration of the prevalence of personal interests over public. Thus, capitalism undermines the sacred foundations of the central Russian government. The study was conducted from the standpoint of the historical approach and system analysis. Through consideration of the genesis and evolution of various aspects of Russian civilization, the author comes to the conclusion about its anti-capitalist nature.

Методы фальсификации истории многообразны, но в целом их можно свести к следующим уровням:

а) прямое измышление фактов и подделка документов. Это можно назвать фактографической или эмпирической фальсификацией, то есть осуществляющейся на уровне отдельных фактов;

б) односторонний подбор и произвольное толкование фактов, в результате чего между фактами выстраиваются связи, в реальности отсутствующие, и делаются выводы, которые на основании полной картины сделать никак невозможно. Это концептуальная фальсификация, то есть фальсификация, осуществляемая на уровне концепций, исторических теорий [3, с. 3]. (В этом случае все используемые факты могут соответствовать реальности, но выводы делаются с грубым и целенаправленным нарушением методологических основ: например, с целью оправдания некоего исторического персонажа все источники, сообщающие о нем негативную информацию, отменяются как враждебно настроенные, следовательно - тенденциозные, следовательно - ложные (хотя враждебный источник сам по себе вовсе не обязательно должен лгать); наоборот, источники, сообщающие позитивные факты, принимаются безо всякой критики. К пограничным приемам между случаями а) и б) можно отнести приведение реальной, но усеченной цитаты, с опущением мест, которые прямо противоречат необходимым фальсификатору выводам);

в) метафизическая фальсификация, то есть фальсификация, затрагивающая мировоззренческие основы жизни народа. Цель - «перекодировка» культурно-исторического кода. Например, максима «Положить жизнь за други своя» - это глупость. Нет никаких друзей, а потому «класть» жизнь за них глупо. Коллективизм, социальная справедливость - это ценности и мечта для слабых. Сильные, удачливые, состоявшиеся должны исповедовать другие максимы: «Homo homini lupus est» («Человек человеку волк») или «Падающего подтолкни». Это пример фальсификации истории на метафизическом, смысловом уровне.

Ментальные архетипы России, сыгравшие «определяющую роль в формировании русского социального характера, сложившегося на основе существовавшего типа общества и воспроизводящего его» [2, с. 111], и Запада противоположны.

В России государство есть инструмент организации общества и его защиты, а на Западе государ-

ство - форма самоорганизации общества. В России право суть инструмент реализации властного ресурса, законы являются регламентом (подходящий термин из эпохи Петра I), то есть власть регламентирует жизнь подданных, а на Западе право - регулятор общественных отношений, законы есть правила, регулирующие жизнь граждан. Естественно, что реформы 60-70-х годов XIX века не привели к снятию социальных проблем в Российской империи, а лишь обострили их. Причина - буржуазный характер реформ.

В России правящий класс слит с государством (боярство, дворянство, чиновники имперского периода, номенклатура, чиновничество Российской Федерации), а на Западе - отделен от государства, как правило, довольно слабого, вынужденного опираться на этот самый правящий класс как на элемент гражданского общества. На Западе буржуазия - это опора государства. В России в периоды, когда капитализм является господствующим укладом, буржуазия нередко предает национальные интересы.

Запад это капиталистическая социальная система, что является ее стержневой цивилизационной характеристикой. Система является экстенсивной по своей сути и содержит в себе фундаментальное противоречие: партикуляризм-универсализм, множество-единство, мозаичность-целостность, государство-рынок. Утвердившийся на Западе капитализм проявлял себя вовне в виде колониализма и строительства колониальных империй, делая это, в частности, посредством создания транснациональных корпораций. Начинали с прямого захвата и ограбления, затем наступил этап неэквивалентного обмена через реализацию своего технологического преимущества и финансового господства. В середине XIX века ядром капиталистической системы (коллективным Западом) были уничтожены две последние альтернативные мир-системы (выражаясь языком И. Валлерстайна): Россия - в ходе Крымской войны и Китай - в ходе опиумных войн. Капитализм из мир-системы стал мировой системой. Россия и Китай оказались частью этой системы на правах периферии. В XX веке Россия создала системный антикапитализм, воплощением которого был СССР. После разрушения Советского Союза она вновь влилась в капиталистическую систему, опять ставшую мировой, и вновь на правах периферии. Наверное, в XXI веке России опять придется строить свою систему. ■

Библиографический список:

1. Сердобинцев К.С., Чаплыгин В.Г. Теоретико-социальный анализ феномена предпринимательства в условиях глобализации // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 1 (15). С. 199-206.
2. Сердобинцев К.С. Проблема модернизации и развития гражданского общества в России: диалектика «Я» и «Мы» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 110-119.
3. Воронов В.Н., Захарова Т.В. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны // Мир образования - образование в мире. 2015. № 2 (58). С. 3-9.

БЕЛЯЕВА Л.И.,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России
beliaeva_055@mail.ru

КЛИМОВ А.Ю.,

доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела
по изучению проблем истории МВД России
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России
klimovandrey2008@rambler.ru

УДК 340.15+94(470-25)

РОЛЬ ОБЪЕЗЖИХ ГОЛОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

**Москва, объезжий голова,
Земский приказ, Разбойный
приказ, Наказ о градском
благочинии, Статьи объезжим
головам, нормы права, охрана
общественного порядка.**

*В статье излагаются некоторые
результаты исследования
деятельности объезжих
голов - особых должностных
лиц, принимавших участие
в обеспечении общественного
порядка и борьбе с преступностью
в Москве XVI-XVII вв. Авторы
проанализировали нормативные
правовые акты, послужившие
основой для формирования единых
организационных начал управления
в сфере борьбы с преступностью
и охраны общественного порядка.
Статья посвящена 300-летию
юбилею московской полиции,
который отмечался в 2022 г.*

В XVI-XVII вв. важнейшим центром организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в Москве был Земский приказ. Он, можно сказать, выполнял функции городского полицейского управления. Между ним как органом центрального управления в Москве и органами местного сотенного и слободского управления для осуществления полицейских функций был создан еще один промежуточный уровень обеспечения общественной безопасности - система объезжих голов. Особые должностные лица - объезжие головы - стали прообразом начальников полиции округов и районов Москвы. По мнению многих ученых, изучающих историю органов внутренних дел, объезжие головы были первыми профессиональными полицейскими в России, выполнявшими именно правоохранительные, а не военно-полицейские функции. Объезжие головы являлись представителями царя в сфере контроля за обеспечением общественного порядка и надзора за соблюдением законности.

Помимо деления на слободы и сотни, на церковные приходы, Москва в XVI-XVII вв. делилась на административно-полицейские участки объезжих голов. Это разделение произошло еще в начале XVI в. (в 1504 г.) по указу Ивана III. Основными целями такого деления являлись предупреждение пожаров и охрана общественного порядка. Размеры и количество участков не были стабильными и определялись текущими потребностями. В более спокойное время количество участков сокращалось, и их территории увеличивались, а в беспокойное время - наоборот. При этом «Кремль неизменно составлял один участок. Небольшой по площади Китай-город обыкновенно был также в ведении одного головы, но во время волнений разделялся Ильинкой на два участка. В Белом городе было обыкновенно 4 участка, а при нужде число их увеличивалось до 7. Земляной город с его беспокойным населением, состоявшим преимущественно из ремесленников и мелких торговцев, подвергался более частым и причудливым переделам; тут было от 7 до 11 участков» [1, с. 117]. И каждым таким участком ведали особые должностные лица - объезжие головы.

Объезжие головы подчинялись в рамках своей деятельности Разрядному приказу, но назначались лично государем. Список кандидатов составлял и представлял царю Разрядный приказ. Если приказ не мог подобрать кандидатуры на должности, то его

глава обращался напрямую к монарху с просьбой указать, «кому в тех объездах и с которого числа быть» [2, л. 55-56]. Нередко на один участок назначались два объезжих. Участок, куда назначался тот или иной объезжий голова, зависел от его чина. Например, служба в Китай-городе, а тем более в Кремле, считалась выше по значимости. А назначение на государственные должности с конца XV в. до 1682 г. производилось по принципу местничества, то есть в зависимости от знатности рода. В результате зачастую возникали местнические споры. Даже при назначении на одинаковые должности, в частности объезжих голов. Так, в разрядной книге 1584 г. записано: «Тово же году на Москве летом были в объезде в головах для пожару и для всяково воровства: в Большом старом городе в Кремле: князь Иван Самсонович Туренин да Григорей Микитич Борисов Бороздин; и Григорей Борисов на князь Ивана Туренина бил челом государю в отечестве о щоте» [3, т. 3, ч. 2, с. 37]. «Бить челом государю о местех» относится к местническим спорным случаям, когда служилый человек выражает недовольство не должностью своего оппонента, а его записью впереди себя, что подразумевало более высокое положение оппонента. Поэтому в дальнейшем - в начале XVII в. - служба объезжего головы перестала учитываться в местнических счетах.

Иногда объезжими головами назначались даже члены Боярской думы. Так, в 1603 г. объезжим головой в Кремль был назначен боярин князь Трубецкой Никита Романович, в Китай-город «на большую половину» - окольный Иван Иванович Годунов, в Китай-город «на меньшую половину» - боярин Михаил Глебович Салтыков, в Царев каменный белый город - боярин князь Василий Васильевич Голицин [3, т. 4, ч. 2, с. 57-58]. Но после того как царские повеления, записывавшиеся в разрядных книгах, стали содержать фразу «объезжим головам быти всем без мест», статус данной должности резко упал.

Обычно объезжие головы назначались на участки в апреле или мае - в начале пожароопасного сезона. После назначения объезжий голова производил перепись дворов и лавок на подведомственной территории для того, чтобы распределить караульную повинность: один человек от пяти (позднее - от десяти) лавок или дворов назначались «для ... дневных и ночных сторож» (то есть караулов) «в улицах и в переулках и в рядах» [4, л. 110-111]. Важнейшими задачами объезжего головы являлись поддержание общественного порядка и организация борьбы с уличной преступностью. Объезжий голова обязан был следить за укомплектованностью караулов, а также, чтобы сторожа «не спали и ни за каким дурном не ходили» [4, л. 112] и внимательно присматривали за порядком. Для разбирательства задержанные нарушители сопровождалась на Съезжий двор, который служил резиденцией объезжего головы.

Не менее важной обязанностью объезжего головы был контроль за строгим соблюдением мер пожаробезопасности. С целью профилактики возгораний строений, в большинстве своем деревянных, жителям Москвы с весны до осени запрещалось от-

апливать жилые помещения и бани, зажигать в избах огонь в вечернее время. В этот период печи в банях и жилых помещениях опечатывались объезжими головами. Исключения делались в случае холодной погоды. Также в виде исключения, с особого разрешения объезжего головы, один раз в неделю разрешалось топить избы, в которых находились нуждавшиеся в тепле, больные или роженицы. При этом объезжий голова должен был лично контролировать «пока избы истопят», а в случае пожара - организовать тушение. Пищу москвичам разрешалось готовить в утренние часы после восхода солнца в так называемых «поварнях», расположенных вдали от построек: «... варить и хлеб печь в поварнях, и мыться в огородах в печах, чтоб не было близко хором» [4, л. 113-115]. Также объезжий голова должен был инструктировать население о мерах предосторожности при обращении с огнем: «А коли будет день ветрен, и им в те дни ветреные велети есть варити и хлебы печь с великим береженьем» [5, с. 146-148].

Объезжий голова в XVI-XVII вв., главный «полицейский начальник» территориальных частей Москвы, назначался на должность и осуществлял свою деятельность в соответствии с записными книгами Разрядного приказа. Их называли также записными разрядными книгами. В них записывались повеления монархов о назначении на должности по военному, гражданскому, придворному, дипломатическому и другим ведомствам. Хронологически записывалась информация о важных событиях: военных походах, приемах иностранных послов, свадьбах великих князей и т.д. Разрядные книги велись с последней четверти XV в. В частности, великий русский историк Н.М. Карамзин отмечает: «Древнейшая из Разрядных книг, мне известных, начинается с 6979 или 1471 года» [6, с. 126]. Сначала записи в них делались не регулярно, примерно до начала XVI в., затем ведение книг стало носить систематический характер, из года в год эта работа увеличивалась в объеме. Примерно с середины XVI в. Разрядный приказ начал делиться на так называемые «столы» (или отделения) - в основном по обслуживаемым территориям государства. Московский стол Разрядного приказа, будучи столичным, являлся самым важным. В нем велись Записные книги Московского стола Разрядного приказа. Подобные книги существовали в каждом отделении Разряда. Именно в Записных книгах Разрядного приказа и в Записных книгах Московского стола Разрядного приказа содержится информация о назначении объезжих голов в Москве.

Установить точную дату появления в Москве должностей объезжих голов довольно проблематично ввиду нерегулярности ведения записных книг на начальном этапе. Первое распоряжение государя о назначении объезжих голов в Москве, которое нам удалось обнаружить, датировано 1584 г.: «... на Москве летом были в объезде в головах для пожару и для всяково воровства: в Большом старом городе в Кремле: князь Иван Самсонович Туренин да Григорей Микитич Борисов Бороздин; в Китае городе: Богдан Иванович Полев да Костентин Дмитриев сын Поливанов ... В Земляном городе, в одной половине, за Неглинною Иван Федоров сын Колычев

да Репчюк Клементьев, а в другой половине, на Покровке Самсон Григорьев сын Дмитриев да Иван Гусь Милуков» [3, т. 3, ч. 2, с. 37]. Здесь речь идет о четырех участках объезжих голов, на каждый из которых назначены по два объезжих головы. Но в данной росписи пропущены или просто не указаны объезжие головы в Большом каменном городе, то есть в Белом (или Царёве) городе, и в Замоскворечье. Поэтому сделать вывод о количестве участков в Москве по записям 1584 г. не представляется возможным. В росписи объезжих голов 1589 г. назначено быть в объезде «в Большом каменном городе князю Михаилу Васильевичу Мезецкому» [3, т. 3, ч. 2, с. 144], в росписи 1591 г.: «были тово же 99-го году в объезде для огня и для всякого воровства, оберегали: ... за Москвою рекою: князь Федор Козловской да Иван Огорев» [3, т. 3, ч. 2, с. 202], а в росписи 1592 г. Белый город делился на два участка: «... в новом Белом Казенном городе, на Большом посаде, Яков Васильев сын Волынской; в новом же Белом Каменном городе, на Меньшом посаде, за Неглинною Лука Новосильцев» [3, т. 3, ч. 3, с. 36]. Учитывая это, можно предположить, что в конце XVI в. Москва делилась на 7 участков.

В начале XVII в. количество объезжих голов в Москве, а соответственно и участков, заметно возрастает и доходит до 12. Причем на один участок назначались по два или по три объезжих головы при старшинстве записанного в указе первым. Повидимому, такие решения не были спонтанными. Увеличение числа городских жителей, возрастание удельного веса людей, не занятых делом, а значит - людей, по разным обстоятельствам «выбившихся из жизненной колеи», влекло за собой расширение объема правонарушающего поведения.

В 1600 г. на некоторые участки Москвы было назначено по четыре объезжих головы. В начале 30-х годов XVII в. Москва делилась уже на 16 участков. А максимальным количество участков объезжих голов, а именно 17, стало в 1639 г.: 1) Кремль; 2) Китай-город; 3) В Белом городе - «в Чертолье от Водяных ворот, что у конюшен, по Знаменскую улицу»; 4) «от Знаменской улицы по Никитскую»; 5) «от Никитской по Тверскую улицу»; 6) «от Тверской улицы по Неглинную»; 7) «от Неглинны по Сретенскую улицу»; 8) «от Сретенской улицы по Покровскую»; 9) «от Покровской улицы по Яузские ворота и по Васильевскому лужку»; 10) В Земляном городе - «от Благовещенья, что на Воронцовом поле, по Яuzu и до Москвы реки»; 11) «за Яузою, за мостом, в остроге, во всех слободах по Москву реку и по Яuzu»; 12) «от Зачетейского монастыря по Арбатскую улицу»; 13) «от Арбатской улицы по Никитскую большую улицу, от Никитской от большой улицы по Тверскую»; 14) «от Тверской улицы по Сретенскую»; 15) «от Сретенской до Благовещенья»; 16) За Москва-рекой: «от Пятницкой улицы, едучи от города с Живого мосту направо»; 17) «от Пятницкой улицы, едучи от города с Живого мосту налево в слободах и в Лужниках до Москвы реки» [7, с. 175]. Позднее количество участков практически не изменялось и колебалось от 16 до 17. Имеющиеся записи не позволяют установить основания, по которым определялось число объезжих голов.

Назначение объезжих голов производилось царским указом ежегодно сроком на один год. В случае болезни или других непредвиденных обстоятельств полномочия объезжего могли быть прекращены досрочно. При успешном выполнении своих обязанностей и личном желании объезжий голова мог быть назначен и на следующий год. Как свидетельствуют документы, дольше всех должности объезжего головы занимал князь Фёдор Алибеевич Македонский, находившийся на должности объезжего головы Китай-города непрерывно с 1650 по 1672 гг., то есть в течении 22 лет [8, л. 203-206]. Вместе с тем громоздкое делопроизводство в Разрядном приказе иногда приводило к путанице при назначении на должности, в результате чего один и тот же служилый человек мог одновременно попасть в указы о назначении на службу в разные местности.

Несмотря на то, что назначение объезжих голов Москвы указом царя готовилось и регистрировалось в Разрядном приказе, должностные обязанности объезжих голов регламентировались наказами или инструкциями, которые вручались им в Земском приказе. Первый известный подобного рода наказ Земского приказа «Семену Ивановичу Кологривову, дьяку Михаилу Унковскому и подьячему Якову Никонову, назначенным объезжими головами от Москва-реки по Никитскую улицу в Белом городе» [5, с. 146-148] датируется 30 мая 1609 г. В нем довольно подробно описаны обязанности объезжих голов и их помощников по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: «И Семену и дьяку Михаилу, и подьячему Якову, взяв на Земском дворе решеточных прикащиков, ездити от Москвы-реки по Никитскую улицу по всем улицам и меж улиц по переулкам и по рядом днем и ночью беспрестанно. И того беречь накрепко, чтоб по улицам и по переулкам корчем и бледни не держали и зерню не играли, и никто никою не бил и не грабил, и иного никоторово воровства не было ни у ково никоторыми делы. А где у какова человека ни буди сведают корчму или зернь или бледню, или хто ково станет бити и грабити, или иное какое воровство делати, и им у тех людей, которые люди учнут корчму держать, питье вынимать, а их имать, и питухов, и зернщиков, ... или которые люди учнут хто ково бити или грабить, или иное какое воровство ни будь делати, и им их отсылати на Новой на Земской двор Офонасью Зиновьеву с товарищи. А сколько питья у ково вымут, и ково имянем с продажным питьем и питухов, поймав, пошлют, и им все писать у себя в книги подлинно, чтоб у них заповеди ведомы ж были» [5, с. 146-148]. Не менее подробно в наказе описывались обязанности по соблюдению мер пожарной безопасности и контролю за этим.

Кроме дьяка и подьячего, к объезжему голове прикомандировывались решёточные прикащичики, недельщики и сторожа. Это также закреплялось документально в росписях объезжих голов: «Того ж году были на Москве объезжие головы а с ними, для береженья от огня и ото всякого воровства, было: земского двора по 5 ч. решеточных прикащичиков, да по 5 ч. из приказов недельщиков, да где кто ездил с 5-ти дворов по человеку сторожей» [9, стб. 930].

Правовое закрепление деятельности лиц местного самоуправления в Москве, то есть слободских старост и сотских, в середине XVII в. также происходило на основании наказных памятей или инструкций, вручавшихся в соответствующем приказе, которому подчинялась та или иная слобода или сотня. Например, обязанности по охране общественного порядка на своей территории для сотского Пушкарской сотни Тита Станочника указаны в Наказной памяти от 13 сентября 1646 г. «О строгом соблюдении в его сотне порядка и благочиния»: «... в своей сотне смотреть и беречь того накрепко, чтоб во дворах у пушкарей и которые у них всякие люди живут в захребетниках, татьбы, и корчмы, и зерни, и бледни, и душегубства, и иного никакого воровства, и приходу и приезду никаким воровским людям не было ... про всякое воровство сыскивать допряма, а сыскав, про то про все извещать в Пушкарский приказ ... а будь в его сотне какое воровство объявится его небереженьем, и сыщется мимо его Тита и пятидесятиков и десятников, им за то быти от Государя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси в наказание ...» [10, с. 9-10].

Кроме обязанностей по поддержанию благочиния в слободе или сотне, в наказной памяти устанавливалась личная ответственность сотского или старосты за правонарушения на их территории, выявленные другими должностными лицами, осуществляющими надзорную правоохранительную функцию или самими жителями, при небрежном исполнении старостой или сотским своих обязанностей. Значимость данного правового акта для совершенствования системы государственного управления состояла еще в том, что он определял порядок взаимодействия слобод и сотен Москвы с органами государственной власти - приказами, должностными лицами, их возглавлявшими, и их помощниками - дьяками и подьячими.

Однако не все сословия в равной степени находились под юрисдикцией объезжего головы. Горожан «простых чинов», не выполнявших противопожарные требования, топивших печи и готовивших еду в не отведенное инструкцией время, не выполнявших повинности по несению караульной службы, объезжий голова имел право подвергнуть телесному наказанию и даже заключить в тюрьму. Вместе с тем в случае невыполнения законных требований объезжего головы знатными горожанами или их слугами, действовавшими по прямому указанию своего хозяина, объезжий был вправе лишь доложить об этом в Разрядный приказ. Так, например, объезжий голова Иван Иванович Кореев в 1695 г. доносил в Разрядный приказ, что на его участке за Москвой-рекой: «... столычники, и стряпчие, и дворяне, и подьячие, и иноземцы, толмачи, и переводчики, и всяких чинов люди на уличный караул людей своих и дворников не выслают и хоромы топят безвременно, чинятся их великих государей указу непослушны» [11, с. 55].

Если же дворовые люди на хозяйском дворе знатного горожанина топили печи в отсутствие хозяина, они подвергались наказанию наравне с простыми посадскими людьми. И хотя дворцовые слуги к караульной повинности не привлекались «для того, что государево дело делают беспрестанно»,

но, что касается мер противопожарных, они были подведомственны объезжему голове [4, л. 248-252].

Долго оставался неурегулированным вопрос о статусе иноземцев, находившихся традиционно под юрисдикцией Посольского приказа. Длительные переговоры между приказами в конце концов привели к компромиссному решению: объезжий голова прежде, чем предпринять какие-либо действия в отношении иностранцев, обязан был их согласовать в Посольском приказе.

Единственным сословием, которое было полностью выведено из компетенции царских объезжих голов, было духовенство. Дворы попов, церковных служащих, монастырские подворья находились в ведении патриарших дворян, которые, в свою очередь, назначались и подчинялись Патриаршему разрядному приказу. Что касается ремесленников, выполнявших работу по найму и проживавших на подворьях духовенства, то они находились в двояком положении. Социальный статус этих ремесленников подразумевал над ними юрисдикцию государевых объезжих голов, а по месту жительства - патриарших объезжих. Возникавший вследствие этого конфликт интересов часто приводил к столкновениям патриарших и царских объезжих голов, что сопровождалось взаимными обвинениями. Только с 1675 г. дворы духовенства вместе со всеми проживавшими в них, за исключением монастырских подворий, перешли под юрисдикцию государевых объезжих голов [4, л. 216-221].

Для выполнения своих функций объезжий голова и назначенный вместе с ним царским повелением дьяк имели в своем распоряжении, кроме караулов из местных жителей, еще целый штат приказных служащих. Процесс комплектования этого штата был довольно сложным. В него входили два или три подьячих, которые вели делопроизводство объезда, а также несколько решёточных приказчиков.

Приказчики обычно назначались Земским приказом, и они обязаны были выполнять все поручения объезжего головы: инспектировать уличные караулы, руководить заставами у решёток, пресекать внеурочную топку печей, следить за общественным порядком. Иногда на их должности назначались представители нижних слоев дворянства - выборные дворяне или дети боярские, направляемые из других приказов. Подьячие также назначались в объезд из различных учреждений: из Земского и Поместного приказов, из Приказа Новой чети, из Холмопьяго суда, из Приказа Большого прихода и т.д. Зачастую эти учреждения не спешили направлять своих сотрудников, особенно грамотных подьячих, в связи с чем нехватка кадров была одной из насущных проблем объезжих голов. Пытаясь решить эту проблему, объезжие головы направляли в Разряд жалобы о том, что приказаны «... чинятся непослушны, подьячих не дают» или направляют «подьячего худого, которой им не надобен, писать ничего не знает, пьяница», из-за чего «великого государя дело стало» [12, л. 323, 413-414].

Изданный в 1649 г. царем Алексеем Михайловичем «Наказ о градском благочинии» [13, т. 1, № 6] стал первым высочайше утвержденным нормативным правовым актом, регламентировавшим исключительно полицейскую деятельность опреде-

ленных должностных лиц. Примечательно, что первоначально он был адресован объезжему голове одного из районов Белого города, затем его действие распространилось на всю Москву, а позднее и на другие крупные города. Сейчас трудно предположить, чем вызвано было такое ступенчатое применение правовых предписаний: просто так получилось, иначе не получилось или это было продуманное решение? Но с современных позиций это похоже на эксперимент, что заслуживает внимания. Все ранее изложенные в инструкциях Земского приказа, в Записных и Уставных книгах Разрядного, Земского и Разбойного приказов, в росписях объезжих голов положения в систематизированном виде нашли отражение в Наказе.

Сословность в подконтрольности объезжим головам была устранилена на основании «Наказа объезжим в Кремле» [13, т. 1, № 600] от 14 апреля 1675 г., что прямо свидетельствует о стремлении в полицейском отношении подчинить знатных людей Москвы объезжим головам. А изданный вскоре именной Указ от 24 мая 1675 г., объявленный памятью стольнику Хилкову и дьяку Калинину, «О заведывании им домов духовных людей касательно предосторожности от пожара» [13, т. 1, № 603] предписывал необходимость контролировать и требовать выполнения полицейских повинностей и со знатных и с духовных чинов людей, правда, без назначения их в уличный караул и наказания. Таким образом, указ устранял различия в полицейских вопросах по сословиям, званиям и чинам и укреплял статус объезжих голов Москвы.

В дальнейшем совершенствование правовой базы способствовало расширению полицейских обязанностей объезжих голов, что естественным образом влекло за собой необходимость их упорядочения. Оно последовало 19 марта 1686 г., когда указом царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей были изданы «Статьи объезжим головам» [13, т. 2, № 1181]. В них предписывалось объезжим головам контролировать, чтобы в Москве «ни каких пришлых и гулящих людей, без поручных записей, отнюдь не было». Поручные записи подавались в Земский приказ. Эта необходимость объяснялась следующим образом: «... ныне в Стрелецкий приказ в приводах многие бывают всяких чинов пришлые гулящие люди, в разбойных и в татинных, и в иных разных, многих воровствах, и во всяком дурне, а в расспросах своих говорят, что они живут на Москве ... без поручных записей и без записок, по месяцу и по два и полугоду и по году, а по которым и есть поручные записи, и те в Земском приказе не записаны. И от тех пришлых и гулящих людей на Москве во многих местах чинится воровство и грабеж и смертное убийство и всякое дурно» [13, т. 2, № 1181]. Очевидно, что уже тогда обращали внимание на миграционные процессы.

Резиденцией объезжего головы был съезжий двор. Как правило, он отводился объезжему голове на его участке, причем местоположение съезжего двора каждый год менялось. Чаще всего дворы обустраивались на монастырских подворьях. На съезжем дворе проводилось разбирательство по мелким уголовным и административным делам, обычно о несоблюдении мер противопожарной безопасности, не выполнении караульных повинностей и т.д. Если нарушителями оказывались лица, подчиненность которых объезжий голова самостоятельно установить не мог, он запрашивал удостоверения своих полномочий в Разрядном приказе, отмечая, что «того в наказе не писано» [8, л. 349]. Впрочем, если объезжий голова и не сомневался в своей компетентности, он все-таки зачастую старался перестраховаться, чтобы не быть обвиненным в небрежности. Любопытно, что спустя столетия эти мотивы будут звучать вполне современно. Живучи традиции.

Из архивных документов следует, что объезжие головы, первоначально учрежденные для охраны общественного порядка, со временем сформировались как самостоятельный административно-правовой орган, обеспечивающий как реагирование на пре-

BELYAEVA L.I.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the
Russian Federation, Professor
at the Department of Criminal
Policy of the Academy of
Management of the Ministry
of Interior of Russia

KLIMOV A.Y.,
Doctor of History, Associate
Professor, Chief Researcher
at the Department for the
Study of the History of the
Ministry of Interior of Russia
of the Scientific-Research
Center of the Academy of
Management of the Ministry
of the Interior of Russia

THE ROLE OF VISITING HEADS IN ENSURING PUBLIC ORDER AND COMBATING CRIME IN MEDIEVAL MOSCOW

**Moscow, visiting head, Zemsky
order, Robbery order, Decree
on city deanery, Articles on
visiting heads, norms of law,
protection of public order.**

The article presents some results of a study of the activities of the visiting heads - special officials who took part in ensuring public order and combating crime in Moscow in the 16th-17th centuries. The authors analyzed the normative legal acts that served as the basis for the formation of unified organizational principles of management in the field of combating crime and protecting public order. The article is dedicated to the 300th anniversary of the Moscow police, which was celebrated in 2022.

ступления, так и их предупреждение. До создания регулярной полиции в Москве в начале XVIII в. система охраны общественного порядка и борьбы с преступностью состояла из следующих субъектов: государя как высшего должностного лица, приказов и объезжих голов как центральных звеньев системы, а также слободских старост, сотских, пятидесятских, десятских, решёточных приказчиков, сторожей и ярыжных как низших звеньев системы.

При этом объезжие головы были наиболее близки к населению. Именно они знали и формировали, говоря современным языком, оперативную обстановку. Деятельность их была разносторонней, многопрофильной, как сказали бы сегодня. Но и ответственность их была велика. Изучение опыта деятельности объезжих голов позволяет установить истоки многих особенностей и закономерностей полицейской деятельности как таковой. ■

Библиографический список:

1. Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Д. 677.
3. Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. и с предисл. д-ра ист. наук В.И. Буганова. М., 1987.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 9. Д. 493.
5. Акты служилых землевладельцев XV - начала XVII века. В 4-х т. / Сост. Антонов А.В. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 3.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. СПб, 1819. Примечания к VI тому.
7. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. В 40 томах.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Д. 677. Л. 203-206.
9. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II отделением СЕИВК. Т. 1. СПб, 1853.
10. Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 4. 1645-1700. СПб: Типография II отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1836.
11. Зерцалов А.Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. М., 1894.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 2. Д. 1116. Л. 323, 413-414.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

ВОЙТЕНКО О.Н.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
общеправовых дисциплин Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
olganicol.voit@yandex.ru

УДК 340.15

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

**Право, частное право,
правовая система,
право собственности,
дореволюционное
законодательство,
советское право,
правопреемственность.**

*В статье рассматривается
специфика формирования
русской правовой системы
в условиях становления
советской государственности
в период 1917-1922 гг.*

*Историко-правовой
анализ проведен автором с
позиции концептуального
подхода к создаваемой в то
время правовой системе.
Представлены особенности
содержания принимавшихся
в указанный период
законодательных актов и
проблемы преемственности
в советском праве. Делается
вывод о том, что в период
становления советской
государственности
дореволюционное
законодательная система
была востребована и являлась
одним из источников права.*

Государственные институты находятся в процессе постоянного развития, изменяется и совершенствуется при этом обслуживающая их правовая система. Добиться успешных результатов институциональных преобразований возможно, лишь опираясь на исторический опыт, накопленные теоретические и практические знания о достоинствах и недостатках правотворчества на различных этапах общественного развития. Советское право имеет беспрецедентный опыт в истории законодательного строительства. Более чем семидесятилетний период его существования разделяет и одновременно связывает две глобальные исторические эпохи дореволюционного и постсоветского права. Будучи продуктом революционной эпохи, коренной перестройки всех базовых и надстроечных государственных систем, советское право стало уникальным явлением в истории России, феномен которого требует всестороннего научного осмысления.

Анализ научных источников, отражающих проблемы создания советской правовой системы и представляющих оценки данного явления как социального института, показывает, что среди ученых однозначного мнения по этому поводу нет. Полемика преимущественно касается правильности выбора концептуальных основ постреволюционной правовой системы, ее стратегического целеполагания, проблем преемственности норм буржуазного права.

Большевики, придя к власти, стремились к кардинальным переменам во всех сферах общественной жизни страны, включая сферу законодательства. Так, П.И. Стучка, занимавший пост народного комиссара юстиции РСФСР в 1917-1918 гг., писал: «Проделав революцию во всех областях жизни, мы не должны отказаться от внесения революции и в право» [1, с. 11]. Он был убежден, что советское право должно сыграть первостепенную, революционную роль в борьбе за построение социализма¹.

Негативные оценки содержатся в работах сторонников правовых традиций, основанных на принципах эволюционного развития права. Так, по мнению С.С. Алексеева, «общинный коллективизм и феномен советского права» являются факторами, «которые отодвигают право как таковое на периферию общественного развития, порождают правовой нигилизм, приоритет критериев нравственности, совести, идеологию права власти» [2, с. 291]. При этом интересно отметить, что благоприятными историческими предпосылками, предопределяющими возможность прогрессивного развития права как явления цивилизации и культуры, права гражданского общества, С.С. Алексеев считал начальные «доимперские» стадии развития российского общества [2, с. 291]. Высказывались также суждения, согласно которым право вообще вредно для общества. Советский цивилист А.Г. Гойхбарг писал: «Всякий сознательный пролетарий знает ... что религия - опиум для народа. Но редко

¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 25. Струнино-Тихорецк / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Больш. Советск. Энциклопедия, 1969. С. 31.

кто ... осознает, что право есть ещё более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа» [3, с. 7].

Противоречия в подходах к формируемой модели права и ее оценках вполне объяснимы. В первой четверти XX в. - впервые в мировой истории - закономерный процесс развития государственной правовой системы прервался, уступив место созданию совершенно новой правовой модели, концептуально отличавшейся от дореволюционных доктрин. Основной идеологической и мотивирующей предпосылкой ее создания было социалистическое правосознание, которое зарождалось одновременно с победой Октябрьской революции и в дальнейшем играло определяющую роль в правотворческом процессе. Рассматривая правосознание как основной фактор правообразования, А.В. Дозорцев подчеркивал его важнейшее значение в развитии и совершенствовании законодательства в перспективе [4, с. 31].

Между тем социалистическое правосознание являлось продолжением правосознания революционного, формируемого на принципах диктатуры пролетариата и полного отторжения буржуазного государственно-правового наследия. Данные политические воззрения, как мы полагаем, и составляли основу большевистской концепции государственного законодательного строительства, отличительной чертой которой являлось преобладание в ее структуре идеологических позиций, соответствующих замыслам революционного движения. Таким образом, процесс формирования советской правовой системы был идеологически мотивированным, что и определило одну из ее характерных особенностей.

Специфика становления советской правовой системы заключалась также в стремлении правительства большевиков полностью отказаться от использования в правотворчестве норм дореволюционного законодательства. По мнению П.И. Стучки, «буржуазное государство вместе с государственным правом полностью уничтожается пролетарской революцией и сдается в «архив истории»»¹. Определяя буржуазное право как индивидуалистическое и ущербное, А.Г. Гойхбарг отмечал, что в период пролетарской революции «это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходного периода»¹. По вопросу правопреемственности любопытной представляется точка зрения М.А. Рейснер, который высказывал сомнение в возможности рецепции норм дореволюционного права и не представлял его в новой идеологической доктрине, допуская, что правовая надстройка в условиях социальных перемен «погибнет без остатка, не оставив жизнеспособных наследников» [5].

Тенденция к полному неприятию правопреемственности проявлялась уже в первых постреволюционных правовых документах - Декретах. Наряду с нормами, легитимизировавшими политический

порядок и деятельность власти, издавались акты, упразднявшие существовавшие ранее правовые институты.

Декретом от 26 октября 1917 г. «Об учреждении Совета Народных Комиссаров» было сформировано Рабочее и Крестьянское Правительство. В соответствии с Декретом о суде от 22 ноября 1917 г. прекращали работу судебные учреждения, институты судебных следователей, прокуратуры, присяжной и частной адвокатуры, утрачивали законную силу нормы, противоречившие Декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабоче-крестьянского правительства. Переставали действовать положения, не соответствовавшие политическим и ценностным концепциям программ-минимумов Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров². Неслучайно, как отметил А.А. Зозуля, соответствие указанным программам являлось одним из критериев правомочности принимаемых судами решений [6, с. 112].

Исторически ценным с точки зрения изучения мотивации столь радикальных решений в области формирования правовой системы и институциональных изменений представляется содержание введения к проекту Декрета № 1 «О суде», которое приводит в одной из своих работ А.В. Верещагина³. В качестве обоснования принятия данного документа его авторы указали на неизбежность ликвидации в результате революционных событий буржуазного институционально-правового наследия, основанного на эксплуатации труда капитала. «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка ... и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создание новых подлинно демократических учреждений и законов», - говорилось в преамбуле к проекту. Рабочему и крестьянскому правительству ставилась задача безотлагательно приступить к созданию новых судов и разработать новые законы, которые отражали бы правосознание народа. Особо подчеркивалось, что «уничтожение отжившего судебного бюрократического и цензового буржуазного аппарата и отмена действия сохранивших донныне силу особенно ненавистных революционному правосознанию законов» настоятельно требуется «уже в настоящий момент жизни»⁴.

В то же время, несмотря на отказ от правопреемственности, нормами п. 5 Декрета № 1 местным судам разрешалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами царского правительства, правда, с оговоркой - «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционному совести и революционному правосознанию»⁵. Правоприменение отдельных положений Судебных уставов 1864 г. при

¹ Цит. по: Рыбаков В.А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13-17.

² Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 125.

³ Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Судебная власть и уголовные процесс. 2017. № 3. С. 64-65.

⁴ Проект Декрета № 1 «О суде» // Материалы народного комиссариата юстиции. М., 1918. С. 102-104.

⁵ Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 125.

осуществлении гражданского и уголовного судопроизводства допускалось нормами п. 8 Декрета о суде от 15 февраля 1918 г. Речь шла о тех положениях, которые не были отменены декретами ЦИК Совнаркома РСФСР и, соответственно, не противоречили духу постреволюционных преобразований и правосознанию трудящихся классов¹.

Принятая в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Конституция РСФСР юридически закрепила установление Всероссийской Советской власти, основанной на принципе «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства»², и переход основных средств производства в руки государства. Это означало, как справедливо заметил Р.А. Ромашов, «легитимацию революционного переустройства национальной государственно-правовой системы»³.

К началу двадцатых годов XX в. тенденция тотального отказа от царского законодательства в пользу государственно-правового устройства, опирающегося на уникальные ценностные ориентиры рабоче-крестьянского государства, становилась главным фактором, определявшим вектор правообразования. О том, что никакой рецепции или трансформации дореволюционная правовая система не подлежала, писал В.А. Туманов: «...уже на первом этапе социальных преобразований оказалось невозможным даже формальное и прикладное использование старых правовых институтов» [7]. Схожее мнение высказывал Ю.Е. Аврутин. Он отметил, что одновременно с введением «революционного правопорядка» и «революционной законности» преемственность правовых традиций между русским и советским правом была прервана [8, с. 182-183].

Убедительным свидетельством такого разрыва является Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г., которым утверждалось «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Им запрещалось правоприменение ранее действовавших законодательных актов. Нормы ст. 22 Положения обязывали органы правосудия применять декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае пробелов или законодательных коллизий руководствоваться социалистическим правосознанием. В примечании к данной статье содержался запрет использовать в любых судебных решениях законы свергнутых правительств или ссылаться на них.

Таким образом, еще одной отличительной особенностью правотворчества периода 1917-1920 гг. являлось превалирование марксистско-ленинской правовой идеологии и, соответственно, изменение quintessence права. «Большевистские идеология и практика, - как отмечал С.С. Алексеев, - признавали оправданным, в сущности, одно лишь «революционное» право и «революционное» правосознание» [2, с. 298].

Между тем объявленный широкомасштабный отказ от правопреемственности в молодой Совет-

ской республике постепенно ослабевал, что представляется вполне закономерным. Исторически доказано, что смена политического режима, независимо от того, под влиянием каких факторов она происходит, не может привести к полной отмене ранее действовавшего права как жизненно необходимого регулятора общественных отношений. При этом матрица права традиционно сохраняет понятийную основу, а также ключевые принципы конструирования юридической ответственности. Отсюда - несостоятельность идеи полного отказа от правового наследия. Заявление о том, что «социалистическое право полностью отторгло старые нормы» [9, с. 271], не подтвердилось. Советский законодатель вынужден был периодически обращаться к классическим юридическим конструкциям, что убедительно доказывают результаты проведенного нами анализа норм уголовного и гражданского законодательства двадцатых годов XX в. и их сопоставления с нормами Уголовного уложения 1903 г. и Законов гражданских 1835 г. Данные акты чаще всего служили источниками заимствования при формировании вышеназванных отраслей советского права.

Интересной в связи с этим представляется работа Ю.В. Грачевой, С.В. Маликова и А.И. Чучаева «Советское уголовное уложение». В ней сообщается, что в начале 1918 г. Наркомюстом было разработано Советское уголовное уложение, в основе которого содержались нормы Уголовного уложения 1903 г. Авторам доподлинно не известно, был ли принят этот документ или так и остался проектом, но на практике, по их сведениям, он не применялся. В то же время они отметили, что на титульном листе проекта написано: «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года». Причину отсутствия данного уложения в правоприменительной практике авторы рассматриваемой работы видят в крайне критическом восприятии его большевиками [10]. При этом стоит отметить, что правовой акт разрабатывался левыми эсерами, которые в то время входили в состав руководства Наркомюста и имели диаметрально противоположные взгляды большевиков представления о правопреемственности. По мнению большевиков, законы, подобные предложенному левыми эсерами, противоречили сути советской правовой идеологии, партийным установкам о создании качественно новой системы уголовного права и не согласовались с концепцией социалистического государства. Особое неприятие у большевиков, как отмечал А.А. Герцензон, вызывала составленная эсерами Инструкция местным и окружным народным судам, в предисловии которой содержалось указание на то, что суды не обязаны выяснять, действует применяемый ими по рассматриваемому делу правовой акт или отменен революцией. В такой ситуации «ни о какой «рецепции» буржуазного права, ни о какой пре-

¹ Декрет о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1957. С. 469.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Гл. 5, ст. 9 // URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918>.

³ См.: Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 24: Конституции СССР и РСФСР / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 87.

емственности права, правовой идеологии не могло быть и речи» [11].

Тем не менее к началу двадцатых годов XX в. набирала силу тенденция заимствования норм из «старого» законодательного поля для их интеграции в формируемую правовую систему. Анализируя историю развития уголовного права, Г.А. Злобин отмечал, что не видит ничего неожиданного и «засорного» в заимствовании технико-юридических достижений прежнего законодательства. «Было бы наивным и опасным «левачеством» полагать, - писал он, - что определения «общеуголовных» понятий, вырабатывавшихся правосознанием в течение веков, таких как кража, грабеж, разбой либо умысел и неосторожность, в советском законодательстве должны были быть непременно другими, чем раньше, «ни на что не похожими»» [12, с. 31-32]. По мнению Н.С. Алексеева, заимствование из Уголовного уложения 1903 г. форм и конструкций некоторых правовых норм не могло быть категорически исключено. Им было отмечено, что содержание Уложения «в смысле технико-юридической разработки представляло собою в то время известное достижение законодательной техники» [13, с. 79].

Результаты сравнительного анализа содержания Уголовного уложения 1903 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. позволяют констатировать сходство многих юридических конструкций. Например, в абз. 1 ст. 48 Уголовного уложения (в отделении «О видах виновности») прописаны признаки, характеризующие умышленное деяние: «... когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния». Похожие признаки умысла с аналогичной терминологией содержатся в конструкции ст. 11 УК РСФСР 1922 г. Пункт «а» указанной статьи гласит, что наказанию подлежат лица, которые «предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление».

В нормах анализируемых правовых актов весьма схожи трактовки такой категории, как «неосторожность». В Уголовном уложении неосторожным признавалось деяние, в результате которого наступало негативное последствие, когда виновный, «хотя и предвидел наступление последствия ... но легкомысленно предполагал также последствие предотвратить» (п. 2 ст. 48). Аналогичная конструкция содержалась в ст. 11 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где в п. «б» говорилось, что наказанию подлежат те, кто действовал неосторожно: «... легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Правопреемственность квалифицирующих и привилегированных признаков умышленного убийства в Уголовном уложении и УК РСФСР 1922 г. усматривает С.П. Донец. С его точки зрения, опыт дореволюционного права, как бы отрицательно ни относились к нему большевики, оказал значительное влияние на развитие уголовного законодательства молодой Советской республики [14].

Отдельного внимания заслуживает формирование в период развития российской постреволюционной государственности гражданского права, что обусловлено коренными изменениями имущественных отношений в стране, связанными с ликвидацией частной собственности в рамках перехода от капитализма к социалистическому хозяйственному укладу.

Действовавшая в дореволюционной России гражданско-правовая система, обслуживавшая частно-правовую сферу общественных отношений и ориентированная на регулирование существовавших в то время отношений собственности, оказалась невостребованной. Контуры модели института гражданского права первое время оставались неопределенными, особенно в период проведения политики военного коммунизма (1918-1921 гг.), когда распределительная система (в частности, распределение натуральных продуктов) превалировала над товарно-денежными отношениями. Как заметил Т.Е. Новицкая, большевики не спешили принимать кодексы, а тем более кодекс, регулирующий имущественные правоотношения [15, с. 169]. В июне 1920 г. А.Г. Гойхбарг - представитель Наркомата юстиции РСФСР - указал на нецелесообразность разработки Гражданского кодекса, поскольку, по его мнению, отсутствовали отношения, которые должны регулироваться данным правовым актом: «Число гражданских дел сводится к нулю, договорное право уничтожено» [15, с. 169].

Вместе с тем обходиться без системного гражданско-правового регулирования имущественных отношений в стране было все сложнее. Вследствие социально-экономического кризиса, разразившегося к началу 1921 г., правительство было вынуждено перейти от политики военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). Сущность последней заключалась в использовании элементов рыночной экономики при сохранении руководящей роли РКП(б), государственного сектора, централизованной финансовой системы и монополии на внешнюю торговлю. При этом частный капитал был допущен в промышленный сектор, разрешена деятельность мелкотоварного частного хозяйства с правом аренды земли и найма рабочей силы, относительная свобода предоставлялась торговле и другим коммерческим инициативам¹.

Переход к НЭПу начался с принятием правящей партией большевиков декрета о замене продразвёрстки продналогом². Становилась очевидной необходимость разработки новой системы гражданско-правового регулирования имущественных отношений, в которой могли бы сочетаться социалистическая форма хозяйствования и элементы коммерческих отношений. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.М. Сырых о том, что гражданское право в рассматриваемый период должно было решать две трудные задачи: его нормам нужно было способствовать развитию товарно-денежных отношений, частной инициативы и предпринимательства и в то же время «ставить надежные заслоны любым попыткам частных лиц получать матери-

¹ История России IX-XX вв.: Учебник / Под ред. Г.А. Аммоны, Н.П. Ионичева. М.: ИНФА-М, 2006. С. 551-552.

² Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» // Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля - 31 марта 1921 г. М.: Политиздат, 1989.

альную выгоду за счет ухудшения экономического положения государственных предприятий и организаций» [16, с. 50].

В целях упорядочения и регламентации взаимоотношений между государственными органами, объединениями, частными лицами, участвовавшими в экономической деятельности страны, предоставления им правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав, в мае 1922 г. ВЦИК принял Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Согласно его положениям всем правоспособным гражданам предоставлялись вещные и обязательственные права, а также гарантировалась судебная защита. Указанный правовой акт положил начало работе над проектом Гражданского кодекса РСФСР. В VI разделе документа содержалось поручение Президиуму ВЦИК и Совету Народных Комиссаров подготовить проект кодекса гражданских законов РСФСР и внести его на следующую очередную сессию.

Работу над проектом первого Гражданского кодекса РСФСР осуществлял А.Г. Гойхбарг, который ранее был противником его принятия. Представляя уже готовый правовой акт на сессии ВЦИК, он особо подчеркнул, что и НЭП, и разрешение коммерческой деятельности являются вынужденными мерами, направленными на развитие производительных сил исключительно в интересах государства: «Мы исходим из того, что новая экономическая политика, что уступки, сделанные частной инициативе, сделаны только во имя развития производительных сил нашей республики, и поэтому наше государство, считаясь со своими интересами, предоставляет в пределах этих интересов правоспособность, право на обладание известным имуществом лицам, выполняющим предначертания государства». Представляется верным мнение Т.Е. Новицкой, которая обратила внимание на политизированность подхода законодателя к разработке данного проекта [15, с. 186].

В первом Гражданском кодексе РСФСР¹ закреплялось три формы собственности: государственная (национализированная и муниципализированная), кооперативная и частная (ст. 52). Ведущей, безусловно, являлась государственная собственность. Исключительной собственностью государства являлись основные сектора экономики, земля, недра, леса, воды и другие важные объекты недвижимости (ст. 53). Перечень предметов частной собственности и частный капитал были ограничены и находились под контролем государства.

Несмотря на то, что законодатель старательно стремился уйти от заимствований, значительная часть норм буржуазного частного права была трансформирована в нормы ГК РСФСР, вступившего в законную силу 11 ноября 1922 г. Основным их источником стал законопроект Гражданского уложения Российской империи 1914 г., который был подготовлен, но не принят по причине начала Первой мировой войны, а затем революции. Согласно результатам исследований А.Л. Маковского положения примерно для 400 статей Гражданского кодекса 1922 г. в момент его издания были заимствованы из проекта Гражданского уложения. По мнению А.Л. Маковского, «преемственность гражданского права прежней эпохи, прежнего строя была сохранена» [17, с. 119]. Полагаем, что классические юридические конструкции, заложенные в основах российского частного законодательства, успешно встраивались в формируемую модель института советского гражданского права, поскольку его конститутивное функциональное назначение в сфере регулирования имущественных и личных неимущественных правоотношений оставалось неизменным.

В качестве примера можно рассмотреть правовые конструкции положений, предусматривавших возврат собственнику имущества, незаконно находящегося во владении третьих лиц. Нормы, запрещавшие незаконное владение чужой собственностью и закреплявшие право собственника отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения, содержались в ст. 691 Законов гражданских². В ст. 59 ГК РСФСР 1922 г. со-

VOITENKO O.N.,
PhD in Juridical Sciences,
Docent of the Department
of General Legal Disciplines
of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

FEATURES OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM DURING THE FORMATION OF SOVIET STATEHOOD

**Law, private law, legal
system, property law, pre-
revolutionary legislation,
Soviet law, succession.**

The article discusses the specifics of the formation of the Russian legal system in the conditions of the formation of Soviet statehood in the period 1917-1922. The historical and legal analysis was carried out by the author from the standpoint of a conceptual approach to the legal system being created at that time. The features of the content of legislative acts adopted in the specified period and the problems of continuity in Soviet law are presented. It is concluded that during the formation of Soviet statehood, the pre-revolutionary legislative system was in demand and was one of the sources of law.

¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»).

² Законы гражданские (Свод законов, т. X, ч. I, изд. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующаго Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916.

держались аналогичные положения, предусматривавшие право собственника отыскивать свое имущество и требовать от недобросовестного владельца его возвращения или возмещения всех доходов.

В ст. 574 «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки» Законов гражданских устанавливалось право потерпевшего получить имущественную компенсацию за причинение ему вреда: «...всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой - производят право требовать вознаграждения». Данные нормы были трансформированы в содержание ст. 403 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., согласно которым лицо, причинившее вред личности или имуществу другого, обязано его возместить.

Уместно добавить, что законодатель ставил перед собой цель выработать в проекте такие нормы, которые бы допускали гражданско-правовые отношения с элементами частного оборота лишь в ограниченных пределах [18]. Важным представляется и тот факт, что государственной форме собственности указанный законодательный акт предоставлял режим наибольшего благоприятствования.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что особенности формирования советской правовой системы были предопределены событиями октябрьского

переворота, в корне изменившего устои общественной жизни в России. Революционные преобразования, начавшиеся в 1917 г., конституционное закрепление Всероссийской Советской власти, основанной на принципах диктатуры пролетариата и господства государственной формы собственности, кардинально изменили структуру государственного механизма, определив новый вектор устройства национальной государственно-правовой системы. Основной идеей институциональных изменений стал отказ от буржуазного правового наследия в правотворческом процессе. Вместе с тем перед законодателем периодически возникала дилемма: заниматься изобретением новых или взять на вооружение уже существующие технико-юридические средства и правовые конструкции, развивать и совершенствовать их в пределах парадигмы постреволюционных преобразований. Историко-правовой анализ показал, что в период становления советской государственности дореволюционное законодательная система была востребована и являлась одним из источников права. Созданная на основе марксистско-ленинской идеологии и социалистического правосознания советская правовая система являла собой новое, ценное с точки зрения исторического опыта явление в истории развития российского права. ■

Библиографический список:

1. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Ч. 1. Введение в теорию гражданского права. М.: Изд. Коммунистической академии, 1928.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
3. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. 136 с.
4. Советское право: Учебник / Под ред. А.В. Дозорцева. М.: Высшая школа, 1969.
5. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. 276 с.
6. Зозуля А.А. Доктринальный фактор формирования советского и постсоветского права // Science time. 2014. № 7. С. 111-116.
7. Туманов В.А. Не понял или не захотел понять? // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 64-72.
8. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб, 2003.
9. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
10. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение: научный комментарий, текст, сравнительные таблицы / Ю.В. Грачева; под общ. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 253 с.
11. История советского уголовного права / Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
12. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. 264 с.
13. Советское уголовное право. Часть общая: Учебное пособие / Алексеев Н.С., Беляев Н.А., Грабовская Н.П., Домахин С.А., Карпец И.И. и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 587 с.
14. Донец С.П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 27-30.
15. Новицкая Т.Е. Правоспособность физических лиц (граждан) - субъектов имущественных правоотношений в российском законодательстве // Труды института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 163-197.
16. Сырых В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды: Учебное пособие. М., 2000.
17. Маковский А.Л. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 115-128.
18. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: Зерцало-М, 2002.

АНИСИМОВА Т.В.,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Калининградского
филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России
atoritor@yandex.ru

УДК 378.147

СОДЕРЖАНИЕ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

**Учебная дисциплина,
программа обучения, методика
преподавания, риторика,
риторическая компетенция,
речевая компетенция
специалиста, жанры речи.**

В статье поднимается вопрос о необходимости более полной профессиональной ориентации содержания учебной дисциплины «Риторика», что предполагает исключение из образовательной программы сугубо филологических разделов и расширения разделов, ориентированных на изучение жанров речи, необходимых в будущей профессиональной деятельности обучающегося. При этом жанры должны описываться по одной схеме (в соответствии с моделью), в этом случае обучающиеся получают возможность видеть сходные черты и различия между ними. Предлагается два типичных способа описания системы жанров, необходимых специалисту. Первый состоит в том, что жанры объединяются в группы, необходимые для выполнения определенных функций работника. Второй подход состоит в сопоставительном описании близких по смыслу жанров речи.

Учебный предмет «Риторика» был введен в вузовские программы в 1991 году и с тех пор с переменным успехом преподается студентам разных гуманитарных специальностей. Если в первое десятилетие интерес к нему был весьма высок (проводились тематические конференции, выпускались сборники статей, активно обсуждались новые методики преподавания), то в дальнейшем количество публикаций уменьшается, интерес ослабевает. Можно указать две причины такого положения дел.

Первая состоит в изменении общественной практики. В 90-е годы XX века бурные политические дискуссии на телевидении, в прессе, на митингах наглядно демонстрировали необходимость совершенствования навыков публичного выступления, поддерживали интерес к овладению риторическими знаниями и умениями. Наступившая вслед за этим эпоха политической стабильности, напротив, не способствовала наглядной демонстрации важности и полезности указанных умений и навыков. Отметим, однако, что описание особенностей выступления на митингах не может быть основным содержанием никакой риторики, поскольку это достаточно специфический и факультативный жанр, не входящий ни в какую профессиональную сферу общения.

Вторая причина состоит в том, что часы на преподавание риторики всегда выделялись в ограниченном количестве, поэтому крайне мало специалистов, для которых именно этот предмет составляет основной научный и методический интерес. Гораздо чаще преподаватель получает риторику «в нагрузку» к своей основной дисциплине, методику ее преподавания сам не разрабатывает, а ищет уже имеющиеся варианты в литературе. В этой ситуации содержание дисциплины начинает существенно размываться, в нее включаются не свойственные ей изначально смысловые блоки. Так, учебная программа по риторике для курсантов университетов МВД России включает в себя обширный блок под названием «Основные качества юридической речи», содержащий, однако, элементы, никакого отношения к собственно юридической речи, а тем более к риторике, не имеющие: *Лексическое значение слова. Полисемия. Лексическая омонимия. Синонимия. Антонимия и антонимические пары. Паронимия. Чистота речи. Слова-паразиты. Языковые нормы современного русского литературного языка. Метафора. Метонимия. Синекдоха как разновидность метонимии. Сравнение. Эпитеты. Оксюморон. Гипербола. Литота. Антитеза. Градация. Повтор и его виды. Анафора. Эпифора. Синтаксический параллелизм. Инверсия. Фразеологизмы. Пословицы. «Крылатые» слова и выражения.* Все перечисленное, конечно, полезно усвоить образованному и культурному человеку, однако не может быть включено в состав риторической компетенции сотрудника органов внутренних дел.

Наличие подобных блоков в программе дезориентирует и преподавателя, и администрацию вуза относительно как цели изучения рассматриваемого предмета, так и его содержания.

Справедливости ради следует сказать, что противопоставление отношения к риторике, с одной стороны, как к науке о способах воздействия на аудиторию с помощью речи, а с другой стороны, как к теории тропов и фигур возникло не в нашей стране и не в XX веке. Риторике изначально была свойственна двойственность, тесно связанная с тем, какую роль отводило общество красноречию. В демократическом обществе, где необходимо уметь отстаивать свою точку зрения, всегда превалировал греческий подход, для которого риторика - это «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель). В эпоху упадка демократии, которым не свойственна потребность в публичных дебатах, преобладал азиатский подход, для которого риторика - это «искусство украшения речи» (М.Ф. Кинтилиан). Именно по этому признаку противопоставлены и самые известные и авторитетные работы по риторике XX века: с одной стороны, «Неориторика. Трактат об аргументации» Х. Перельмана [9], где главной составляющей риторики провозглашается теория аргументации, а с другой стороны, «Общая риторика» группы «μ» [5], полностью посвященная описанию тропов и фигур, и в первую очередь метафоры - самого замечательного, по мнению авторов, из всех тропов, в честь которого и названа вся группа (μ - первая буква в греческом названии метафоры). Именно появление указанных книг привело к бурному развитию не только самой риторики, но и других филологических дисциплин, изучающих речь, что позволило некоторым ученым назвать последнюю четверть XX века «риторическим ренессансом».

Разумеется, в рамках лингвистической теории оба направления имеют право на существование. Однако, когда речь идет о преподавании риторики на юридическом или экономическом факультетах университета, выбор концепции очевиден: будущему следователю или менеджеру совсем не обязательно знакомиться с тонкостями образной системы языка, зато крайне полезно научиться разумно и аргументированно строить свои высказывания в соответствии с заданной ситуацией общения.

В рамках этой концепции принято изучать не просто общие правила построения речи, а особенности высказывания, привязанные к той сфере деятельности, в которой предстоит работать обучающимся. Но как следует очерчивать эту сферу? В ответ на этот вопрос до сих пор выплывает давно устаревший термин «виды красноречия» - деление, принятое в учебниках по «советскому ораторскому искусству»: социально-политическое, академическое, судебное, богословско-церковное, социально-бытовое¹. Соответственно, жанровый состав большинства таких «видов» сводится к одному бесформенному «жанру»: *судебная речь, лекция, проповедь*; а социально-политическое содержание - к набору столь же бесформенных «жанров»: *полити-*

ческая речь, дипломатическая речь, военно-патриотическая речь, митинговая речь. Придерживающиеся подобных позиций авторы учебных пособий не замечают, что все эти термины обозначают не жанры речи, а большие группы жанров, близких по тематике. Так, в рамках судебной речи выделяется *обвинительная и защитительная речь, реплика, напутственное слово судьи* и т.д. Кроме того, как указывают А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова, речь адвоката в гражданском процессе и арбитражном суде весьма существенно отличается от выступления защитника в суде уголовном [7], поэтому и описывать их следует отдельно.

Вместо устаревшего неопределенного понятия «виды красноречия» в современной практике выделяются частные (профессионально-ориентированные) риторики, каждая из которых обслуживает свою сферу общения людей, работающих с помощью речи (тех, для кого слово - это дело). Тогда академическое красноречие превратится в педагогическую риторику (включающую в себя не только *лекцию*, но и все другие жанры, необходимые для общения с обучающимися как в школе, так и в вузе), судебное красноречие - в юридическую риторику (включающую в себя, кроме набора жанров, необходимых в суде, и все другие речевые формы, без которых юристу в его работе не обойтись) и т.п. Что же касается социально-политического красноречия, то из этой огромной бесформенной массы давно выделились не только политическая, дипломатическая и управленческая риторики, но и маркетинговые коммуникации, PR-коммуникации, а также все другие частные риторики, разрабатываемые в последние годы: медицинская, военная, спортивная и т.п., каждая со своим (иногда весьма обширным) набором жанров.

Все это очевидные истины, и о них можно было бы и не писать. Однако проблема в том, что за последние лет десять издано большое количество учебников, в которых старый советский подход опять реанимируется и внедряется в обучение как единственно правильный и отвечающий потребностям риторического образования.

Итак, частная (или профессиональная) риторика ставит целью выявление и описание всех тех речевых ситуаций, в которых специалисту определенного профиля может понадобиться выступить с речью. В теории речевой коммуникации основополагающим считается суждение о том, что основной единицей описания речевой компетенции специалиста является высказывание в определенном жанре, необходимом в конкретной ситуации для воздействия на конкретных слушателей. «Мы говорим только определенными жанрами... Слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем, определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого. Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2]. Сознательное использование

¹ См., например: Колетвинова Н.Д. Риторика: учебное пособие для самостоятельной работы студентов. М.: ИД «АТиСО», 2013. С. 164-167.

подходящих жанровых форм позволяет вступающим в общение правильно воспринимать и понимать друг друга.

В связи с этим необходимо указать на еще одну очевидную проблему, с которой сталкивается профессиональная риторика в связи с тем, что понимание необходимости обучения специалиста жанрам уже возникло, а умения описать эти жанры с риторической позиции еще нет. В такой ситуации в констатирующей части провозглашаются вполне разумные тезисы о том, что «профессионально ориентированная риторика призвана заложить основы коммуникативной компетенции специалиста», что задача - «обучение жанрам и типам риторических выступлений, чаще всего реализуемых в профессиональной и повседневной жизни», что основной прием работы - «упражнения, направленные на... формирование умения замечать, распознавать, квалифицировать явления риторической речи» и т.п. Однако в каких же формах реализуются эти тезисы на практике? «Найти юридические термины и определить их значение, рассмотреть ссылки на юридические документы, на даты, проанализировать синтаксис фрагментов речей» и т.д., и т.п. Здесь следует решительно заявить, что ни синтаксис, ни значение терминов как таковое, ни функциональные типы речи не являются предметом рассмотрения риторики в целом и никак не характеризуют специфику жанра.

Изучение системы жанров, необходимых специалисту для успешного осуществления своих профессиональных обязанностей, требует определения круга речевых событий, в которых этот специалист по роду его деятельности должен принимать активное участие, и речевых жанров, в которых принято выступать на таких мероприятиях. Именно обучение этим жанрам и должно составлять основу лингвистического образования будущего специалиста. Так, обучение юристов не может сводиться к знакомству с особенностями судебной речи, тем более что выступать в суде приходится лишь небольшой части выпускников юрфаков. Гораздо важнее освоить *консультирование, профилактическую беседу, опрос (интервью)* и т.п., а также формы делового общения (*совещания и переговоры*), причем не обзорно, а со всем набором необходимых для организации этих форм жанров (*мнение, возражение, речь-предложение, речь-критика* и т.п.).

Пример того, как следует анализировать деловые ситуации на предмет выявления типичных для них жанров, демонстрирует В.Г. Салагаев, описывая жанровый состав ситуации «командировка» [6, с. 99]: сначала *информационное сообщение* (ситуативные варианты: *объяснение, инструкция*) начальника сотруднику (о необходимости командировки и ее задачах), затем *докладная записка* руководителю (обоснование необходимости командировки сотрудника), *приказ* о командировке, *устные переговоры* сотрудника с партнерами (здесь прилагается набор конкретных жанров, необходимых для грамотного ведения переговоров), *письменный отчет* о командировке и устная информация начальнику о результатах.

Далее к такому описанию должны прилагаться подробные инструкции о том, как именно следует

создавать каждый из перечисленных в описании жанров: какие требования к нему предъявляются, на какие типичные ошибки необходимо обратить внимание и т.п. Это важно потому, что институциональное общение имеет строго регламентированный характер, и для успешности коммуникации необходимо владение нормами, принятыми в той или иной сфере общения. «Высокая степень конвенционализации или даже ритуализации языковых действий проявляется в существовании жанровых образцов с относительно схематической и жесткой структурой» [3, с. 108]. «В риторике процесс порождения текстов имеет «учёный», сознательный характер специально для воздействия на данную аудиторию в данной ситуации, что делает их особым явлением среди речевых текстов. Правила здесь активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры» [4].

Все жанры обязательно описываются по одной схеме в соответствии с моделью жанра, поскольку в этом случае обучающиеся получают возможность их сопоставлять, видеть сходные черты и различия между ними. Эта схема отражает реальные этапы создания речи. Сначала инициатор общения - оратор, стремящийся получить желаемую реакцию слушателей, - должен определить свою позицию по поднимаемому вопросу и свой статус по отношению к адресату, для чего необходимо изучить ситуацию, в которой он собирается говорить, и аудиторию - особенности слушателей, важные для достижения воздействия; затем определить цель и задачу воздействия - предполагаемый конечный результат и реакцию слушателей, выражающуюся в их новом состоянии, которое он будет формировать в процессе общения; далее продумать (разработать) содержание (предмет речи, тезис, аргументы) и композицию - последовательность его изложения; отобрать необходимые языковые средства воздействия; и если это требуется по ситуации, продумать особенности произнесения (темп, тональность и т.п.).

Приведенная модель дает понять, какими знаниями и умениями должен владеть человек, чтобы, с одной стороны, без затруднений создать требуемую по ситуации речь, а с другой стороны, быть адекватно понятым адресатом. В противном случае ожидать запланированного результата не приходится. Так, например, несколько лет назад на одной из официальных встреч с заслуженными деятелями искусств Вячеслав Володин, нынешний Председатель Государственной Думы, а тогда начинающий молодой политик, рассказывал маститым режиссерам, каким, *по его мнению*, должен быть театр. Говорил с комсомольским напором, резкими интонациями, используя словесные конструкции, не терпящие возражения (*театр должен, вы должны*), и получил от режиссера Юрия Любимова соответствующий ответ: *Молодой человек, а что это вы меня поучаете?! Смешался, попытался оправдаться и ступешался.* (Зато был замечен и до сих пор руководит. И не только театрами. С той же степенью риторической грамотности). Хотел высказать *мнение*, а получилось *требование* (плавно переходящее в *приказ*), неуместное в данной ситуации. *Мнение* -

это про то, что я думаю о театре, а *требование* - про то, каким он должен быть в соответствии с принятыми в обществе правилами. В общем, сделать хотел грозу, а получил... Винить некого.

Таким образом, существует два типичных способа описания системы жанров, необходимых специалисту.

Первый состоит в том, что жанры объединяются в группы, необходимые для выполнения определенных функций работника. Например: что входит в обязанности работника отдела кадров? Прежде всего - отбор персонала. Для выполнения этой функции потребуются следующие жанры: *должностная инструкция, собеседование (интервью) по отбору персонала, речь-ориентация, беседа при увольнении сотрудника*. Вторая возможная функция кадровика - организация обучения персонала. Даже если он сам не обучает сотрудников, кадровик должен понимать, в каких формах она осуществляется: *инструктаж (на рабочем месте), объяснение, лекция*. Третья функция - организация аттестации и оценки деятельности сотрудника. В связи с этим понадобятся: *собеседование при аттестации сотрудника, дисциплинарная беседа, критика, похвальное слово* и т.п. [1].

Круг риторических умений PR-специалиста можно описать так: основу его работы составляет умение работать с прессой. Для осуществления этой функции потребуются знакомство с такими жанрами, как *пресс-релиз, лист вопросов и ответов, бэкграундер* (расширенная текущая информация о субъекте), *байлайнер* (статья, написанная от имени ответственного должностного лица) и др. Важную часть работы специалиста по связям с общественностью составляет подготовка и проведение *интервью, пресс-конференций, брифингов* и пр. Необходимо также научиться готовить заявления для прессы, *открытые письма, опровержения* и др. Вместе с тем необходима популяризация политики организации. В этой сфере особое значение имеет правильное составление *информационных сообщений* для прессы с очевидной сверхзадачей формирования запланированного имиджа субъекта. Кроме того, потребуются освоить комплекс жанров, необходимых для проведения *дня открытых дверей и презентации (вступительное и заключительное слово, речь на презентации, слово о... и др.)*. Далее, налаживание сотрудничества организации с органами власти. Для осуществления этого вида деятельности понадобятся, в частности, обращение, *речь-предложение, речь в прениях* и др. И наконец, работа с персоналом организации. Для осуществления этой деятельности необходимо освоить такие жанры, как *приглашение, речь-ориентация, критика, похвальное слово, консультация* и т.п. [8].

Второй подход к изучению системы жанров состоит в сопоставительном описании близких по смыслу жанров для уяснения разницы в их значении. Так, не только студенты, но и некоторые исследователи не видят различий между жанрами *осуждение* и *обвинение*. Однако каждый из этих жанров имеет свои собственные характеристики. *Обвинение* должно произноситься в официальной ситуации (собрания, суда и т.п.) и описывать нарушение правил, требований, законов и т.п., официально зафиксированных в соответствующих документах (законодательстве, уставе, должностной инструкции и т.п.). В связи с этим претензии провинившейся стороне предъявляются от имени всего общества (или всего коллектива), а решение о наказании выносит наделенное властью лицо или орган (суд, общее собрание, директор и т.п.) В отличие от этого *осуждение* строится на моральных и нравственных оценках, которые формулирует сам оратор (поэтому у разных людей могут оказаться разные мнения по поводу одного и того же деяния). *Осуждение* не предполагает никакого наказания и адресуется самому провинившемуся. Например: на собрании жильцов дома обвиняю соседа в том, что он изрисовал стену дома, и требую, чтобы собрание приняло решение о наложении на него штрафа за вандализм; но осуждаю соседа, бросившего жену с маленьким ребенком (никакими законами и правилами не запрещено разводиться с женой даже при наличии детей, оценка сугубо этические

ANISIMOVA T.V.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of
Socio-Economic and Humanitarian
Disciplines of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry of
the Interior of Russia

THE CONTENT OF THE RHETORICAL COMPETENCE OF A GRADUATE OF A LAW SCHOOL

**Academic discipline, teaching
methods, rhetoric, rhetorical
competence, training program,
speech competence of a specialist,
genres of speech.**

The article raises the question of the need for a more complete professional orientation of the content of the academic discipline «Rhetoric», which implies the exclusion of purely philological sections from the educational program and the expansion of sections focused on the study of genres necessary in the future professional activity of cadets. At the same time, genres are necessarily described according to the same scheme in accordance with the genre model, since in this case students get the opportunity to see similarities and differences between them. Two typical ways of describing the system of genres required by a specialist are proposed. The first is that genres are grouped into groups necessary to perform certain functions of an employee. The second approach consists in a comparative description of genres that are similar in meaning.

ская и дается мной лично). В этом же ряду может быть рассмотрен жанр *критика*, задачей которого является обнаружение и исправление недостатков в работе (при сохранении доброжелательных отношений с провинившимся). При этом никакого наказания не предусматривается (в отличие от обвинения), а негативные оценки касаются отдельных действий, слов или решений провинившегося, а не его личности в целом (то есть можно сказать: *вчера вы высказались некорректно, обидели коллегу*, однако нельзя сказать: *вы вообще грубиян*). Это связано с тем, что задача критики - добиться изменения взглядов и исправления допущенных ошибок при сохранении хороших отношений с адресатом высказывания. Таким образом, прежде чем произнести одну из перечисленных речей, человек должен задуматься о том, что он хочет получить в результате речи: если задача состоит в пресечении нарушения установленных норм и наказании виновного, выбираем *обвинение*; если задача - усовестить нарушителя, уместнее выбрать *осуждение*; если же главным является исправление допущенной ошибки (недостатка в работе), следует отделить проблему от человека и предпочесть жанр *критики*.

Так же полезно научиться различать *просьбу* и *требование*. *Просьба* произносится в ситуациях, когда инициатору необходимо побудить адресата к действиям, которые не обязательны для него, но необходимы ему самому для решения своих или общественных проблем. Обратиться с *просьбой* может каждый (независимо от статуса), кто столкнулся с проблемной ситуацией и не может обойтись без посторонней помощи (не располагает необходимыми полномочиями, возможностями или знани-

ями). Например: *Не могли бы вы помочь мне собрать информацию к завтрашнему совещанию? С требованием* обращаются к тому, кто уклоняется от выполнения обязательных для него действий. Произносить требование может только лицо, наделенное дополнительными полномочиями, имеющее право на такую речь (старший по возрасту, должности, положению). Так, если студенты разбили окно в аудитории, декан может обратиться к ним с *требованием* возместить ущерб, нанесенный университету (поскольку в Уставе записано, что студенты обязаны беречь имущество вуза). Однако если с подобной речью выступит уборщица, ее речь невозможно отнести к указанному жанру. Как видно, *просьба* и *требование* имеют мало общего: *требование* апеллирует к правилу, норме, а *просьба* - к сочувствию, пониманию, что позволяет не путать их в речевой практике.

Итак, если говорящий надеется на адекватное понимание со стороны адресата и хочет добиться согласия в спорном вопросе, то он должен действовать в соответствии с законами создания конкретных риторических жанров, формирующих точное восприятие и понимание слушателями содержания речи. Умение правильно определять, какой в данном случае требуется жанр, и создавать его в соответствии с нормами жанропорождения, то есть жанровая компетентность собеседников, способствует гармонизации общения, формирует условия для продуктивного взаимодействия между людьми. Именно поэтому полагаем, что риторика обязательно должна входить в круг предметов, изучаемых будущими юристами, а ее преподавание обязательно должно строиться на освоении теории жанров. ■

Библиографический список:

1. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Речевая компетенция менеджера. М.: МПСИ, 2007. 480 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428-473.
3. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи-2. Саратов, 1999. С. 103-112.
4. Лотман Ю.М. Риторика // Риторика. 1995. № 2. С. 92-108.
5. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон [пер. с фр. Е.Э. Разлоговой и В.П. Нарумова]. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
6. Салагаев В.Г. Профессиональная риторика в вузе // Языкознание. 2015. № 3 (59). С. 96-102.
7. Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Риторика для юристов: Учебник. М.: Юстиция, 2017. 244 с.
8. Теоретические основы PR-риторики: Монография / Анисимова Т.В., Аксенова А.В., Мухина М.В., Рыженко Е.С. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 367 с.
9. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. London: Notre Dame, Indiana: Notre Dame Univ. Press, 1969. 566 p.

АРАКЕЛЯН Г.Л.,

кандидат биологических наук, доцент
кафедры физической подготовки Уральского
юридического института МВД России
mari.nekrasova.90@list.ru

ПЕСТОВ Р.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД России
79185927828@ro.ru

БИЧАН Н.В.,

кандидат педагогических наук, преподаватель
кафедры тактико-специальной, огневой и физической
подготовки Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России
Natali1990.natali@yandex.ru

УДК 351.74:355.233.22

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Полиция, органы внутренних дел, физическая подготовка, наставление, приказ, боевые приемы борьбы, тренировочный процесс, образовательный процесс.

Физической подготовке в органах внутренних дел России уделяется большое внимание. При этом очевидно, что четкая ее регламентация невозможна без существования единого нормативно-правового акта, который бы регулировал вопросы организации физической подготовки, сдачи сотрудниками органов внутренних дел нормативов по физической подготовке и устанавливал бы критерии для оценивания выполнения контрольных упражнений. В настоящее время такого документа нет. Перечисленные выше вопросы находят отражение в двух самостоятельных нормативных актах, что не может не вызывать затруднений. В статье изложены некоторые результаты исследования нормативной базы организации физической подготовки в органах внутренних дел, сформулированы предложения по ее совершенствованию.

Актуальность темы исследования, некоторые результаты которого излагаются в статье, связана с тем, что сотрудникам органов внутренних дел (далее - ОВД) нередко приходится противостоять правонарушителям, которые используют насильственные средства достижения своих целей или оказывают физическое сопротивление законным действиям полицейских. Государство в противовес такому поведению правонарушителей наделяет представителей власти правами по использованию мер принуждения, в число которых входит применение физической силы и специальных средств.

При выполнении своих должностных обязанностей сотрудники ОВД могут применять физическую силу только в тех случаях, когда несилловые способы не обеспечивают соблюдения закона и сохранения правопорядка. Применение физической силы становится допустимым, когда необходимо преодолеть противодействие законным требованиям полицейского, пресечь правонарушение или преступление, доставить правонарушителя в служебное помещение. Кроме того, государство предоставляет сотруднику ОВД право применять физическую силу в тех случаях, когда разрешается применение специальных средств или огнестрельного оружия. В связи с этим возникает необходимость в предъявлении специальных требований к физической подготовке и психологическим качествам сотрудников ОВД, так как от этой подготовки и указанных качеств зависит не только личная безопасность полицейского, но и безопасность других людей.

В течение последних трех десятилетий одновременно с реформированием МВД России развивалась система физической подготовки сотрудников ОВД. Изменения коснулись и вопросов правовой регламентации данного вида профессиональной подготовки личного состава. Относительно недавно было принято новое Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел¹ (далее - НФП-2017), в 2020 году в него были внесены

¹ Приказ МВД России от 01.07.2017 № 450 (ред. от 27.07.2020) «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации».

изменения¹. Однако ряд проблем по-прежнему остаются нерешенными. Для поиска путей их решения мы сочли целесообразным провести сравнительный анализ НФП-2017 с ранее действовавшими наставлениями. На наш взгляд, результаты такого анализа могут способствовать выработке рекомендаций по совершенствованию наставления.

Основные нормативные акты по организации физической подготовки в ОВД последних трех десятилетий были утверждены приказами МВД России от 29 июля 1996 г., от 13 ноября 2012 г. и от 1 июля 2017 г. Из утвержденных этими приказами наставлений самое краткое - НФП-2017. По нашему мнению, в этом его достоинство. Объемное наставление сложнее поддается изучению. В настоящее время в ОВД остро ощущается некомплект аттестованного состава, вследствие чего у их сотрудников становится все больше работы, и потому не у каждого из них имеется достаточно возможностей для тщательного изучения объемистого и сложно-го наставления по физической подготовке. Иными словами - чем короче и проще, тем лучше.

Но и у НФП-2017 есть недостатки. Самый, пожалуй, значительный - то, что в нем отсутствуют критерии оценки выполнения контрольных упражнений, используемых для определения уровня физической подготовленности сотрудников ОВД, и нормативы, выполнение которых необходимо для подтверждения профессиональной пригодности. И то, и другое содержится в приказе МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (в редакции от 10 января 2022 г.). Этот приказ, по нашему мнению, является довольно сложным документом, в котором смешаны вопросы организации и осуществления профессионального обучения, а также правовой, служебной, огневой и физической подготовки. Иными словами, НФП-2017, утвержденное приказом № 450, предписывает, *как* следует выполнять то или иное упражнение или прием, а приказ № 275 устанавливает, *сколько* необходимо выполнять и *как* оценивать уровень физической подготовленности. Уверены в том, что было бы удобнее все эти вопросы регламентировать в одном документе - наставлении по физической подготовке - по примеру Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации 2012 г.² (далее - НФП-2012).

Оценка уровня развития физических качеств с помощью таблиц начислений баллов за выполнение контрольных упражнений по физической подготовке, которая появилась в НФП-2012, тоже достаточно сложна. Кроме того, следует обратить внимание на то, что сотруднику полиции необходимо быть развитым физически «равномерно»: его сила, выносливость, быстрота и ловкость должны в равной степени достигать среднего уровня, соответ-

ствующего требованиям. А при балльной системе иногда получается так, что за счет хорошего развития одного физического качества можно допустить недостаточный уровень развития другого.

В этом отношении хорошо было организовано Наставление по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел 1996 г.³ Согласно этому документу по пятибалльной шкале оценивалось выполнение каждого норматива. Эта система частично сохранялась в НФП-2012 - в отношении курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. В НФП-2017 от нее уже ничего не осталось. В результате иногда получается, что курсанту, хорошо пробежавшему кросс и показавшему средний результат в челночном беге, для получения общей удовлетворительной оценки достаточно подтянутся на перекладине всего лишь два-три раза. По нашему мнению, необходимо разработать новую систему оценивания сдачи контрольных нормативов, в рамках которой не будет места указанному недостатку. Объективную оценку должны получать возможности выполняющего упражнения сотрудника ОВД по каждому нормативу (на силу, выносливость, быстроту, ловкость). Кроме того, эта система могла бы стать базой и для осуществления текущего контроля за физической подготовленностью курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России.

В действующее НФП-2017 в 2020 г. приказом министра внутренних дел были внесены изменения:

а) описание контрольного упражнения «жим гири» дополнили словами «допускается толчковое движение ногами»;

б) конкретизировали место и способ нанесения расслабляющего удара, в первоначальном варианте описанного довольно свободной формулировкой, допускавшей неоднозначность толкования - «расслабляющий удар наносится в уязвимое место в соответствии с техникой нанесения ударов»;

в) изменили принцип выполнения болевых приемов «скручивание руки наружу» и «скручивание руки внутрь».

Первые два изменения, по нашему мнению, достаточно полезны. Но с описанием техники выполнения приемов, считаем, нужно быть осторожнее. В случае «скручивания руки наружу» были расширены границы и способы выполнения приема. Здесь мы имеем в виду способ переворачивания ассистента на живот: либо обходом со стороны головы ассистента, либо перешагиванием через туловище. А вот с описанием «скручивания руки внутрь» ситуация довольно запутанная. Поясним в чем дело.

В соответствии с описанием этого приема, приведенным в НФП-2012, он должен был выполняться следующим образом: «Задержание рычагом руки внутрь. Захватить запястье правонарушителя двумя руками и нанести расслабляющий удар но-

¹ Приказ МВД России от 27.07.2020 № 522 «О внесении изменений в приказы МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 и от 23 ноября 2017 г. № 880».

² Приказ МВД России от 13.11.2012 № 1025 дсп «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации».

³ Приказ МВД России от 29.07.1996 № 412 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел».

гой. Возвращая ее назад - в сторону, сильно потянуть захваченную руку на себя, скручивая ее внутрь, завести его плечо себе под мышку (плечо). Зафиксировав плечо между бедром и туловищем, одновременно упереться основанием ладони ближней к нему руки в его локоть. Отвести руку вперед-вверх, перегибая ее в локтевом суставе вверх-наружу и дожимая кисть, провести три болевых приема: рычаг плеча, локтя и дожим кисти. Контролируя положение задерживаемого болевым воздействием на кисть, перейти на загиб руки за спину с последующим сопровождением».

В НФП-2017 рассматриваемый прием описывается так: «Захватить правое предплечье ассистента левой рукой сверху (большой палец к кисти). Нанести расслабляющий удар левой голенью по левому бедру ассистента изнутри и захватить предплечье двумя руками (правой рукой снизу). Скручивая предплечье внутрь, завести захваченную руку себе под плечо. Приседая и наклоняясь вперед, прижать плечо ассистента туловищем к левому бедру сверху. Перегибая руку в локтевом суставе верх и надавливая на запястье, дожать и скрутить кисть внутрь. Далее действовать аналогично загибу руки за спину толчком».

Согласно изменениям, внесенным в наставление в 2020 г., этот прием необходимо выполнять следующим образом: «Захватить хватом сверху (прямым) двумя руками предплечье атакующей руки ассистента. Нанести расслабляющий удар одноименной захватываемой руке ногой. Разворачиваясь вокруг своей оси на опорной ноге, выполнить шаг назад в сторону, одновременно скручивая предплечье внутрь и вытягивая атакующую руку на себя, вывести ассистента из равновесия и завести захваченную руку себе под плечо. Приседая и наклоняясь вперед, прижать плечо ассистента туловищем к левому бедру сверху. Перегибая руку в локтевом суставе верх и надавливая на запястье, дожать и скрутить кисть внутрь. Далее действовать аналогично загибу руки за спину толчком».

Таким образом, описание приема в течение последних девяти лет менялось трижды, но принципиальная разница заключается только в способе нанесения расслабляющего удара и, как следствие, в направлении движения атакующего в момент выполнения приема. Конечная фаза приема одинакова во всех трех вариантах. Стоит ли заострять внимание на способе нанесения расслабляющего удара и направлении движения, если конечное положение после выполнения приема одинаково? Тем более, это всего лишь «демонстрация приема на несопротивляющемся ассистенте». В реальном противоборстве наиболее эффективен тот прием:

- а) который лучше отработан;
- б) который более подходит для действия в возникшей ситуации.

При этом если после захвата руки правонарушитель тянет захваченную руку к себе, лучше выполнить рычаг руки внутрь - в соответствии с описанием, приведенным в НФП-2017. Если противник толкает захваченной рукой либо удерживает ее на месте, то прием целесообразно выполнять в соответствии с описанием, которое было включено в НФП-2012, или так, как описано в изменениях, внесенных в наставление в 2020 г. Иными словами, должно следовать известному принципу дзюдо и других единоборств: если тебя тянут, то толкай, если тебя толкают, то тяни.

Кроме того, необходимо отметить еще один аспект частого внесения изменений в описание приема - негативный педагогический эффект. Сотрудник, выполнивший прием «рычаг руки внутрь» в соответствии с НФП-2012, при сдаче зачета в 2017-2019 гг. не получил бы за него удовлетворительной оценки, а после июля 2020 г. ему бы зачли такое выполнение. И наоборот, сотрудник, продемонстрировавший этот прием в соответствии с НФП-2017 в 2017-2019 гг., получил бы оценку «выполнено», а после июля 2020 г. - оценку «не выполнено». Подобные ситуации не могут не вызывать скепсиса по отношению к боевым приемам борьбы среди сотрудников ОВД.

ARAKELYAN G.L.,
PhD in Biological Sciences,
Docent of the Department of
Physical Training of the Rostov
Law Institute of the Ministry
of Interior of Russia

PESTOV R.A.,
PhD in Juridical Sciences,
Associate Professor, Docent
of the Department of
Administrative Law of the
Rostov Law Institute of the
Ministry of Interior of Russia

BICHAN N.V.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Lecturer of the Department
of Special Tactics, Fire and
Physical Training of the
Kaliningrad Branch of the
Saint-Petersburg University
of the Ministry of the
Interior of Russia

REGULATORY AND LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

**Police, internal affairs
bodies, physical training,
instruction, order, fighting
techniques, training process,
educational process.**

Much attention is paid to physical training in the internal affairs bodies of Russia. At the same time, it is obvious that its clear regulation is impossible without the existence of a single regulatory legal act that would regulate the organization of physical training, the delivery of physical training standards by employees of the internal affairs bodies and establish criteria for evaluating the performance of control exercises. There is currently no such document. The issues listed above are reflected in two independent normative acts, which cannot but cause difficulties. The article presents some results of the study of the regulatory framework for the organization of physical training in the internal affairs bodies, formulates proposals for its improvement.

Отметим также, что вызывает сомнения целесообразность присутствия в Наставлении по физической подготовке таких разделов, как «Лыжная подготовка» и «Плавание». В своей профессиональной деятельности сотруднику полиции не часто приходится преследовать правонарушителя на лыжах или в плыв. Кроме того, материальная база большинства подразделений ОВД и образовательных организаций не позволяет сдавать контрольные упражнения по лыжной подготовке и плаванию. Бесспорно, бег на лыжах и плавание являются превосходными средствами развития выносливости, но ими можно заниматься в свободное от службы время.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. В действующем НФП-2017 в разделе «Прикладная гимнастика и атлетическая подготовка» (п. 22 и п. 23) приведено описание упражнений «Подъем прямых ног к перекладине» и «Отжимание в упоре на брусьях». Но нигде не приведены контрольные нормативы по этим упражнениям. По нашему мнению, следует либо разработать таблицы для оценки выполнения данных упражнений, либо убрать их из наставления.

Вместе с тем считаем, что для обеспечения единообразия в системе физической подготовки сотрудников ОВД остро назрела потребность в раз-

работке в соответствии с ФГОС и НФП-2017 примерной программы по дисциплине «Физическая подготовка» для образовательных организаций МВД России и - в дальнейшем - для центров профессиональной подготовки.

Что касается раздела «Боевые приемы борьбы», мы предлагаем выделить базовые группы приемов - «Удары и защиты от ударов», «Болевые приемы», «Броски», - которые изучать в первую очередь, а также группы производных от них приемов, такие как «Освобождение от захватов и обхватов», «Пресечение действий с огнестрельным оружием», «Сковывание наручниками, связывание брючным ремнем, веревкой», «Наружный досмотр», «Оказание помощи», «Взаимодействие сотрудников полиции», «Тактика применения боевых приемов».

Итак, для совершенствования системы физической подготовки сотрудников ОВД, по нашему мнению, необходимо включить в НФП-2017 раздел, содержащий описание порядка проверки и оценки физической подготовленности, упростить описание боевых приемов борьбы. Во главу угла при оценке уровня физической подготовленности следует ставить уровень развития физических качеств, а затем уже оценивать качество владения боевыми приемами борьбы. ■

ГРИЧАНОВ А.С.,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России
G-TON@mail.ru

УДК 37.03:351.85

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

**Нравственное воспитание,
социальное развитие,
нравственное развитие,
физическая подготовка,
образовательная организация
МВД России, обучающийся,
курсант, преподаватель
физической подготовки.**

В нашей стране успешно реализуется образовательная политика, способствующая социальному и нравственному развитию студенческой молодежи. Физическая подготовка как учебная дисциплина играет важную роль в достижении этой цели. В статье рассматривается, каким образом преподаватели физической подготовки образовательных организаций МВД России реализуют методы и средства, направленные на социальное и нравственное развитие курсантов через преподаваемую ими дисциплину. Делается вывод о том, что многогранность подходов к социальному и нравственному развитию курсантов обуславливает выбор конкретных методов и средств, тем самым позволяя нетрадиционными способами достигать целей нравственного воспитания.

Тенденции современного образования обуславливают социальное и нравственное развитие студенческой молодежи в рамках образовательной программы и указывают на то, что эта цель занимает центральное место в образовательном процессе [1]. Предполагается, что физическая подготовка играет важную роль в этом смысле, поскольку она представляет собой сферу, в которой происходят многие социальные взаимодействия между обучающимися и преподавателями¹. Е.А. Байер описывает контекст физического воспитания как наиболее значимый для нравственного развития личности [2]. Этот тезис поддержал после исследования проблем развития физической культуры личности и ее влияния на саморазвитие А.А. Оплетин [3]. Однако в специализированной литературе не обнаруживается четкого понимания возможностей применения целей нравственного воспитания в различных образовательных дисциплинах. Вместе с тем можно констатировать наличие трудностей у преподавательского состава в разграничении социального и нравственного развития.

Важно отметить, что степень позитивного вклада физического воспитания в социальное и нравственное развитие обучающихся зависит от действий обучающихся и преподавателя и взаимодействия между ними, а также от возможности эффективного использования преподавателем своего потенциала в этом вопросе² [4, с. 65].

Под социальным развитием человека понимается процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений в его собственном опыте. «Нравственное развитие, - утверждает С.А. Месникович, - это процесс усвоения нравственных знаний, в структуре которых значимая роль принадлежит нравственным представлениям, их осмысления, эмоционального и рассудочного принятия нравственных норм, развития нравственной самооценки, уровня нравственных притязаний, нравственных качеств личности, их превращения во внутренний регулятор поведения в соответствии с нравственными принципами» [5]. Рядом авторов были проведены исследования, целью которых являлось разграничение понятий социального и

¹ См. об этом, например: Bailey R. Physical education and sport in schools. A review of benefits and outcomes. Journal of School Health. 2006. 76 (8). P. 397-401; Stegeman H., Janssens J. «Introduction» in J. Janssens, H. Stegeman, I. van Hilvoorde, N. van Veldhoven et al. (eds) Education Through Sport: An Overview of Good Practices in Europe. Nieuwegein, Netherlands: Arko Sports Media, 2004. P. 14-29.

² См. также: Витютнев Е.Е. Проблемы профессиональной подготовки преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 83-86; Bailey R. Указ. соч.

нравственного развития¹. В частности, было предложено рассматривать социальное и нравственное развитие как синоним эмоционального и психологического равновесия и включать, кроме прочего, в такое развитие навыки разрешения конфликтов и нравственное поведение.

Независимо от того, какое определение социального и нравственного развития человека оказывается более предпочтительным, следует отметить, что преподаватель физической подготовки образовательной организации МВД России больше сосредоточивается на оценке конкретного курсанта, чем на выполнении целей рабочей программы дисциплины, включая цели социального и нравственного развития обучающихся. А ведь идентификация целей социального и нравственного развития крайне важна. К сожалению, многие авторы научных работ сосредоточились на вопросах развития обучающихся, а не на конкретных способах, с помощью которых преподаватели физической подготовки могут способствовать их социальному и нравственному развитию.

В ходе предварительного изучения проблемы нами была выявлена недостаточная теоретическая обоснованность способов влияния преподавателя физической подготовки образовательной организации МВД России на нравственное и социальное развитие курсантов. В связи с этим целью нашего исследования стал анализ способов и средств физической подготовки, способствующих нравственному и социальному развитию курсантов. Мы предположили, что их социальное и нравственное развитие может осуществляться на основе уже имеющихся знаний и собственного предыдущего дидактического опыта преподавателей, через организованное взаимодействие между обучающимися, а также взаимодействие между обучающимися и их преподавателем. Основной задачей исследования была попытка ответить на вопросы, касающиеся выбора преподавателями физической подготовки образовательных организаций МВД России способов, а также средств физической подготовки для полноценного социального и нравственного развития курсантов.

Для участия в проведении исследования были приглашены 18 сотрудников кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России. Все преподаватели, которые участвовали в исследовании, имели от 5 до 15 лет опыта преподавательской деятельности. Для решения основной задачи исследования использовались следующие методы: метод сбора и записи данных, метод анализа и обработки данных, метод математической статистики, опрос, анкетирование. Процесс сбора данных состоял из трех этапов.

На первом этапе исследования проводился опрос преподавателей. Цель этого этапа состояла в том, чтобы определить, в какой мере преподаватели кафедры физической подготовки развивают социальную и нравственную стороны личности обучающихся. Вопросы касались потенциальных возможностей преподавателей в социальном и нравственном развитии курсантов, нравственных навыков,

которые удается сформировать, а также того, как происходит этот процесс. После анализа данных опроса проводились обсуждения, касающиеся новых методов и возможностей продолжения исследования. Поскольку полученные данные свидетельствовали о том, что все преподаватели уделяли значительное внимание нравственному воспитанию курсантов, было принято решение о переходе ко второму этапу исследования.

На втором этапе было проведено анкетирование. Тематика вопросов анкеты была схожа с тематикой, которая использовалась в опросе на первом этапе исследования. Результаты оказались аналогичными результатам, полученным в ходе опроса. Это дало основание объединить данные двух этапов для первоначального анализа. Удалось установить, что преподаватели акцентировали внимание на социальных и нравственных вопросах воспитания обучающихся в ходе занятий по физической подготовке. В своей работе все они берут на себя роль воспитателей нравственных качеств, что имеет большое значение для достижения целей нравственного воспитания курсантов. Тем не менее полученные данные указывали на минимальное количество используемых для этого практических методов.

Третий этап включал в себя открытые собеседования с преподавателями на заседаниях кафедры физической подготовки. В ходе собеседований рассматривались те же вопросы, что и на предыдущих этапах, а также вопросы, касающиеся опыта, в том числе зарубежного, практики социального и нравственного развития. С учетом того, что данные, собранные на этом этапе, перекрывали данные предыдущих этапов, было принято решение об объединении результатов трех этапов для итогового анализа. Это позволило определить основные направления нравственного и социального развития курсантов образовательных организаций МВД России.

Первым направлением деятельности такого рода следует считать социальное и нравственное развитие обучающихся с помощью навыков взаимодействия. Второе направление обусловлено пониманием социальных взаимодействий как неотъемлемой характеристики физического воспитания. Третье подразумевает возможность использования уже имеющихся знаний и собственного предыдущего дидактического опыта преподавателя физической подготовки для достижения текущих целей рабочей программы дисциплины, касающихся социального и нравственного развития курсантов.

Анализ полученных результатов позволил выявить проблему недостаточности разграничения понятий социального и нравственного развития. 83% респондентов отметили, что нравственное развитие предполагает необходимость обучения для выработки возможности принятия правильных этических решений, в то время как социальное развитие предполагает обучение курсантов работе как друг с другом, так и с другими окружающими их людьми. Однако 16,7% респондентов расценили эти понятия как синонимичные.

Несмотря на трудности описания и понимания социального и нравственного развития, все препода-

¹ Например: Bailey R., Armour K., Kirk D., Jess M., Pickup I., Sandford R. The educational benefits claimed for physical education and school sport. *Research Papers in Education*. 2009. 24 (1). P. 1-27.

даватели рассматривали совершенствование данной сферы отношений как важную цель физической подготовки. 77,8% опрошенных указали на то, что физическая подготовка позволяет курсантам познакомиться друг с другом. При этом для преподавателя появляется шанс изучить, как они реагируют на групповые ситуации, на командную работу. 94,4% респондентов отметили такие важные нравственные аспекты, как самооценка; обучение тому, как следует себя вести в ситуациях достижения успеха или поражения; умение сотрудничества, а также ряд социальных и нравственных аспектов.

В соответствии с полученными результатами можно выделить основные факторы, которые оказывают значительное влияние на социальное и нравственное развитие курсантов. Прежде всего это факторы сотрудничества и взаимодействия. Их важность объясняется необходимостью командной работы, совместного решения проблем, оказания взаимопомощи. По этому поводу один из респондентов отметил, что взаимодействие является ключом к физическому воспитанию, а другой подчеркнул невозможность физического воспитания без взаимодействия, командной работы и взаимной поддержки.

Взаимодействие на занятиях по физической подготовке может принимать различные формы. Согласно результатам анкетирования, спортивный или борцовский зал - это обстановка, в которой курсанты работают вместе, а преподаватели учат тому, как вести себя в различных ситуациях, решать конфликты. По словам одного из респондентов, «командная работа может привести к конфликтам внутри группы, и их необходимо решать». Некоторые из конфликтов возникают, когда курсанты оказываются в ситуациях успеха или поражения. Несколько преподавателей высказали мнение о возможности позволения курсантам самостоятельно решать, как управлять своим успехом или поражением, как работать внутри команды, как решать различные конфликты. Такие проблемы, как правило, возникают, когда курсанты должны выполнять не свойственные им роли, например роль судьи в борцовском поединке. В этой ситуации курсант должен увидеть нарушения участками поединка правил борьбы и сделать замечания. Когда у обучающихся разные роли, они должны учиться справляться с проблемными ситуациями и исправлять действия друг друга. Многогранность таких процессов указывает на необходимость обучения курсантов соответствующим нормам социального и нравственного поведения.

Среди участвовавших в исследовании преподавателей 72,2% описывают занятия по физической подготовке как средство, способствующее развитию у курсантов настойчивости и целеустремленности. В частности, в своих ответах они отмечали, что «на занятиях по физической подготовке курсанты учатся проявлять инициативу и быть настойчивым», «получают новые знания, умения и навыки, а также расширяют свой кругозор, что улучшает их самооценку».

Все преподаватели тем или иным образом подчеркнули следование определенным принципам в своих попытках создать условия для обучения,

в которых курсанты чувствовали бы себя в безопасности и развивали свои навыки социального и нравственного поведения. На занятиях важно четко определить конкретные нормы, которым курсанты должны следовать. «Я точно знаю, - уточнил один из участников исследования, - какие компетенции следует формировать, чтобы достичь социальных и нравственных целей». Вместе с тем преподаватели физической подготовки постоянно учат курсантов анализировать свои действия и поведение, выявлять различия, помогать друг другу, быть лидерами групп, сопереживать и сочувствовать, понимать, что командная работа более выгодна, чем индивидуальная. В ответах респонденты отмечали: «Как преподаватель, имеющий опыт преподавательской деятельности по этой дисциплине, я могу заставить курсантов задуматься о своем поведении»; «Для меня важно обсудить итоги занятия, разобрать частые ошибки и в случае необходимости помочь в оценке действий или бездействия, для того чтобы в дальнейшем курсанты могли вносить коррективы в свое поведение».

Кроме того, преподаватели признавали тот факт, что не все виды поведения курсантов в ходе занятий по физической подготовке являются адекватными возникающим ситуациям. Поэтому особое внимание уделяется неадекватному и травмоопасному поведению. Весомая часть объяснений преподавателя должна быть посвящена объяснению необходимости соблюдения курсантами установленных правил поведения, а также недопущения ими нарушений требований, касающихся обеспечения безопасности.

Все участвовавшие в исследовании преподаватели признали, что их собственное поведение играет важную роль в нравственном воспитании курсантов. Каждый преподаватель пытается смоделировать правильное поведение, чтобы стать образцом для подражания, создать позитивную атмосферу на практическом занятии.

Таким образом, есть основания констатировать, что преподаватели физической подготовки на своих занятиях всегда используют методы и средства социального и нравственного развития обучающихся. При этом следует учитывать, что для разных тем они будут различными (даже если не все из преподавателей пользуются специализированными методиками и средствами).

Анализ полученных в результате исследования данных показал, что участвовавшие в нем преподаватели приобрели знания и опыт социального и нравственного воспитания из трех источников: своей семьи, своего спортивного прошлого и своего профессионального пути.

В большинстве комментариев говорилось о собственном школьном и студенческом образовании: «Я воспитан так, что понимаю ответственность за свое поведение и поведение курсантов»; «Родители научили меня уважать старших и помогать младшим». В других комментариях речь шла о независимом мышлении, которое позволяет соблюдать моральные нормы и ценности. Очевидно, что эти преподаватели также пытались сформировать указанные качества у обучающихся на своих занятиях.

Вторым источником потенциальных возможностей развития социальных и нравственных навыков курсантов, на который указали преподаватели, является их собственный спортивный опыт. Обратим внимание на такое высказывание: «Я был частью своей команды, узнал много полезного для спортивной практики об особенностях поведения. Сейчас я пытаюсь передать те же самые ценности своим курсантам». Кроме того, преподаватели часто упоминают тренеров, которые сыграли важную роль в их собственном развитии. Теперь, став преподавателями, они стремятся подражать этим тренерам. Это родство со спортом не вызывает удивления, ведь становление многих нынешних преподавателей физической подготовки проходило в условиях спорта высших достижений. Безусловно, на социальное и нравственное развитие преподавателя физической подготовки оказала влияние во время их спортивной карьеры специфика данной сферы деятельности. Это может частично объяснять, почему преподавателям физической подготовки трудно провести различие между социальным и нравственным развитием. У спортсменов мнения о нравственности могут отличаться от представлений тех людей, кто не занимается спортом. Это, вероятно, сказывается и на том, чему они учат, когда становятся преподавателями или тренерами.

Третий источник знаний и опыта, касающихся социального и нравственного развития, - образовательные программы вузов, в которых учились в свое время преподаватели физической подготовки, а также программы повышения квалификации, в которых они принимали участие. Треть из них отметили: «В институте была теория, но я пытался внедрить в практику полученные знания»; «На факультете педагогики и психологии наш преподаватель уделял внимание многим вопросам социального и нравственного развития индивида, но это была только теория. Поэтому я практиковался в сфере социального и нравственного развития во время своей практической деятельности, а не в годы учебы в институте». Приведенные примеры показывают, что преподаватели физической подготовки знают теорию социального и нравственного развития, но практический опыт получен ими был в недостаточной мере. Таким образом, как представляется, эти преподаватели использовали свой предыдущий опыт для покрытия недостатка навыков в сфере социального и нравственного развития обучающихся.

В заключение следует отметить, что преподаватели физической подготовки действительно достигают целей программы учебной дисциплины в части, касающейся социального и нравственного развития, хотя они и не были в полной мере подготовлены для этого по итогам собственного обучения в вузах. Достижение целей происходит различными путями, которые отражают индивидуальную практику каждого преподавателя, несмотря на то, что не все эти методы и средства описаны в специализированной литературе. Многогранность подходов в сфере социального и нравственного развития курсантов обусловила выбор конкретных методов и средств, тем самым позволяя нетрадиционными способами достигать целей нравственного воспитания. ■

Библиографический список:

1. Hardman K., Marshall J. Physical education in schools in European context, charter principals, promises and implementation realities // Physical education: essentials issues. London: Sage Publications, 2005. P. 39-64.
2. Байер Е.А. Коррекция развития нравственно-волевой сферы личности подростков средствами физической культуры: Дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2000. 145 с.
3. Оплетин А.А. Физическая культура для саморазвития студента // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2014. Т. 9. № 3. С. 93-98.
4. Гричанов А.С. О некоторых особенностях педагогической деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2021. № 46 (65). С. 63-70.
5. Месникович С.А. Проблема нравственного развития личности в контексте психологии здоровья // Вестник ВЭГУ. 2008. № 1 (33). С. 226-228.

GRICHANOV A.S.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Assistant Professor, Docent
of the Department of Tactical
and Special Training of the
Barnaul Law Institute of the
Ministry of Interior of Russia

FEATURES OF SOCIAL AND MORAL DEVELOPMENT OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN PHYSICAL TRAINING CLASSES

**Moral education, social
development, moral
development, physical
training, educational
organization of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
student, cadet, teacher
of physical training.**

Our country is successfully implementing an educational policy that promotes the social and moral development of student youth. Physical training as an academic discipline plays an important role in achieving this goal. The article discusses how the teachers of physical training of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia implement methods and means aimed at the social and moral development of cadets through the discipline they teach. It is concluded that the versatility of approaches to the social and moral development of cadets determines the choice of specific methods and means, thereby allowing non-traditional ways to achieve the goals of moral education.

КАЛИННИКОВ А.С.,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
snaipermod@rambler.ru

КОЗЛОВ О.В.,

преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
oleg.v.kozlow@mail.ru

СТАРЦЕВ А.М.,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
aleks10s@yandex.ru

УДК 355.541.1+351.741

ОБУЧЕНИЕ ВЫПОЛНЕНИЮ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕХНИКИ СКОРОСТНОЙ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ПИСТОЛЕТА

Стрельба, огнестрельное оружие, обучение стрельбе, методика обучения стрельбе, первый выстрел, скоростная стрельба из пистолета, закрепление навыка.

В статье рассматриваются вопросы обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России технике выполнения первого выстрела в рамках освоения навыков скоростной стрельбы из пистолета. Представлены методы и способы, использование которых на занятиях по огневой подготовке позволяет обучающимся ведомственных вузов выработать и закрепить навыки эффективного ведения огня из служебного оружия. Делается вывод о важности регулярных самостоятельных занятий по отработке техники выстрела вхолостую с последующим закреплением навыка в ходе учебных стрельб.

Особенностью стрельбы из любого огнестрельного оружия в ограниченное время является максимально быстрая его подготовка к применению. Она включает в себя извлечение оружия из кобуры или перевод его из походного положения в боевое (для автоматического оружия), выключение предохранителя или установка переводчика огня на одиночный или автоматический вид стрельбы, досылание патрона в патронник и окончательная оценка ситуации с принятием решения о применении оружия. В процессе обучения все эти действия выполняются стрелком по команде «Огонь!», подаваемой руководителем стрельб. В этом случае обучающемуся необходимо реализовать только техническую составляющую выстрела, вопрос о правомерности открытия огня за него решает преподаватель. Таким образом, правовая составляющая применения оружия остается как бы в стороне: внимание обучающегося не отвлекается на анализ соответствия его действий требованиям закона «О полиции». Несомненно, на этапе освоения первоначальных навыков скоростной стрельбы отвлекаться на принятие решения «стрелять или не стрелять» нет необходимости, правомерность открытия огня должна отрабатываться после формирования устойчивых навыков производства выстрела.

Результаты анализа ряда научных исследований в области обучения стрельбе из боевого ручного огнестрельного оружия позволили нам предположить, что существует возможность определить некоторые базовые составляющие выполнения стрельбы в условиях ограниченного времени и (или) с использованием сбивающих факторов. Эти составляющие, на наш взгляд, будут определять эффективность обучения скоростной стрельбе. К их числу следует отнести принятие правильной изготовки, извлечение оружия из кобуры, приведение его в готовность к стрельбе, прицеливание или выведение оружия в район стрельбы и сопровождение движущейся цели, ведение стрельбы одиночными выстрелами или серией из нескольких выстрелов по одной цели, действия с оружием после окончания стрельбы.

В данной статье нами рассмотрены порядок и методика обучения выполнению первого выстрела в серии во время скоростной стрельбы в условиях ограниченного времени. Ведущие специалисты и исследователи в области практической стрельбы и стрелкового спорта всегда обращали пристальное внимание именно на первый выстрел. При этом, разумеется, не следует забывать о том, что точность попадания при стрельбе будет зависеть, конечно же, и от скорости извлечения оружия из кобуры, правильности принятия изготовления, быстро, но равнозамедленного вывода оружия в район прицеливания, плавности нажима на спусковой крючок, контроля прицельных приспособлений и окружающего пространства до момента окончания стрельбы.

Многие заблуждаются, считая, что скорость стрельбы автоматически нарабатывается, даже если стрелковые упражнения выполняются медленно, а навыки выполнения выстрела совершенствуются изо дня в день. Например, спринтер, специализирующийся в забегах на сто метров, проводит также и кроссовые тренировки в парковой зоне. При этом он уделяет огромное количество времени бегу в полную силу на стадионе. Или же пилот болида «Формулы-1» может для тренировки ездить кругами по парковке. Возможно, именно так он когда-то учился езде, но свои профессиональные навыки шлифует все-таки, полностью выкладываясь на гоночной трассе. То есть свои первоначальные навыки и спринтер, и гонщик нарабатывали в медленном режиме, забегами в парке и ездой по парковке. Создавали базу для их дальнейшего совершенствования. Точно так же происходит и в стрелковом спорте: необходимо заложить некий фундамент, на основе которого затем можно развивать технику стрельбы. Однако при этом навыки скоростной стрельбы обязательно нарабатываются дополнительно.

Рассмотрим более подробно, что представляет собой техническая составляющая скоростной стрельбы. Такая стрельба не является прицельной, то есть при ее ведении не используются прицельные приспособления. Прицеливание во время выполнения выстрела происходит, но оно осуществляется путем принятия правильной изготовления и так называемой «вкладкой» пистолета, то есть положением его в руках, обеспечивающим плотное и однородное удержание оружия. Скоростную стрельбу иногда называют интуитивной. Знать технику такой стрельбы обязательно, так как она значительно быстрее прицельной стрельбы. Интуитивная стрельба позволяет поражать цель в условиях недостаточной освещенности, когда прицельных приспособлений не видно. Для многих начинающих стрелков освоение данной техники стрельбы происходит проще и быстрее.

Каждый обучающийся стрельбе нуждается в тренировках не только в тире или на стрельбище: различные специальные упражнения могут выполняться и вне этих специально отведенных для ведения огня мест. Например, упражнения на удержание оружия повторно-интервальным методом. На первом занятии у некоторых стрелков при удержании оружия может появиться мелкий тре-

мор рук, что, конечно, приводит первоначально к ухудшению результатов. Зато после такой наглядной демонстрации низкой технической подготовленности обучающийся начнет сознательно работать над своей силовой выносливостью, чтобы предотвратить в дальнейшем снижение результатов стрельбы от дрожания рук. Повторно-интервальный метод с ограниченным временем отдыха позволяет укрепить мышцы рук, спины, плечевого пояса и груди, непосредственно участвующие в удержании оружия при стрельбе. Для их укрепления на занятиях целесообразно использовать эспандеры различных видов, обеспечивающие мышцам необходимую динамическую нагрузку. Мышцы плечевого пояса и рук хорошо «прокачиваются» весовыми нагрузками.

Таким образом, физическая подготовка стрелка - это процесс, направленный на формирование оптимальной физической работоспособности организма человека, позволяющей переносить большие стрелковые нагрузки и нервное напряжение, что способствует улучшению результатов стрельбы. Физическая подготовка является объективно действующим фактором, способствующим росту стрелковой подготовленности и ее поддержанию в оптимальном для обучающегося состоянии.

Кроме того, на выполнение первого выстрела существенное влияние оказывает психологический аспект подготовки стрелка. Рассмотрим для примера ситуацию с долгой подготовкой и обработкой выстрела. В предлагаемой нами технике стрелок готовится выполнить выстрел во временном интервале от 3 до 10 секунд, но не знает заранее, на какой именно секунде. При равномерном давлении на спусковой крючок - без остановок и резкого нажатия - время срыва курка с боевого взвода, хотя и будет отличаться при каждой серии выстрелов, обязательно должно приходиться на указанный временной интервал. Без постоянного контроля равномерного и плавного нажима на спусковой крючок не получится совершенно одинаково по времени (спустя одно и то же время после начала нажатия) произвести выстрел. Точная же временная характеристика для каждого нажатия на спусковой крючок при обработке выстрела является составляющей неожиданного выстрела, другими словами - вероятностью появления события спуска курка. То есть момент спуска курка с боевого взвода будет правильным, если спуск произойдет неожиданно для стрелка во временном интервале от 3 до 10 секунд.

А вот во время выполнения скоростной стрельбы по условиям упражнений эта величина вряд ли будет больше, чем несколько десятых долей секунды. В любом случае техника стрельбы в ограниченное время должна отрабатываться в жестких временных рамках, что является необходимым условием недопущения грубых ошибок, становящихся следствием ожидания выстрела. Правильная обработка спуска курка при тренировках без патрона (вхолостую) должна занимать не менее 80% от общего времени занятия, она является определяющим показателем степени подготовленности стрелка. Промахи при стрельбе из пистолета происходят в основном из-за неправильной обработки спуска курка с боевого взвода. Ошибки, связанные

с прицеливанием и колебанием оружия, также приводят к расположению пробоин в мишени в стороне от района прицеливания, но влияние этих причин не столь значительно.

Наиболее грубые ошибки, приводящие к далеким отрывам¹ и промахам, связаны с реагированием стрелка на ожидаемый выстрел. Отдача и громкий звук, которые сопровождают выстрел, на начальном этапе обучения провоцируют проявления такого условного рефлекса, как страх. В результате происходят, как правило, кратковременные, чаще всего однократные, сокращения мышц. Это приводит к достаточному далекому отрывам, причиной которых является неконтролируемое отклонение оружия (пистолета или автомата) от прицельной линии. Такое отклонение происходит при нажатии на спусковой крючок до момента вылета пули из канала ствола. Обычно данное отклонение оружия становится следствием увода кисти руки, удерживающей пистолет, вниз одновременно с резким дожимом спускового крючка. Сокращение мышц лучезапястного сустава и пальцев рук начинается до момента срыва курка с боевого взвода, либо приблизительно с началом срыва. Желание начинающего стрелка подловить момент, когда руки с оружием окажутся полностью неподвижными и будут нацеливать его на центр мишени, приводит к описанной выше ошибке. При правильной обработке спуска и сосредоточении внимания на прицельных приспособлениях оружие после выстрела и завершения процесса досылания патрона в патронник должно за счет идеомоторики мышц (мышечной памяти) вернуться в район его удержания перед выстрелом с ровными прицельными приспособлениями. Визуально стреляющий обращает внимание на ровную мушку в прорези целика. При идеомоторной тренировке (мысленном воспроизведении своих действий от поднятия оружия до контроля прицельных приспособлений после выстрела) жесткий и постоянный контроль целика и мушки особенно важен для выполнения упражнений стрельбы сериями из нескольких выстрелов в условиях ограниченного времени.

Характерной особенностью ведения стрельбы из огнестрельного оружия в ограниченное время является его подготовка к применению в максимально быстром темпе. При этом выполняется ряд последовательных сложнокоординационных действий по приведению оружия в готовность к стрельбе: извлечение из кобуры или перевод из походного положения в боевое (для автоматического оружия); досылание патрона в патронник; выведение оружия в район прицеливания.

Техника скоростного извлечения короткоствольного оружия из кобуры должна осваиваться поэтапно, с использованием на начальном этапе обычных штатных кобур. Когда навыки быстрого извлечения пистолета будут доведены до автоматизма, стрелок сможет уверенно выполнять все действия без визуального контроля за открыванием клапана кобуры, извлечением пистолета. Тогда в зависимости от условий выполнения упражнений и цели занятий возможно использование в процессе обучения специальных кобур. В этом случае особое внимание должно быть обращено на неукоснительное соблюдение мер безопасности, так как значительно повышается скорость приведения оружия в готовность к стрельбе и, соответственно, ускоряются все остальные составляющие выстрела.

Очевидно, что от того, сколько времени затрачивается стрелком на извлечение пистолета из кобуры и досылание патрона в патронник, зависит, сколько времени останется на выполнение стрельбы. Поэтому каждое действие должно быть отработано до автоматизма.

Первое, что должен сделать стрелок, - расстегнуть застежку кобуры и, подняв ее клапан левой рукой, выполнить предвари-

¹ Отрывом в стрелковом спорте называется такое попадание в мишень, которое находится на значительном удалении от основной группы пробоин, расположенных относительно недалеко друг от друга (средней точки попадания).

KALINNIKOV A.S.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Head of the Department of
Special-Tactical, Firing and
Physical Training of the
Kaliningrad Branch of the Saint-
Petersburg University of the
Ministry of the Interior of Russia

KOZLOV O.V.,
Lecturer of the Department
of Special-Tactical, Firing
and Physical Training of the
Kaliningrad Branch of Saint-
Petersburg University of the
Ministry of the Interior of Russia

STARTSEV A.M.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Special
Tactics of the Educational and
Scientific Complex for Special
Training of the Moscow University
of the Ministry of the Interior of
Russia named after V.Y. Kikot

TRAINING IN THE FIRST SHOT AS THE BASIS FOR THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE TECHNIQUE OF HIGH- SPEED PISTOL SHOOTING

**Shooting, firearms, shooting
training, shooting training
methodology, first shot,
high-speed pistol shooting,
skill consolidation.**

The article deals with the issues of teaching cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia the technique of first shot execution in the framework of mastering the skills of high-speed pistol shooting. Methods and techniques are presented, the use of which in fire training classes allows students of departmental universities to develop and consolidate the skills of effective firing from service weapons. The conclusion is made about the importance of regular self-study to develop the technique of empty shots with the subsequent consolidation of the skill during training firing.

тельный хват правой рукой за рукоятку пистолета, находящегося в кобуре. Далее одновременно с извлечением пистолета большой палец правой руки выключает предохранитель и остается на боковой части пистолета - стрелок должен чувствовать подушечкой пальца верхний край рукоятки или затворную задержку. Указательный палец укладывается на спусковую скобу, безмянный, средний и мизинец плотно захватывают рукоятку пистолета. При начале подъема пистолета в направлении цели следует захватить затвор за насечки левой рукой прямым хватом сверху. Левая рука, удерживающая затвор, остается на месте, а правая с оружием энергично выпрямляется, за счет чего патрон досылается в патронник. Затем левая рука плотно, но без максимального усилия обхватывает кисть руки, удерживающей оружие, и стрелок осуществляет равнозамедленный подъем пистолета в район прицеливания, ровняя мушку в прорези целика. К моменту выхода рук с оружием в горизонт цели мушка должна быть выровнена, а кисть с оружием закреплена в неподвижном положении. Это одно из самых важных условий достижения позитивного результата в скоростной стрельбе.

Указательный палец руки, удерживающей оружие, накладывается третьей (ногтевой) фалангой на спусковой крючок и выбирает свободный ход во время окончания подъема пистолета на мишень. Непосредственно в районе прицеливания стрелок, постоянно контролируя «ровную» мушку, дожимает рабочий ход спускового крючка, продолжая удерживать оружие достаточно жестко, чтобы после первого выстрела в серии быстро вернуть пистолет на цель, выровнять мушку и произвести следующий выстрел.

В процессе обучения все эти действия выполняются стрелком только по команде руководителя стрельб - таково требование Наставления по огневой подготовке¹. В данном случае стрелку необходимо выполнить только техническую составляющую выстрела, решение же о правомерности открытия огня за него принимает преподаватель. Таким образом, юридическая основа применения оружия остается как бы в стороне от обучающегося: внимание стрелка не отвлекается на анализ того, соответствуют ли его действия положениям Федерального закона «О полиции». Несомненно, что на этапе освоения первоначальных навыков скоростной стрельбы отвлекаться на принятие решения «стрелять или не стрелять» нет необходимости. Учиться быстро и верно принимать решение о применении оружия необходимо только после приобретения навыков скоростной стрельбы и их закрепления путем многократного повторения упражнений.

Представляет интерес методика проведения стрельб, применяемая на занятиях с полицейски-

ми в Германии (земля Северный Рейн-Вестфалия)². Ее особенностью является то, что инструкторы не используют стандартных команд на открытие огня или окончание выполнения упражнения. На огневом рубеже обучающемуся подается команда «Приступить к тренировке!» Все последующие действия стрелок должен выполнить самостоятельно - от проверки оружия на безопасность (незаряженность) до выполнения стрельбы, - используя свои знания о порядке применения оружия и связанных с этим ограничениях. В моделируемых на занятиях ситуациях сигналом к применению оружия может быть разворот мишени, включение освещения, начало движения мишени на стрелка, проникновение в помещение, где размещены различные изображения людей, в том числе и с оружием, и др.

Такой подход к тренировочному процессу позволяет обучающемуся почувствовать самостоятельность и ответственность за применение оружия. Кроме того, в случае стрельбы по групповым целям ему приходится стараться максимально качественно выполнить первый выстрел, чтобы не причинить неоправданного вреда (например, случайно оказавшимся на месте событий лицам). Следует также отметить, что на этапе закрепления приобретенных навыков применяются маркерные боеприпасы, которые позволяют отрабатывать стрельбу по реальному противнику с оружием, который ведет ответный огонь. По нашему мнению, подобное отношение к практической направленности огневой подготовки заслуживает внимания в такой непростой области обучения, как стрельба из боевого ручного огнестрельного оружия.

В заключение подчеркнем, что успешное закрепление навыка правильного осуществления первого выстрела, являющегося ключевым элементом техники скоростной стрельбы из пистолета, закладывает основу для освоения всех остальных элементов техники применения боевого огнестрельного оружия в ограниченное время. Добиться высоких стабильных результатов в практической стрельбе можно только регулярными занятиями с использованием традиционных, проверенных практикой методик обучения и современных интерактивных тренажерных комплексов. Периодическое участие в стрельбах в тире, пусть даже дважды в месяц, не может обеспечить эффективного обучения стрельбе и совершенствования приобретенных навыков. Поэтому сотрудникам органов внутренних дел рекомендуется систематически проводить самостоятельные занятия по отработке техники выстрела вхолостую с последующей проверкой нарабатываемых навыков в ходе учебных стрельб. Такое сочетание методов обучения будет способствовать решению задач по повышению качества огневой подготовки. ■

¹ Приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации».

² Holtmann H. Schieb-/Nichtschieb - ausbildung der Polizei in Nordrhein-Westfalen. Deutscher Polizeiblatt. 1998. № 6. P. 9-13. (Стрелять/не стрелять - подготовка полиции в земле Северный Рейн-Вестфалия).

СЕЗОНОВА Т.В.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
setav2010@yandex.ru

УДК 378.147+351.74

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ»

Наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, расследование преступлений, учебная дисциплина, специфика преподавания.

В статье представлено авторское видение совершенствования методики преподавания в образовательных организациях МВД России дисциплины «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Обращается внимание на собственный опыт автора по использованию различных форм и методов преподавания. В частности, отмечается высокая продуктивность использования имитационно-профессиональных игр. Этот метод интерактивного обучения обеспечивает развитие познавательной деятельности обучающихся, формирует у них критичность в подходе к мнению коллег, позволяет им осознать свое место и роль в коллективе.

Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов приобретает в России характер национальной угрозы. Количество преступлений в этой сфере постоянно увеличивается, они видоизменяются; преступники ищут способы противодействия расследованию, изобретают новые формы и способы совершения преступных деяний. Сбыт запрещенных законом веществ в связи с этим имеет повышенную опасность. Лица, причастные к совершению данного преступления, объединяются в преступные группы различной степени организованности, используют при подготовке и совершении указанных преступлений последние достижения науки и техники, изощренными методами пытаются скрыть следы преступной деятельности [1].

Все это заставляет сотрудников органов правопорядка непрерывно работать над поисками наиболее результативных путей борьбы с правонарушениями данного вида, учитывая их специфику, и новых методик осуществления расследования. Важная роль в этой деятельности отводится подготовке квалифицированных кадров для органов следствия, в связи с чем особую актуальность сохраняют вопросы повышения качества преподавания учебных предметов, знания по которым необходимы специалисту для эффективной работы в рассматриваемой сфере. Раскрыть преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, установить состав преступной группы, доказать преступность действий каждого из ее членов достаточно трудно. Необходимо владение знаниями о предмете преступного посягательства, тенденциях и перспективах оборота наркотиков в России, проблемах противодействия их незаконному обороту.

Полное и качественное расследование преступлений указанного вида во многом зависит от ясного понимания того, что является предметом посягательства. Четкое знание предмета преступления обуславливает его квалификацию. Установление способа совершения преступления помогает выявить причины и условия, способствующие совершению таких преступлений. В процессе расследования по уголовным делам об обороте запрещенных веществ следует умело сочетать оперативно-разыскные и уголовно-процессуальные мероприятия, грамотно использовать рекомендации криминалистической науки [2].

Для успешного решения перечисленных выше задач в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова на протяжении ряда лет при обучении на факультете подготовки следователей осуществляется преподавание учебной дисциплины

плины «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (на нее отводится 72 часа). Изучение предмета позволяет приобрести знания, сформировать у курсантов умения и навыки, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности в сфере противодействия преступлениям рассматриваемого вида. Предполагается, что успешное освоение курса обучающимися должно в дальнейшем способствовать повышению уровня раскрываемости таких преступлений.

Названная дисциплина преподается после изучения таких базовых дисциплин, как «Криминалистика», «Уголовное право» и «Уголовный процесс». По сравнению с ними дисциплина «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» имеет более прикладной характер, поскольку в рамках ее изучения углубленно рассматриваются тактико-криминалистические аспекты деятельности следователя при расследовании только преступлений указанного в ее названии вида, анализируются процессуальные и организационные вопросы работы органов следствия, способы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Одна из ключевых целей обучения состоит в развитии у обучающихся личностных качеств, таких как ответственность, стремление неукоснительно соблюдать закон, заботиться о безопасности личности и общества, постоянно повышать уровень своего профессионализма.

В результате изучения дисциплины обучающийся должен овладеть следующими умениями и навыками:

- оценивать имеющуюся информацию, прогнозировать ситуацию;
- аргументировать принимаемые решения, следить за их точным соответствием законодательству;
- умело работать в составе следственно-оперативной группы;
- проявлять инициативу, своевременно и обоснованно принимать необходимые решения;
- уметь успешно применять в ходе расследования знания по смежным дисциплинам;
- проявлять компетентность при назначении судебных экспертиз, при анализе предварительных исследований;
- опираться на психологические особенности преступников, учитывать их индивидуальность;
- оценивать опыт своих коллег и успешно применять его в своей деятельности;
- правильно оценивать заключение эксперта по рассматриваемой категории преступлений;
- осуществлять профилактику, предупреждать преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [3].

Первое занятие по данной учебной дисциплине посвящено анализу уголовно-правовой характеристики незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, что логично предваряет изучение вопросов, связанных с организацией, планированием и собственно процессом расследования преступлений этого вида, а также направлений предупреждения и профилактики наркопреступности. Тема имеет одновременно теоретический

и практический характер, при этом практическая часть в силу специфики изучаемого материала не может быть смоделирована и отработана в форме, например, ролевой игры. Анализ содержания темы показывает, что она достаточно сложна для восприятия обучающихся. Поэтому материал, на наш взгляд, должен изучаться на лекционных и практических занятиях, проводимых с использованием активных неимитационных методов обучения.

В своей практике мы используем различные виды лекций: проблемная лекция, лекция вдвоем, лекция с заранее запланированными ошибками. Проблемная лекция является одним из основных методов обучения, применение которого не только позволяет раскрыть учебные вопросы, но и дает возможность акцентировать внимание на отдельных аспектах практической деятельности, проявить пробелы в правовом регулировании и разночтения в понимании закона, предложить решение имеющихся проблем, а также при анализе конкретных ситуаций составить верный алгоритм выбора решения по квалификации деяния. Лекция с заранее запланированными ошибками нуждается в тщательной проработке, подготовке в части эмпирического материала. Необходимо с особой точностью подходить к планированию ошибок, чтобы они не имели чисто теоретического характера, а помогали раскрывать проблемы, связанные с практикой противодействия наркопреступности.

При выборе преподавателем вида и формы проведения занятия следует учитывать ряд обстоятельств: объем учебного времени, предусмотренного программой на изучение темы; учебное время, запланированное по данному разделу учебной программы; вопросы, которые будут рассматриваться в последующих темах учебной программы. Важным фактором выбора формы проведения занятий является характеристика целевой аудитории. Например, в работе с сотрудниками органов внутренних дел, обучающимися по заочной форме обучения, с учетом уровня их подготовки и стажа профессиональной деятельности целесообразно уходить от классической академической формы проведения занятий и выбирать в качестве основных такие формы обучения, как учебные беседы, дискуссии, анализ конкретных ситуаций [4].

Практика показывает, что даже опытные следователи испытывают затруднения при документировании незаконной культивации растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Объясняется это, с нашей точки зрения, недостаточностью естественнонаучных знаний, имеющихся у сотрудников следственных органов [5]. Поэтому на практических занятиях при составлении процессуальных документов (протоколов осмотра места происшествия, осмотра предметов, обыска, выемки) мы используем алгоритмы описания наиболее распространенных объектов растительного происхождения, запрещенных к возделыванию на территории нашей страны (мака, каннабиса, псилоцибиновых грибов). Это позволяет обучающимся нарабатывать навыки использования для описания таких объектов при составлении документов правильной терминологии.

Данные навыки будут весьма полезны в их профессиональной деятельности.

В процессе дальнейшего изучения учебной дисциплины «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» наиболее продуктивно использование имитационно-профессиональных игр. Этот метод интерактивного обучения обеспечивает развитие познавательной деятельности каждого обучающегося, критичность в подходе к анализу и синтезу позиций коллег (членов игрового коллектива), осознание своего места и роли в коллективе, и, соответственно, гибкость, быстроту и глубину мышления. Во время занятий обращается особое внимание на специфику производства следственных действий. Успешное проведение деловых игр различных видов возможно только при наличии игровой атрибутики, сосредоточенной на специализированных полигонных комплексах [6].

Однако необходимо отметить, что с учетом современных реалий рынка незаконного оборота наркотических средств некоторые следственные действия симитировать достаточно сложно. Преступники размещают незаконное производство синтетических наркотических средств на территории Российской Федерации. Нелегальная нарколаборатория - это химически опасный объект, поскольку готовые наркотические средства и вещества, которые используются для их изготовления, токсичны и вредны для здоровья человека, в том числе и для участников следственного осмотра [7]. В этом случае производство следственного действия требует не только знаний уголовного законодательства, умения применять криминалистические навыки, но и соблюдения мер техники безопасности, использования соответствующей экипировки. В ходе проведения практических занятий преподаватель может акцентировать внимание обучаемых на соблюдении техники безопасности при проведении осмотра места происшествия, но не имеет возможности закрепить соответствующие навыки на практике.

Недостатки материального обеспечения, недоступность восприятия учебного материала в обычном формате образовательного процесса возможно частично компенсировать использованием мультимедийного оборудования, которое дает возможность обеспечить наглядно-образную демонстрацию материалов занятия. В качестве вспомогательного средства применяются видеофрагменты (например кадры оперативной съемки) и видеофильмы. Использование учебных фильмов наиболее целесообразно, поскольку, как отмечают психологи, принцип визуализации относится к числу наиболее важных принципов использования средств обучения: информация, воспринятая органами зрения, лучше осмысливается и дольше сохраняется в памяти [8]. Фильм как средство обучения способствует закреплению полученных знаний, систематизации изученного, оставаясь надолго ярким моментом в памяти обучающегося. Методика работы с учебным фильмом предусматривает не только его просмотр, но и обязательное обсуждение, выделение основных положений содержания, выполнение заданий. Такой алгоритм активизирует внимание обучающихся, исключая формальный подход к просмотру [9]. Например, после просмотра учебного фильма Экспертно-криминалистического центра МВД России «Смертельные дозы» преподаватель задает такие вопросы: «О каких видах наркотических средств рассказано в фильме?», «Какая классификация наркотиков используется?», «Какие методы исследования наркотиков показаны?». Необходимо отметить, что учебные фильмы, созданные объединенной редакцией МВД России, по тематике, связанной с незаконным оборотом наркотических веществ, к сожалению, малочисленны, очень быстро устаревают и не отражают современного состояния проблемы. Иногда эффективным дидактическим средством становится видеоматериал, подготовленный самими обучающимися. Но не всегда качество создаваемого

SEZONOVA T.V.,
PhD in Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer of the
Department of Criminalistics
and Preliminary Investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Oryol Law Institute of
the Ministry of Interior of Russia
named after V.V. Lukyanov

**ABOUT THE EXPERIENCE
OF TEACHING THE
ACADEMIC DISCIPLINE
«INVESTIGATION OF
CRIMES RELATED TO ILLICIT
TRAFFICKING IN NARCOTIC
DRUGS, PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES AND
THEIR PRECURSORS»**

**Narcotic drugs, psychotropic
substances, drug trafficking,
crime investigation, academic
discipline, teaching specifics.**

The article presents the author's vision of improving the teaching methods in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the discipline «Investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors». Attention is drawn to the author's own experience in the use of various forms and methods of teaching. In particular, there is a high productivity of the use of imitation-professional games. This method of interactive learning ensures the development of the cognitive activity of students, forms their critical approach to the opinions of colleagues, allows them to realize their place and role in the team.

ими видео оказывается соразмерно затраченным временным и людским ресурсам.

В своей работе мы активно взаимодействуем с сотрудниками Экспертно-криминалистического центра Управления МВД России по Орловской области, организуя несколько практических занятий на базе отдела химических и биологических экспертиз. Курсанты имеют возможность ознакомиться с объектами экспертного исследования (веществами, растениями и предметами, изымаемыми по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ), изучить приборную базу, имеющуюся в распоряжении экспертов [10]. Специалисты рассказывают о современном состоянии экспертизы наркотических средств и психотропных веществ, применяемых при этом методах, акцентируют внимание на правильной постановке вопросов при вынесении постановлений о назначении экспертиз.

Наш опыт преподавания дисциплины «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» показывает, что ее трудоемкость следовало бы увеличить до 108 часов, поскольку без внимания остаются вопросы, затрагивающие организацию работы по расследованию преступлений в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (намеренные нарушения правил использования наркотических, сильнодей-

ствующих веществ, хищения) [11]. В связи с этим целесообразно было бы дополнить рабочую программу темой, в рамках которой раскрывались бы особенности легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Это позволит обучающимся усвоить правила, по которым определяется, законно или незаконно осуществляется оборот вышеуказанных средств и веществ, а также признаки, по которым разграничиваются эти виды оборота.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующим выводам:

1. Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, требуют применения комплексного подхода в обучении курсантов ведомственных вузов.

2. Успешность изучения дисциплины «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» обучающимися зависит от того, насколько четко и методически правильно подготовлено занятие.

3. При проведении учебных занятий важно применять интерактивные методы и средства обучения, воссоздавать обстановку, свойственную профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в сфере противодействия наркопреступности, использовать криминалистические полигоны. ■

Библиографический список:

1. Егорова Т.И. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статьи 228-228.1 УК РФ). М.: Юрлитинформ, 2016.
2. Когосов А.П., Петров А.В. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, или их аналогов: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 200 с.
3. Лапатников М.В., Николаева Т.А., Казнина И.А. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019.
4. Преподаватель вуза: технологии и организация деятельности: Учебное пособие / Под ред. С.Д. Резника; 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2016.
5. Клевцов В.В., Тишков С.А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Монография. Орел: ОрЮОИ МВД России, 2012.
6. Кривошеков Н.В., Пимонов Б.В. Учебно-криминалистическое обеспечение расследования незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ: Учебно-методическое пособие. Тюмень: ТИПК МВД России, 2017.
7. Морозов А.В., Кузовлев В.Ю. Особенности обследования мест производства синтетических наркотиков, изготовленных из токсичных реактивов // Оперативно-разыскная работа. 2019. № 1.
8. Дедов С.Г. Обучающие видеоролики в системе современного образования // Актуальные исследования. 2021. № 42 (69). С. 74-76.
9. Харитонов И.В. Использование учебных фильмов при обучении в вузе // Проблемы и перспективы развития образования: материалы I Международной научной конференции (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. 2. Пермь: Меркурий, 2011. С. 197-198.
10. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2015.
11. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2-х ч. / Под ред. Н.Е. Муженской, Г.В. Костылевой. М.: Проспект, 2015. Ч. I. 640 с.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»

Научно-теоретический журнал «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России» (до 2012 года «Вестник Калининградского юридического института МВД России») издается с 2002 года. Выходит ежеквартально. Учредитель - Санкт-Петербургский университет МВД России, издатель - Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Журнал распространяется по подписке, оформленной заранее на полугодие.

На страницах журнала регулярно публикуются статьи ученых Калининградской области, других регионов России, а также ближнего зарубежья. Авторами статей являются доктора и кандидаты наук, докторанты, аспиранты, адъюнкты и соискатели, работники органов государственной власти, сотрудники правоохранительных структур.

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют точку зрения автора (соавторов) на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса, гуманитарных наук и т.д. Представленный в научной статье, направляемой для публикации, фактический материал должен отражать новейшие данные, быть тщательно проверен и подтвержден ссылками на источники.

Все представляемые к публикации материалы редакция журнала проверяет в системе анализа текстов на наличие заимствований «Антиплагиат». В соответствии с законодательством Российской Федерации, ответственность за нарушение исключительных авторских прав (плагиат) несет автор статьи.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции «Вестника» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Калининградского филиала СПбУ МВД России, а также в сети Интернет (на сайте журнала, в интегрированном научном информационном ресурсе электронной библиотеке и т.д.) с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

**Адрес редакции журнала
«Вестник Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России»: 236006, г. Калининград,
ул. Генерала Галицкого, 30.
Тел. 8 (4012) 53-93-51.
E-mail: niirio_klimvd@mail.ru.**

Порядок публикации статей.

1. Статьи для публикации в журнале принимаются в течение всего календарного года без ограничений. Очередность публикации статей определяется редакционной коллегией и зависит от количества поступивших в редакцию рукописей, времени их поступления, соблюдения авторами требований к предоставляемым в редакцию материалам, актуальности и научной новизны содержания статей. К публикации в ближайшем выпуске журнала могут быть рекомендованы статьи, поступившие в редакцию не позднее: 1 февраля в первый номер года; 1 мая во второй; 1 августа в третий; 1 ноября в четвертый.

2. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературное и научное редактирование рукописи, сокращать в случае необходимости ее объем, откладывать публикацию статьи в связи с невыполнением автором требований к представляемым в редакцию материалам до момента устранения выявленных недостатков. Рукописи, не соответствующие требованиям к представляемым в редакцию материалам или получившие негативный отзыв в результате рецензирования членами редакционной коллегии, направляются авторам на доработку с указанием недочетов или с мотивированным отказом от принятия к публикации. После доработки автором возвращенной ему рукописи она может быть вновь представлена к публикации на общих основаниях.

3. В каждом номере журнала один автор имеет возможность опубликовать не более одной научной статьи (в исключительных случаях допускается размещение в том же номере еще одной научной статьи, подготовленной этим же автором в соавторстве). Плата за опубликование статей не взимается.

4. Редакция не возвращает авторам рукописи и сопровождавшие их материалы как в случае принятия статьи к публикации, так и в случае отказа от принятия статьи к публикации вне зависимости от причины такого отказа.

Требования к статьям, представляемым для публикации.

5. Статья представляется в виде распечатанной на принтере рукописи и электронной версии (на флэш-карте или CD-диске), идентичной бумажному варианту.

6. Объем текстовой части рукописи¹, подготовленной в соответствии с техническими требованиями к ее оформлению, должен составлять от 12 до 20 тысяч печатных знаков с учетом пробелов.

7. На первом листе рукописи статьи должна располагаться следующая информация об авторе (каждом соавторе):

¹ Текст статьи без названия, информации об авторах, библиографического списка, ключевых слов, аннотации, переводов на английский язык и других обязательных атрибутов рукописи.

- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - ученые степень и звание, почетное звание, основное место работы, должность (для докторантов, аспирантов, адъюнктов и соискателей - название учреждения, в котором осуществляется научная деятельность);

- адрес электронной почты (для связи редакции с автором).

8. После информации об авторе (соавторах) в указанном порядке размещаются:

- шифр УДК;
 - название статьи;
 - ключевые слова (10-15 слов и словосочетаний, характеризующих основное содержание статьи);
 - аннотация (3-5 предложений объемом 300-500 знаков с учетом пробелов).

9. При упоминании в статье нормативных правовых актов необходимо указывать их дату принятия, номер и полное официальное наименование. Обязательно должны указываться источники цитат, фактических и цифровых данных.

10. У каждой статьи должен быть библиографический список, составленный с соблюдением требований ГОСТ Р 7.052008 «Библиографическая ссылка». В тексте статьи номер ссылки из библиографического списка печатается в квадратных скобках, нумерация сплошная; через точку с запятой указывается, если необходимо, страница (диапазон страниц) источника, к которой отсылает ссылка (например: [4, с. 135]). При включении в библиографический список статей из журналов и сборников обязательно указываются начальный и конечный номера диапазона страниц, занимаемого данными статьями. Для книг, диссертаций либо указывается общее число страниц в них, либо страницы не указываются вовсе. Не допускается включение в библиографический список источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. Библиографический список размещается непосредственно после текста статьи. Ссылки на нормативные акты (законы, указы, распоряжения, постановления, приказы и т.д.), а также на интернет-источники в библиографический список не включаются, а размещаются в постраничных сносках.

11. После библиографического списка в рукописи в обязательном порядке размещаются транслитерация (написание латинскими буквами) фамилии и инициалов автора (всех соавторов), перевод на английский язык информации об авторе (соавторах), размещенной на первой странице, а также перевод на английский язык названия статьи, ключевых слов и аннотации.

12. К рукописи прилагаются две рецензии. Авторы, являющиеся докторами наук или представляющие статью в соавторстве с докторами наук, представляют одну рецензию. Подписи рецензентов должны быть заверены по месту их работы в установленном порядке. Рецензенты должны быть признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, зарегистрированные в РИНЦ. Информацию о рецензентах (фамилия, инициалы, место работы, должность, научные степень и звание) автор

указывает в конце рукописи статьи с добавлением следующего текста: «Подтверждаю, что рецензенты являются признанными специалистами по тематике статьи и имеют в течение последних трех лет публикации по данной тематике, зарегистрированные в РИНЦ».

13. Рукопись статьи должна быть подписана лично автором (всеми соавторами) на последнем листе после информации о рецензентах. Перед подписью размещается абзац следующего содержания: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях». Если авторов два и более, также указывается: «У авторов нет конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи». Подпись автора (каждого соавтора) заверяется по месту работы или обучения в установленном порядке.

14. Рукописи статей аспирантов, адъюнктов и соискателей должны быть завизированы на последнем листе заверенной подписью научного руководителя (с указанием фамилии, инициалов, ученых степени и звания, места работы и должности).

Технические требования к оформлению рукописи.

15. Текст рукописи и прилагаемых к ней материалов печатается на листах формата А4 в текстовом редакторе «MSWord» с межстрочным интервалом 1,5 с использованием шрифта гарнитуры «Times New Roman (Cyr)», кегль 14 пт; параметры страницы: верхнее поле 2 см, нижнее 2 см, правое 2 см, левое 2,5 см. Не допускается выставление «красной строки» в начале абзацев табулятором или клавишей «пробел»; абзацный отступ устанавливается в меню «Формат Абзац Первая строка (отступ 1,25 мм)». Текст выравнивается «по ширине».

16. Название файла дается по фамилии автора, например «Петров.doc». Таблицы, графики и другие инфографические объекты прилагаются к электронной версии статьи отдельными файлами (например «Петров.Таблица1.doc»), при этом в тексте статьи указываются места их размещения. Если к статье прилагаются графические файлы, то они называются по фамилии автора с указанием номера изображения в соответствии с использованным в тексте, например «Петров. Рисунок1.jpg». Разрешение изображений 300 dpi.

Направление статей в редакцию.

17. *Прежде чем направлять статью в редакцию, автор обязан убедиться в соответствии текста рукописи всем нормам русского литературного языка с учетом особенностей научного стиля изложения. Наличие многочисленных ошибок, неточностей и опечаток дает право редакции вернуть рукопись автору на доработку.*

18. Материалы (оригиналы рукописи и рецензий) необходимо представлять в редакцию лично или высылать почтой. Электронную версию, а также цветные сканы рецензий и последней страницы рукописи с заверенными подписями разрешается пересылать электронной почтой. ■

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 1 (71)
2023

Главный редактор
С.В. Векленко

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(формирование, дизайн,
корректурa, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 06.03.2023. Подписано в печать - 20.03.2023. Дата выхода в свет - 31.03.2023.
Формат 60x90 1/8. Объем - 18,75 у.п.л. Заказ № 427. Тираж - 600 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.